Георгий Куликов

ДНЕВНИК КОМИССАРА

...И мы учились. Учились стрелять из всевозможных видов оружия, ходить по азимуту, ориентироваться на местности, быстро и бесшумно уничтожать врага. Дмитрий Николаевич Медведев сам руководил занятиями отряда. Он с бесконечным терпением обучал нас незаметно пробираться по лесу и пересеченной местности, устраивать засады, уметь маскироваться, замечать и запоминать все мелочи, учил всему, что необходимо разведчику...

МУЖЕСТВО

SHOUT
SHARE
IT

- Дневник комиссара
  -
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - В жизни всегда есть место подвигам!

4
честь, отвага, мужество
ГЕОРГИЙ КУЛАКОВ
Дневник комиссара
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1967

Глава первая

Симферополь встретил нас как старый друг, тепло и празднично. Цветы здесь были ярче, а голоса намного громче московских. Улыбающиеся лица, загорелые женщины, визжащие дети… Наш Петька очень быстро вписался в окружающий суматошный фон. Бабушку он приветствовал уже как истый южанин, воплями и прыжками.

В Симферополе не задержались. Какие-нибудь два дня, и вот мы в санатории. У нас большие планы, связанные с отдыхом. Нужно хорошо отдохнуть. Однако московскую усталость не сбросишь вместе с одеждой. Она держит нас слабеющей хваткой, впрочем еще достаточно сильной, чтобы поднять в шесть утра, хотя есть возможность поспать до восьми.

Мне эта мысль пришла утром 22 июня 1941 года, когда, лежа на деревянном топчане, я рассматривал светлеющее предрассветное небо, думал о всякой всячине, в том числе об экскурсии на Ай-Петри, которая предполагалась днем. Затем я, кажется, прогулялся немножко, и галька шуршала, как шины на асфальте, когда тормозят легко и уверенно, и ветер был ласковый, знакомый старый соленый ветер. На душе было спокойно.

В то утро я почувствовал, что начинаю по-настоящему отдыхать, а мои заботы и волнения не то чтобы совсем ушли, но как-то отодвинулись вдаль и потеряли привычную тяжесть. Я понял, что усталость, нервное напряжение, разбудившие меня сегодня в три часа ночи, завтра совсем исчезнут и я смогу жить так, как этого хотелось мне там, в Москве.

До отъезда на Ай-Петри оставалось полчаса, я просматривал газеты. Заголовки и все виды шрифтов говорили о том, что планету лихорадит, что планета живет, торопясь и захлебываясь событиями. Глаза скользили по строчкам, которые сообщали: «… германский самолет подверг пулеметному обстрелу египетский пароход, шедший вблизи побережья Каира. Пароход получил повреждения». И еще речь шла о ливнях в Болгарии, уничтоживших посевы и разрушивших дома, о саранче в Египте, об американских безработных… Все привычно, все знакомо. И были привычными какие-то тревоги и ожидания.

Дверь открылась без стука — вошла дежурная по этажу.

— Я думала, никого нет, — смутилась она. — Хотела заняться уборкой. Зайду позже, извините.

И до и после я немало повидал дежурных. Но эту запомнил надолго.

Уходи, она сказала:

— Включите радио, говорят, интересное передают — где-то война началась.

Она закрыла дверь, а я включил радио.

Первые услышанные слова, как тисками, сжали сердце. Рита замерла у зеркала с гребенкой в поднятой руке.

Московский диктор, четко произнося слова, говорил о беде, нависшей над Родиной. Прошло всего несколько минут, и ничего не изменилось вокруг — солнце, небо и море были прежними, но мир стал другим, и все это сделало одно страшное слово — «война».

…Только через два дня мы с Ритой на попутном грузовике добрались до Симферополя. Забрав сына, оставленного у бабушки, мы направились на вокзал. Он был переполнен. Как изменились люди! Как изменилось все вокруг! Признаки войны порой неуловимы, но они понятны всем. Печать войны превращает яркий загар в серую пленку, спокойный взгляд становится суровым, энергичная походка — суетливой. Обычное кажется необычным, бесконечное будущее сжимается до коротенького «завтра», и это «завтра» странным, удивительным образом преобразуется в «сегодня», «сейчас». Как-то внезапно и неожиданно возрастает роль мгновения. Все понимают, что через войну не перешагнуть, ее нужно пройти…

Как только я увидел дежурного, я понял, как мне повезло. Несколько лет назад мы учились с ним в Симферопольском промышленно-экономическом техникуме. Он мне помог, и уже в тот же вечер мы тряслись в переполненном вагоне, считая минуты, когда появится Москва.

…В Москве была длинная очередь к начальнику второй части, был короткий малоприятный разговор, каких в ту пору, вероятно, происходило немало во всех военкоматах страны.

— У вас бронь, вы нужны в тылу. Когда надо будет, вызовем. И не возражайте, пожалуйста, — полковник сердито взглянул на меня, — мы все стремимся на фронт. Мне самому три рапорта с отказом вернули.

Что делать? Я ушел. Но по дороге домой мне пришла мысль посетить Куйбышевский райком партии. Там вторым секретарем Борис Григорьевич Каплан, он мне поможет. В мою бытность заместителем секретаря партбюро Главтекстильмаша мы часто с ним встречались.

— Все ясно. Коммунист Кулаков рвется на фронт, а его не отпускают. Бронь мешает. Верно?

— Верно. Неужели без меня не обойдутся в тылу? — Я старался упирать не на чувства, а на логику. В самом деле, имеет

ли сейчас значение та техническая проблема, которой я посвятил многие годы своей жизни. Я доказывал, что не имеет.

Каплан молча слушал. Затем снял трубку и набрал номер.

— Говорит Каплан. Как Новиков? По-прежнему? Конечно, подумаем. Позвоню завтра. Хорошо, обязательно.

Из трубки раздались сигналы отбоя. Борис Григорьевич как-то очень внимательно посмотрел на меня.

— Пока тебе больше ничего не скажу. Иди и жди звонка…

Прошло несколько дней, и меня вызвали в ЦК партии. По-видимому, Каплан сдержал свое обещание. В кабинете работника военного отдела меня познакомили с высоким подтянутым черноволосым мужчиной. Кожа его лица, видно, давно не знала яркого солнца, взгляд умный, строгий, чуть печальный.

— Медведев, — коротко представился он.

Нас оставили вдвоем. Медведев сел напротив меня в кресло и сказал:

— Ну что ж, давайте потолкуем.

Так начался наш первый разговор. Он продолжался минут сорок. Я уже не помню точно, какие слова были произнесены, какие вопросы были заданы, какие ответы были получены. Помню только постепенно нарастающую волну доверия к этому человеку, и это доверие сделало меня предельно откровенным. Глядя в его зеленоватые серьезные глаза, я чувствовал себя удивительно спокойно, и говорил с ним, как со старым другом. Видимо, я ему тоже понравился, так как он неожиданно встал и положил свою крепкую руку мне на плечо.

— Ну что же, комиссар, значит, будем воевать вместе?

— Комиссар? — удивился я.

— А тебе разве ничего не сказали? — в свою очередь, удивился Медведев. — Мой комиссар Новиков тяжело заболел, и райком партии рекомендовал тебя вместо него в партизанский отряд, где я командир. Так что прошу любить да жаловать.

Так мы познакомились с Дмитрием Николаевичем Медведевым. С этого часа нам предстояло идти рядом по опасным дорогам войны, где прежде всего ценятся мужество, взаимовыручка, дружба, где каждый неверный шаг стоит жизни.

Здесь, в комнате на Старой площади, кончилась моя штатская жизнь!

Пока я звонил домой, Медведев стоял у окна. За его плечами через стекла я видел шторы на окнах соседних домов, серые неподвижные аэростаты в небе. Я разговаривал с женой по телефону, рассматривал Медведева. Он молча думал о чем-то. Я еще очень плохо знал этого человека. Его трудная судьба открылась мне позже. Тогда я еще не знал, что его мужество

пришло к нему не по наследству, а воспитано суровой жизненной школой.

Дмитрий Николаевич родился в семье рабочего-сталевара в городе Бежице. С малых лет он познал нужду и труд. Семья Медведевых, в которой было одиннадцать детей, много лет находилась под надзором полиции. Часто устраивались ночные обыски, часто полиция арестовывала старшего брата Александра, члена партии с 1912 года, активного участника большевистского подполья…

В 1917 году Дмитрий Николаевич вместе с братом Александром принимает активное участие в революционных боях в Брянске. Затем фронт, с 1920 года работа в органах ВЧК. С этого же года Дмитрий Николаевич член партии. В напряженной многолетней борьбе и работе закалялся его характер, воспитывались качества человека-революционера, которые потом с недюжинной силой проявились на трудном и важном участке борьбы с врагом.

* * *

Шоссе петляло среди деревушек, узкой серой лентой убегало в темнеющий вдали лес. Наш крытый брезентом «газик» несся по ровной дороге, только мелькали пробегающие мимо домики, заборы, увертывались из-под колес выскакивающие невесть откуда собаки. Неожиданно «газик» резко повернул и, подпрыгивая, покатился по твердому проселку среди соснового леса. Еще один поворот, и перед нами выросла арка с надписью: «Стрельбище «Динамо». Часовой проверил наши документы и пропустил машину на территорию.

Я увидел палатки среди сосен, заваленный оружием длинный деревянный стол, за которым сидели люди и чистили винтовки. Один из них встал, подал команду, но Медведев прервал его и представил меня. Я познакомился с начальником штаба отряда. Его открытый смелый взгляд, сильное рукопожатие понравились мне. Он, оказывается, занимался боксом, ходил на лыжах и умел многое из того, что выпадает на долю геолога-разведчика. Мне иногда случалось ошибаться в людях, я склонен преувеличивать хорошее в них, но Дмитрий Староверов был цельным человеком, и ошибки быть не могло.

…Говорят, на новом месте не спится. Я могу это подтвердить на собственном опыте. Уже скоро начнет светать, а я все лежу в своей палатке и в который раз подвожу итоги моего первого прожитого в лагере дня.

Еще по дороге на стрельбище Медведев рассказал мне о соединении, в которое входит наш отряд.

На третий день войны комбриг Богданов, начальник отдела боевой подготовки Главного управления местной противовоздушной обороны при НКВД СССР, получил приказ сформировать специальные отряды, которые вскоре выросли в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения — ОМСБОН. Такие отряды должны были стать «центром», откуда будут перебрасываться на временно оккупированную противником территорию небольшие отряды, специально подготовленные для ведения разведывательно-диверсионной работы в тылу врага. Такова была в первые дни войны главная задача группы, и никто тогда не мог подумать, что нашим бойцам придется, кроме разведки и диверсий, заниматься целым рядом сложных военных задач. Пока же у начальника штаба Богданова и у его заместителя полковника Орлова не было ни бойцов, ни оружия, ни базы, а срок, отведенный на организацию, измерялся двумя неделями. Единственно, что было ясно, — в основу бригады должны войти чекисты, преподаватели и выпускники центральной школы НКВД и Высшей пограничной школы, а также как можно больше спортсменов. Под восточной трибуной стадиона «Динамо» разместили пункт формирования, и сюда приходили на «исповедь» вызванные Богдановым и его помощниками офицеры штаба, добровольцы. Совсем не просто было найти среди множества заявлений, поступивших от добровольцев в райвоенкоматы и ЦК ВЛКСМ, подходящих кандидатов. Конечно, в первую очередь шли люди, знающие подрывное и радиодело, спортсмены-парашютисты и, наконец, просто спортсмены, как наиболее физически подготовленные и тренированные. Но за всеми этими заявлениями стояли разные люди, и с каждым надо было поговорить, каждого узнать, узнать настолько, чтобы доверить ему самое святое — защищать свою Родину. Вот поэтому кандидаты проходили три комиссии: медицинскую, мандатную и специальную. Богданов пробыл начальником штаба специальной группы всего три недели. Потом был назначен начальником штаба Орлов. Ему поручили ответственное и сложное задание — отобрать добровольцев в бригаду.

На выбор Орлова можно положиться — у него большой опыт: он партизанил еще в первые годы революции в Сибири, много лет был кадровым командиром, а перед войной начальником Себежского училища погранвойск и умел разбираться в людях. Среди добровольцев только очень немногие могли стать партизанами, Но даже и среди тех, кто на первый взгляд казался

годным, подходил далеко не каждый.

Навсегда запомнит Михаил Федорович Орлов одного человека. Однажды полковник вместе с работниками ЦК ВЛКСМ поехал в один из аэроклубов.

В просторном зале собралось больше полусотни молодых здоровых парней-спортсменов, каждый из них имел на своем счету сотни прыжков. С каждым из них Орлов говорил лично, подчеркивал, что быть бойцом в бригаде — дело сугубо добровольное. Орлов не осуждал колеблющихся, но записывал в бригаду только тех, кто сразу же говорил «согласен». И таких было большинство. Наверное, поэтому Орлову так врезался в память этот ладный, подтянутый человек с уверенными манерами и холодным взглядом. Он внимательно, не перебивая, выслушал Орлова и спокойно сказал:

— К сожалению, я не могу принять ваше предложение. Вам, наверное, известно, что у меня бронь, ведь я рекордсмен страны, и что я в ближайшее время улетаю из Москвы готовить десантников. А это, мне кажется, тоже важно.

Ничего на это не сказал ему Орлов, да что скажешь — формально все верно: и бронь есть и едет готовить десантников. Но как скверно стало на душе у полковника. Другие тоже имеют бронь, но они делают все, чтобы от нее избавиться и уйти на фронт, а этот…

Правда, подобных людей Орлову встречалось немного.

Все-таки, несмотря на все трудности, за две недели, к четвертому июля, бригада была в основном сформирована. В нее вошли 1800 человек, разделенные на 12 отрядов, 4 батальона. Каждый боец, пройдя все комиссии и получив приказ о зачислении, отправлялся за оружием и обмундированием, а потом автомашины доставляли бойцов на территорию бывшего стрельбища «Динамо», что расположено под Москвой, вблизи станции Строитель. Вот здесь-то бойцам и предстояло пройти сложную науку «войны без правил», умения наносить удар наверняка, все видеть и самому не быть замеченным, убивать врага и самому не быть убитым. Здесь они должны были стать опытными партизанами-диверсантами и все это за кратчайший срок — месяц.

И вот я, рядовой инженер-электрик, сугубо штатской профессии человек, комиссар партизанско-диверсионного отряда. Теперь я отвечаю за жизнь тридцати двух человек, да не только за жизнь, а за то, что иногда бывает намного дороже жизни: за их честь и совесть.

Передо мной четко, как в замедленной киносъемке, прошли «кадры» моего первого знакомства с отрядом.

Весь отряд выстроили перед палатками.

— Познакомьтесь, товарищи, это наш новый комиссар, Георгий Николаевич Кулаков. Прошу любить и жаловать, — представил меня Медведев.

На меня внимательно смотрели десятки глаз. Я оглядел строй: большинство бойцов мои ровесники — 28—30-летние. Пока я еще никого не знаю, вернее, почти никого — чуть-чуть улыбается мне Дмитрий Староверов, хитро прищурился Толя Шмаринов, с ними я уже знаком. Хорошие ребята, с такими не пропадешь.

Медведев словно прочитал мои мысли.

— Ну как, комиссар, какие у меня орлы? С ними и в огонь и в воду идти можно.

Я смотрел на его мужественное лицо, на значок почетного чекиста на груди и думал: здорово мне повезло, что я попал в отряд к этому человеку — вот с ним действительно и в огонь и в воду идти не страшно. И я не ошибся…

И вот сейчас, когда все кругом спят, уставшие после длинного трудового дня, я еще и еще раз подвожу для себя итоги: да, правильно решила партия, что направила меня сюда, в отряд. Здесь мое место, и я должен сделать все, чтобы оправдать оказанное мне, коммунисту, доверие.

* * *

Понеслись дни, до краев наполненные работой. Оказывается, чтобы быть партизаном, надо много знать и еще больше уметь, а время не ждет — враг рвется к Москве. И мы учились. Учились стрелять из всевозможных видов оружия, ходить по азимуту, ориентироваться на местности, быстро и бесшумно уничтожать врага. Дмитрий Николаевич Медведев сам руководил занятиями отряда. Он с бесконечным терпением обучал нас незаметно пробираться по лесу и пересеченной местности, устраивать засады, уметь маскироваться, замечать и запоминать все мелочи, учил всему, что необходимо для разведчика. Не все одинаково постигали эту науку, и это понятно: трудно сразу за такой короткий срок из мирного человека превратиться в опытного бойца. Но, несмотря на стертые в кровь локти и колени, никто не жаловался — все понимали: тяжело сейчас, зато потом будет легче. Вспоминали Суворова: трудно в учении — легко в бою, а он в этом неплохо разбирался. Особенно «отличался» наш доктор Саша Файнштейн. Веселый, остроумный и находчивый, он во время занятий совершенно преображался — становился

медлительным, нерасторопным, а главное, умудрялся производить невероятный шум даже там, где, казалось, невозможно было это сделать. Не лучше его были и многие другие. Но мы не унывали — рядом с нами всегда был командир, который помогал не только советом, но и личным примером.

Вместе с нами учились в «партизанской школе» и другие отряды. Я как-то сразу подружился с бойцом взвода связи Львом Викторовичем Бахметковым. Меня привлек его ровный и хороший характер, веселость, то, что он лихо носился на мотоцикле, да еще то, что мы оба учились в энергетическом институте. Лев Викторович только что закончил эвакуацию завода, на котором он работал, и попросил направить его на самый опасный участок, лучше всего в партизанский отряд. И вот мы вместе с ним в «Строителе». Для нас стало необходимостью встречаться после трудового дня и вести долгие и откровенные беседы. Потом, во время переходов, я часто вспоминал о нем и даже не раз мысленно разговаривал с ним.

Среди бойцов обращала на себя внимание группа девушек санинструкторов. Одетые в гимнастерки, юбки и лыжные ботинки (им выдали сапоги слишком больших размеров), с огромными санитарными сумками и пистолетами ТТ, с противогазами и флягами, они представляли смешное и трогательное зрелище. Если еще учесть, что большинство из них были небольшого роста, тоненькие и хрупкие, то при виде их трудно было удержаться от улыбки. Они устраивали соревнования, кто лучше и быстрее перевяжет рану, наложит шину, перенесет пострадавшего. Все это им пригодилось в партизанских отрядах, и многим из нас спасло жизнь.

День в отряде начинался одинаково — все делали зарядку. Если бы в этот момент кто-нибудь со стороны посмотрел на стадион, то он мог бы подумать, что сейчас мирное время и идут обыкновенные повседневные занятия. По беговой дорожке бегали легкоатлеты, в стороне разминалась группа спортсменов — кипела спортивная жизнь. После зарядки начиналась основная учеба: шли на стрельбище, учились стрелять, бросать бутылки с горючей смесью и гранаты, закладывать мины. Как выяснилось, закладывать мины было не простым делом. Сначала мы как следует изучили теорию, потом перешли к практическим занятиям.

Недалеко от нашего лагеря проходила заброшенная железная дорога — вот тут-то мы и решили попрактиковаться во взрывном деле. Инструктором был сам Медведев. Отряд быстро собрался, взял все необходимое, и мы стали искать подходящее место для диверсии и, наконец, нашли. По всем правилам заложили

взрывчатку, протянули шнур… Эффект от взрыва превзошел все наши ожидания… Во все стороны полетели куски рельсов, шпалы и комья земли, а из леса с криком выскочила перепуганная женщина. Буквально через несколько минут раздалось рычание мотора, и появился разъяренный полковник Орлов.

— Что здесь происходит? — с трудом сдерживаясь, спросил он.

— Проводим занятия по подрывному делу, товарищ полковник, — ответил Медведев.

Орлов обвел взглядом притихший отряд.

— Чтобы эта «самодеятельность» была в первый и в последний раз, — строго сказал он. — А с вами, товарищ Медведев, мы поговорим отдельно.

О чем они разговаривали, Дмитрий Николаевич нам не сообщил, видно, разговор был не из приятных, но мы потом долго вспоминали о нашей первой «боевой операции».

Учились мы также ходить в походы. Походы делали на десять километров с полной боевой выкладкой, а потом бегом — двухкилометровый бросок. Бежать приходилось и лесом и по пересеченной местности, несмотря ни на какую погоду — дождь, грязь или жару. Тут уже и появились стертые до волдырей ноги, вывихи и ушибы. Но все мужественно переносили испытания, и с каждым разом становилось все легче и легче, ведь человек ко всему привыкает. Но была одна «процедура», к которой не могли привыкнуть даже самые смелые. Для профилактики всем делали прививки поливакцины — от всех болезней, и одна мысль о предстоящем уколе у многих надолго портила настроение.

Я старался не отставать от товарищей. Так же как и все, бросал гранаты, чистил оружие, стрелял, преодолевал полосу препятствий, шел на уколы. Старался как можно лучше разобраться в хитрой механике минного дела, а также старался овладеть не менее хитрой наукой понимать человеческие характеры. А тут было над чем поломать голову: тридцать два человека — тридцать два характера, и все разные. Сначала я решил поближе познакомиться с двумя ребятами из отряда. Это были друзья — начальник штаба отряда Дмитрий Дмитриевич Староверов и радист Анатолий Шмаринов. Оба опытные полярники, товарищи по полярной зимовке. В самые первые дни войны они потребовали отправки их на фронт или в партизанский отряд.

Митя Староверов, любимец отряда, всегда веселый, добрый, общительный, был в то же время непреклонен, суров и требователен к себе и другим. Он всегда был таким, с самого детства, еще когда озорным мальчишкой бегал в школу по

заснеженным улицам родного Томска. В Томске, как определяют географы, климат резко континентальный: лето жаркое, а зима суровая, с такими снегопадами, что сугробы закрывают первые этажи домов. Воспитание в семье Староверовых было трудовое. Детей, а их было четверо — Митя самый младший, — с самого раннего возраста приучали к работе: убирать снег, заготавливать дрова, топить печи, ухаживать за огородом. Отец Дмитрия, Дмитрий Степанович Староверов, работал кассиром на железной дороге, он все умел делать своими руками и приучал к этому детей. Поэтому все умел Дмитрий-младший: и сапожничать, и столярничать, не боялся ни работы, ни трудностей. Когда Дима учился в последних классах школы, он состоял в группе самозащиты и, естественно, имел врагов среди бандитов. Однажды он отбился от трех вооруженных ножами преступников, отделавшись только изрезанным полушубком, в другой раз хулиганы прострелили ему плечо из револьвера.

Дима увлекался плаванием, лыжами, коньками, стрельбой. В стрельбе из мелкокалиберной винтовки на соревнованиях в городе Кемерово он занял первое место. Позже успешно занимался боксом. Староверов окончил геологоразведочный институт и работал в полярной экспедиции на Чукотке. Тут-то он и встретился с Анатолием Шмариновым, и дальше их жизненные пути пошли рядом. И тот и другой добровольно ушли в Красную Армию, и тот и другой попали в особую бригаду, в отряд Медведева.

Конечно, все это я узнал не сразу, многое мне потом рассказывал о нем Толя Шмаринов, но уже с самых первых дней стало мне ясно, что Митя Староверов стоящий человек.

«Наш радист Толя Шмаринов», — так всегда его звали в отряде. У него длинное труднопроизносимое отчество Аристархович, оно как-то очень уж не шло к этому невысокому, смуглому, по-юношески подвижному человеку. По общему определению, он «радист, каких мало». Двадцатилетним парнишкой начал Толя свою трудовую жизнь на полярной станции мыса Желания, куда его послали старшим радиотехником. Работа была самостоятельная — все приходилось решать самому. Толя с честью выдержал этот экзамен. Потом работал на строительстве радиоцентра Главсевморпути, затем снова ставшая привычной Арктика — Медвежьи острова и, наконец, Чукотка — бухта Лаврентия. Сюда уже Анатолий приехал с женой. Здесь у него родился сын. Но вскоре семье Шмаринова пришлось уехать на Большую землю. Чукотка оказалась неподходящим местом для пятимесячного ребенка.

7 июля 1941 года Анатолий Шмаринов добровольно вступил

в особую группу и попросил, чтобы его взяли в партизанский отряд. Его направили в специальную группу к Медведеву. Они сразу поняли друг друга, и в отряд пришел еще один хороший человек.

Толя был незаменимым человеком в отряде, он знал это, но всегда стремился принять непосредственное участие в бою.

— Пойми ты. Для меня потерять тебя все равно что потерять голову. Запомни это. Я не могу тобой рисковать. Меня заменят, а тебя некому, — терпеливо, в который уж раз, говорил ему Медведев.

Шмаринов тяжело вздыхал и соглашался, а потом опять все повторялось сначала.

Вот такой был «наш радист Толя Шмаринов».

Сразу подкупал своим спокойствием и обстоятельностью белорус Петр Лопатин, бригадир железнодорожных проводников курьерского поезда «Харбин — Негорелое». Этот поезд шел с Дальнего Востока, прибыл в Москву 25 июня и дальше не пошел — Минск и Орша были захвачены гитлеровцами. Бригада проводников — а их было около 20 человек — посоветовалась и решила идти добровольцами на фронт… Так они попали в отряд Медведева, и по старой памяти руководил ими Лопатин.

Петр Лопатин — исключительно хозяйственный и рассудительный человек, очень сильный физически, хладнокровный и спокойный. Его сразу назначили командиром отделения, и он прекрасно справлялся со своими обязанностями.

Об остальных я пока еще знал не очень много, но какие-то черты их характеров, склонности и привычки были мне более-менее ясны. Твердо я знал одно — все они настоящие патриоты, беззаветно любящие свою Родину, и любой из них, не задумываясь, отдаст за нее жизнь.

* * *

Месяц промелькнул незаметно. Заботы, большие и маленькие, наполняли наши дни. Нужно было все предусмотреть, все учесть и постараться многое предвидеть. Вооружение. Одежда. Питание. Возможные болезни. Настроение бойцов в сложной обстановке партизанской войны. И многое другое. Мы ломали голову над тысячью вопросов и знали, что на многие из них ответа быть не может. Ответ принесет действие. Только опыт покажет, как нужно сражаться во вражеском тылу. А пока оставалось главное — утверждение того боевого духа, который жил в каждом бойце.

У всех нас одно желание — скорей начать. Начать своими руками, телом и душою, всем большим и малым умением великое дело борьбы с врагом. Мы сдерживали себя. Мы молчали. Мы внимательно читали донесения с фронтов, слушали радиосводки Информбюро, но у всех в глазах таился невысказанный вопрос: когда же, когда?

И вот мы трое: Дмитрий Николаевич, Староверов Митя и я — входим в кабинет начальника особой группы. Начальник Главного управления встречает нас приветливо, приглашает сесть возле большого стола, на котором разостлана карта. Я вижу темно-зеленые пятна лесов, голубые вены рек, черные нити железных дорог.

Мои глаза ищут то место, главное место моей теперешней жизни, откуда должно все начаться. Мгновение мы молчим, мы спокойны, но чувствуется определенное, едва уловимое напряжение. Оно так понятно, так естественно…

Генерал говорит медленно, чуть буднично. И от этого слова его почему-то кажутся необыкновенно весомыми, полными глубокого смысла.

— Приказ о переброске вашего отряда на территорию, занятую врагом, подписан, — сказал он.

Я как-то сразу ощутил, что теперь мы уже не сами по себе, не отряд, который только и знает, что готовится и неизвестно когда будет использован в боевых операциях. Мы уже включены в великий механизм войны.

— Не буду говорить о том, — продолжает генерал, — какое доверие оказывают вам партия и правительство, направляя отряд во вражеский тыл. Вы это сами понимаете.

Прежде всего запомните одно: отряду придется действовать в чрезвычайно сложной обстановке.

Каковы ваши задачи?

Центральным направлением вашей деятельности должна стать разведывательная работа, а также, что чрезвычайно важно, активизация уже существующих сил сопротивления, создание новых партизанских отрядов. Надо организовать подпольные партийные и комсомольские ячейки, заблаговременно переведя часть коммунистов и комсомольцев на нелегальное положение. Против врага нужно поднять тыл. Поэтому необходим толчок извне. Существующее положение нельзя считать удовлетворительным. Подполье еще находится в стадии становления. Это понятно — необходимо время для контактов, прерванных фронтом, и для многого другого. А вокруг гитлеровцы… Этот процесс должен быть ускорен. И это в наших силах. Учтите, что в фашистском тылу действуют не только

местные партизаны. Там бродят отдельные отщепенцы: уголовники, бандиты, мародеры. Эта накипь выдает себя за партизан и грабит население, их бесчинства у местных жителей вызывают недоверие и даже вражду к партизанам, а это на руку гитлеровцам. Фашисты не только их поддерживают, но и организуют. С ними нужно повести самую решительную борьбу!

И вторая задача вашей работы является дополнением к первой. Нельзя поднять массы без агитации. Вы должны правдиво и ответственно говорить с колхозниками, рабочими, представителями интеллигенции. Людям нужно рассказывать все о положении на фронтах, о том, что армия сохранена и готова идти в контрнаступление, что Советская власть по-прежнему крепка. Формы агитации могут быть различными. Выпуск листовок, информационные листки, беседы. Нужно призывать население бороться с врагом, саботировать его приказы.

Еще раз подчеркиваю: нам необходимы разнообразные и многочисленные разведданные. Нас интересует многое. О расположении частей можно узнавать от местных жителей. Местонахождение аэродромов раскроют подсобные рабочие. О численности гарнизона можно судить по множеству внешних признаков. Мы хотим знать все о противнике: его снаряжение, его боеспособность, его подготовленность к длительной обороне. Не следует забывать, что сами гитлеровцы являются важнейшим источником таких данных. При возможности нападайте на штабы, не упускайте пленных, не узнав у них все необходимые сведения.

И наконец, самое главное — берегите людей в отряде, это самое ценное, что у нас есть. Люди-то какие!

Генерал замолчал.

— Ну что же, кажется, все из того, что нужно было сказать, я сказал.

Он крепко пожал всем нам руки и пожелал удачи…

Глава вторая

Я веду дневник, решил записывать все существенное, что произойдет за день. Это не просто делать в наших условиях, но так хочется ничего не упустить, все запомнить. Первой моей тетрадкой оказался обычный школьный дневник, где есть графы «предметы», «что задано», «оценка успеваемости», «подпись учителя» и прочее. Этот домашний, очень мирный предмет больно ранит память. Он возвращает туда, куда до момента победы возврата быть не может. Он напоминает о недавнем прошлом. Я вначале улыбался, когда читал «классный руководитель», «подпись родителей», а затем привык, перестал замечать и пишу через всю страницу от края до края.

Сегодня, 23 августа, для нас историческая дата: наш отряд в трех расхлябанных полуторках трясется по дороге к Подольску. Мы выехали на фронт.

До этого был день, до краев заполненный хлопотами и работой. То чего-то не хватало в экипировке отряда, то какой-то майор не давал машин. На урегулирование подобных дел ушло много часов. Только поздно вечером все было приведено в порядок. Наступили сумерки, и кто-то предложил перенести отъезд на утро. Но Медведев дал команду немедленно выезжать.

— В приказе указана дата отправки отряда, — подчеркнул он. — Мы должны выехать именно сегодня. Точность прежде всего.

Дмитрий Николаевич был прав — точность должна быть одной из заповедей партизана. И действительно, мы потом не раз с благодарностью вспоминали нашего требовательного в этом отношении командира.

Уже скоро ночь, темнеет. Машины то ныряют в ямы, то снова набирают скорость и несутся дальше. Мы отъехали всего 50 километров от Москвы, но уже полная темнота, и нам пришлось остановиться на ночлег. Нас разместили в помещении вокзала станции Подольск. Все улеглись где попало и сразу же уснули.

Было далеко за полночь, когда меня разбудили яркий свет карманного фонаря и голоса.

— Где командир? — спрашивал кто-то.

— Я здесь, — ответил Медведев.

— Дмитрий Николаевич? — обрадовался неизвестный. — Вот хорошо, что я вас догнал!

Медведев встал и осветил фонариком лицо говорившего.

Перед ним стоял, смущенно улыбаясь, широкоплечий, массивный человек.

— Это я, Николай Королев, — сказал он. — Я заходил к вам в лагерь «Строитель» и узнал, что вы уехали. Еле-еле догнал…

Дмитрий Николаевич сразу узнал Королева, знаменитого спортсмена, абсолютного чемпиона страны по боксу.

— Что же ты опаздываешь? Я уже ничего не могу сделать. Отряд оформлен и едет на фронт.

— Все равно никуда я теперь отсюда не пойду, берите меня с собою, — твердо сказал Николай.

— Так уж и не уйдешь? — улыбнулся Медведев. — Ладно, утро вечера мудренее, ложись, а завтра решим, что с тобой делать.

На следующее утро Медведев связался по телефону с командованием, и Николая Королева разрешили включить в число бойцов отряда в качестве адъютанта командира. Об этом нам не пришлось жалеть, а Дмитрию Николаевичу повезло особенно — Королев дважды спасал ему жизнь.

…Крепкий, закаленный в спортивных боях, Николай Федорович Королев — в то время ему было 24 года — понравился мне сразу. Он рассказал нам позже, что спортом занимается с детства, а боксом с 13 лет.

Впервые звание абсолютного чемпиона СССР завоевал в 1936 году. Но удивительное дело — он мечтал стать летчиком, учился в школе летчиков-истребителей, а стал сугубо земным солдатом — бойцом нашего партизанского отряда…

Рано утром отряд отправился дальше, к Орлу. Мимо нас проносились рощи и поля. Осень уже позолотила листву, и лес стоял в ярком уборе. Трудно было поверить, глядя на эту мирную, такую знакомую картину, что где-то совсем близко фашистские сапоги уже топчут нашу родную землю.

В Орле мы встретились с секретарем обкома партии А. П. Матвеевым, который руководил партизанским движением Орловщины и Брянщины. Он познакомил нас с обстановкой в тылу врага, рассказал о действующих здесь партизанских отрядах, и мы двинулись дальше. Когда мы приехали в Брянск, город, подожженный вражеской авиацией, горел. Жители тушили пожары. Не задерживаясь в Брянске, мы сразу же направились к линии фронта, в Жуковку.

Брянским фронтом в то время командовал генерал, ныне Маршал Советского Союза Еременко. На правом фланге, до населенного пункта Бытошь, фронт держала 50-я армия, которой командовал генерал Попов, погибший 5 октября 1941 года в боях на реке Рессете. 258-я дивизия комбрига Трубникова готовила спешно оборону, заняв на восточном берегу Десны фронт протяженностью в 34 километра. Медведев обратился к

Трубникову с просьбой помочь отряду перейти линию фронта, однако комбригу было не до нас — сразу же по прибытии дивизия включилась в кровопролитные бои с противником.

…Итак, мы на Десне. Сейчас по ней проходит линия фронта и враг пристально следит за всеми нашими маневрами. Каждую нашу попытку форсировать реку — а попыток было пять — гитлеровцы встречали ураганным пулеметным и минометным огнем. Сначала мы пытались перейти линию фронта ночью, но ракеты противника взвивались в воздух и повисали там белыми яркими шарами. Фашисты открывали огонь, и, хотя наши бойцы умело маскировались (Королев лег прямо на землю и удобно устроился, накрывшись двумя пустыми ящиками), осколки мин все же задели некоторых. Мне повезло — осколки торчали из моего вещевого мешка, как иголки ежа, но у меня не было ни царапины.

Дмитрий Николаевич решил переходить линию фронта днем, не дожидаясь темноты. Мне и Староверову приказано было выяснить обстановку и найти подходящее «окно».

Раннее сентябрьское утро… От реки веет прохладой. Перед нами гладкое поле, на нем аэродром, а дальше лес — он надежно укроет нас от врага. Машина на большой скорости прошла мимо строений аэродрома и вышла на открытое поле. Недалеко от нее разорвался артиллерийский снаряд, за ним второй, третий. Фашисты стреляли плохо, снаряды ложились далеко от машины. До леса осталось совсем немного, метров семьдесят, как вдруг спустил баллон на переднем колесе, и машина резко остановилась.

— Вылезай, Георгий, приехали. — Староверов выпрыгнул из машины и подошел к шоферу. — Помощь нужна? — спросил он.

Вдруг мы оба вздрогнули — совсем близко раздался одиночный выстрел, похожий на пистолетный, затем другой — возле машины взметнулся фонтанчик пыли.

— Разрывные пули. Это их снайпер, — предположил я.

Мы со Староверовым стали рассматривать в бинокли противоположный берег. Одинокие трубы, кое-где обуглившиеся деревья — вот все, что осталось от некогда живописной деревушки. Как восклицательный знак, к небу поднималась уцелевшая колокольня старой церкви, на которой, по-видимому, и устроился снайпер.

— Вот бы снять его, — вздохнул Староверов, справедливо считавшийся лучшим стрелком в нашем отряде.

Но задерживаться было нельзя: снаряды падали совсем близко.

— Скорей в машину, скорей, — торопил водитель.

Мы быстро вскочили в кузов и благополучно добрались до леса. На опушке стоял сарай, из его крыши торчал хвост самолета. Черная свастика на желтом фоне — это был сбитый фашистский «горбыль».

— Как интересна и многообразна жизнь, Георгий, — вдруг сказал Староверов. — Вот мы с тобой, убежденные мирные люди, сейчас радуемся при виде разбитой прекрасной машины и убитых летчиков. Мы взяли оружие, чтобы доказать любовь к жизни, к нашей Родине, которую мы будем защищать до последнего. А разве месяц назад поднялась бы у тебя или меня рука на человеческую жизнь, разве смогли бы мы разрушить совершенный механизм? Конечно, нет. А сейчас каждый убитый нами фашист или уничтоженный самолет — это наш личный вклад в общее дело победы.

Я согласно кивнул головой, Дмитрий был прав.

…Только через два дня удалось обнаружить подходящее для перехода место. К нему стал подтягиваться наш небольшой отряд. Шли осторожно — в любую минуту из-за поворота дороги мог появиться враг. Его части были разбросаны повсюду. Королев, Староверов и я ехали на простой крестьянской телеге. Митя Староверов негромко пел, он обрывал песню на первой фразе и начинал новую.

— Смотри, Георгий, дымок впереди, — неожиданно сказал он.

— Это наших колхозников немец из деревни в овраг выгнал, — нахмурился возница.

Действительно, на склонах оврага в наскоро вырытых землянках ютились колхозники. У одной из них толпился народ — прямо на земле лежал мальчик лет четырнадцати, а рядом с ним рыдала женщина, по-видимому его мать. Парнишка весь был в крови, и голубые глаза были единственным ярким пятном на его белом лице.

— Что с ним? — тихо спросил Королев.

— К своей избе хотел подойти, а фашисты, сволочи, подстрелили, — объяснил кто-то.

Наш врач Саша Файнштейн прошел вперед к мальчику.

— Как тебя зовут? — спросил он, становясь на колени, чтобы осмотреть его.

— Сергей, — ответил тот и стиснул зубы, чтобы не выдать боли. Во время осмотра он не проронил ни слова, ни разу даже не застонал.

— Молодец, Сергей, поправишься, будешь фашистов бить, — доктор поднялся и отряхнул колени.

Глаза мальчика засветились.

— Полечусь немного и пойду к партизанам. Я лес хорошо знаю, из винтовки стрелять умею и из пистолета тоже. Меня ведь возьмут в отряд? Правда?

— Обязательно возьмут, — подтвердил Медведев. — Поправляйся. А мы отомстим гитлеровцам за тебя, за твою деревню, за то, что жгут наши дома и топчут нашу землю.

Мы пошли дальше. Все молчали.

— Боюсь, он не выживет. Рана серьезная, — тихо сказал Файнштейн.

Потом мне не раз приходилось видеть убитых и раненых, провожать в последний путь товарищей, но я никогда не забуду этого парнишку, лежащего на земле, его суровое лицо и детские голубые доверчивые глаза.

Было совсем темно, когда мы добрались до деревушки, где размещалась наша часть, держащая оборону. Командир батальона ждал нас. Мы договорились о переходе линии фронта, потом стали вспоминать Москву.

Вспомнил и я свою Риту и Петуха. Как они сейчас? Достал их фотографии, не удержался, показал товарищам — на душе стало как-то теплее. В разговоре выяснилось, что командир батальона, капитан Машкович, из-под Минска, со станции Славная.

— Кто-то у нас есть из Славной, — вспомнил Староверов.

— Передайте ему привет от капитана Машковича. На Славной только один капитан, и меня все там знают.

От Машковича мы вышли далеко за полночь. Луна ярко освещала небольшую рощицу и деревушку. У забора соседнего домика виднелись темные фигуры, слышались уверенный басок и девичий смех.

— Ну, Королева нам долго ждать придется, — улыбнулся Староверов.

Ночь пролетела незаметно. Встали рано утром. День обещал быть хорошим: безоблачное небо, тихо. Деревушку Белоголовль на две части разделяла речка. На одной половине деревни находился противник, на другой — наши. Занятая врагом часть деревни как вымерла — все жители убежали на нашу сторону, а гитлеровцы там жить боялись — только изредка делали вылазки на пасеку за медом. Единственной переправой через речку служила полуразрушенная плотина, пристрелянная гитлеровскими пулеметчиками.

Мы дождались 12 часов дня, когда у пунктуальных гитлеровцев начиналась раздача обеда, и бесшумно по противотанковому рву подошли к мельнице. Теперь надо было терпеливо ждать.

— Ребята, кто у нас из Славной? — спросил я шепотом.

— Латушкин, — донеслось в ответ.

— Вам привет от капитана Машковича. Мы вчера были у него в гостях.

— Да это же мой отчим, он заменил мне отца! Где он? Что с ним? — заволновался Латушкин.

— Он здесь, недалеко, командует батальоном, жив и здоров. Велел вам кланяться.

Вот ведь как случается в жизни — отец и сын были совсем рядом, а увидеться им не пришлось. Да и сейчас не удастся — нельзя отлучиться с места ни на минуту. Ничего не поделаешь — война.

Солнце поднялось высоко, приблизилось к зениту. У противника все замерли. Видимо, «приступили» к обеду. Пора… Ползком, друг за другом, мы стали переправляться через плотину. Скользкие, мокрые бревна так и норовят выскользнуть из-под ног. Но все благополучно перебрались. Бесшумно переползли пустую улицу, через пасеку в овраг, затем в лес.

Вот где пригодилась тренировка на базе в «Строителе». Даже доктор на этот раз умудрился проползти без обычного шума. Так без единого выстрела мы перешли линию фронта. Правда, «потери» были.

Когда переправа осталась далеко позади и мы выбрались с нейтральной территории, вдруг кто-то воскликнул удивленно и насмешливо:

— Смотри! Ого, как они его разделали!

Я оглянулся и увидел незнакомого бойца. С опухшего, покрытого бело-розовыми пятнами лица сердито смотрели заплывшие глаза. Боец этот удивительно кого-то напоминал, и понадобилось несколько секунд, чтобы узнать в нем доктора. Сашу искусали пчелы. Его одного, никого больше.

— Он всю дорогу шипел, когда ползли через пасеку и овраг, — со смехом рассказывали потом бойцы. Впрочем, в момент перехода нам было не до смеха…

В тот же вечер Анатолий Шмаринов передал на Большую землю нашу первую радиограмму о благополучном переходе линии фронта. Теперь мы в тылу врага.

* * *

Итак, линия фронта позади. В лесу тихо, только кое-где время от времени раздаются пулеметные очереди. Нервы у всех напряжены до предела — хочется немедленно, лицом к лицу, встретиться с противником.

— Телефонный кабель, — раздался громкий шепот, — руби! — И кто-то опустил на провод тесак.

— Без моей команды никаких действий! — приказал Медведев. — Слушай, Георгий, — позвал он меня. — Разъясни бойцам, что сейчас надо быть осторожными, как никогда. Ведь противник, заметив нарушение связи, пошлет проверить линию, и отряд могут обнаружить.

Я обхожу нашу небольшую колонну и объясняю всем, что в настоящее время наша основная задача — как можно глубже забраться в тыл противника, организовать базу и только тогда можно начинать активные действия. Сейчас, даже при неожиданной встрече с противником, нельзя принимать бой, а надо немедленно уходить…

Медведев оказался прав: наша разведка, идущая впереди, действительно увидела вражеских связистов, проверяющих телефонный кабель. Не открывая огня, гитлеровцы бросились бежать.

— Без команды не стрелять! — крикнул Медведев. — Шире шаг!

Мы почти бежали, стараясь до наступления темноты уйти от опасного места. Когда стемнело, отряд пошел медленней, изредка сверяясь с картой и компасом. Был уже час ночи, когда Медведев разрешил сделать привал. Староверов, командир и я стали по очереди проверять и сменять часовых.

После очередной смены караула я лег и моментально заснул. Вдруг будто кто-то толкнул меня в бок, я проснулся: недалеко от нас громко говорили по-немецки. Я приподнялся и обомлел, увидев замаскированные фашистские танки, возившихся около них солдат. Оказалось, что наш отряд спал на самой опушке леса в кустарнике, буквально в двух шагах от гитлеровцев.

— Дмитрий Николаевич, Дмитрий Николаевич, Проснитесь! Фашисты рядом! — тихо тормошил я Медведева.

Тот сразу проснулся и все понял.

— Надо незаметно уходить, а то погубим весь отряд.

Мы осторожно разбудили бойцов и незаметно ушли от опасного места. Вот уже второй раз мы встречаемся с врагом, и он остается целым и невредимым. Ничего, так недолго будет продолжаться — мы все еще наверстаем…

> *«15 сентября.*
>
> *Вышли по направлению южнее Клетни. Дошли до дороги и обнаружили небольшую мотоколонну противника, которую и обстреляли».*

Вот и наступило боевое крещение. При переходе через

большак у Сальниковых хуторов Клетнянского района разведчики, шедшие впереди отряда, доложили, что приближается колонна автомашин.

— Как ты думаешь, Георгий, сейчас можно дать бой? И ребята подбодрятся, а то они уже стали ворчать, что мы на врага только смотрим, а не воюем с ним, — обратился ко мне Медведев.

— По-моему, ты прав, надо давать бой! — согласился я.

Бойцы залегли в кустах и стали терпеливо ждать. Впереди автоколонны трещал мотоцикл, за ним двигался бронетранспортер с солдатами, за ним шла легковая машина. На ее заднем сиденье развалился генерал. Замыкал колонну грузовик с солдатами и мотоциклисты.

Медведев передал команду: огонь открывает Староверов, он должен был «снять» шофера передней машины.

Автоколонна поравнялась с нами, и почти одновременно раздались выстрел Староверова, треск автоматов, разрыв гранат. Вспыхнул мотоцикл, фашисты в панике открыли беспорядочный огонь, но все их старания были напрасны: через несколько минут бой закончился. Все гитлеровцы были уничтожены.

После боя мы обнаружили, что пропал один боец — Королев, однофамилец боксера. Его искали, громко звали, но он так и не отозвался. Кто-то из бойцов вспомнил, что видел его на другой стороне дороги на опушке леса, он был в передовом охранении. Подождали еще четверть часа — Королев так и не появился. Дальше оставаться на месте боя было опасно, и отряд двинулся в путь.

Только несколько месяцев спустя, когда отряд опять проходил этой дорогой, мы узнали, что случилось с Королевым. Нам рассказали об этом местные жители. Как выяснилось, Королев лежал в засаде несколько поодаль от других, у моста, и когда начался бой, ему показалось, что он отрезан от отряда. Так как он знал, что мы должны пройти без выстрела, он встал и пошел искать отряд, но только отдалялся от него. Фашисты поймали Королева на следующий день и долго пытали его, стараясь узнать фамилию командира, численность отряда, его маршрут. Они перебили партизану нос, вырывали ногти, а потом повесили на том месте, где мы провели свою первую боевую операцию. Возле его ног сложили обгоревшие остатки машин и вывесили приказ, в котором объявили, что тот, кто снимет труп, будет расстрелян… Мы похоронили нашего товарища у этой березы, на развилке дорог. Но все это, как я уже говорил, произошло значительно позже, а в тот день отряд, успешно закончив бой, быстро двинулся дальше. Мы шли и чувствовали, что идем по своей родной земле, что здесь мы хозяева и что мы

сделаем все, чтобы у ненавистного врага не было ни одной спокойной минуты, чтобы всюду поджидала его меткая партизанская пуля.

* * *

Уже прошло пять дней, как мы перешли линию фронта. Понемногу начинаем привыкать к нашей новой партизанской жизни. Пока отряд нигде не задерживается, мы останавливаемся только на отдых и снова идем дальше. Неважно обстоит дело у нас с едой: заранее подготовленной базы нет, переносить с собой продукты через линию фронта мы не могли, и теперь поневоле пришлось стать «вегетарианцами» — в основном питаться ягодами, почками с деревьев, травами и другим подножным кормом.

Если солдатами не рождаются, то партизанами и подавно. В сущности, кто мы такие? Очень штатские, очень мирные люди, прошедшие ускоренную военную подготовку, во время которой мы многое поняли, многое освоили, но вряд ли стали настоящими бойцами. Этому нам еще предстоит научиться. А пока наше штатское нутро нет-нет да и даст себя знать. Мы еще не перестроили себя, не изменились до конца так, как это нужно в новой обстановке, мы еще не стали партизанами.

Теперь нас значительно больше, по дороге к отряду стали присоединяться выходящие из окружения бойцы и командиры. В основном это все молодежь, и те, кому за тридцать, считаются «стариками». Но из молодых самые молодые — это, конечно, Саша Немцов и Миша Жинжиков. Они появились в отряде во время одного из привалов, когда их привели партизаны, встретившие парнишек в лесу. Одетые в форму учеников ремесленного училища, усталые и голодные, они были полны решимости бить врага. Партизаны встретили их тепло, накормили чем смогли и решили принять в отряд.

Первое задание ребята получили уже на второй день своего пребывания в отряде. Их вызвал к себе командир.

— Пойдете в поселок Неделька и проверите состав гитлеровского гарнизона, его охрану — в общем смотрите и запоминайте все. А главное, будьте осторожны, сами не попадитесь, а когда будете возвращаться, не приведите за собой «хвоста», — напутствовал ребят Медведев.

— Есть, товарищ командир! Задание будет выполнено! — вытянулись ребята.

Прошел день, а от Саши и Миши никаких известий. «Неужели

ребята попали в плен?» — думали в отряде. Только на другой день поздно вечером вернулись наши разведчики, радостные и возбужденные.

Задание выполнено. «В Неделькe фашистов всего десять человек. Штаб расположен в поселке Новотроицком», — доложили они. Потом, перебивая и дополняя друг друга, ребята рассказали, сколько у врага техники, машин, огневых точек, какими дорогами они пользуются.

Как выяснилось позже, не так легко и просто прошла для Саши и Миши эта разведка. Оказывается, их схватили гитлеровцы и отвезли в штаб. Там, на допросе, ребята со слезами рассказывали о том, что они пришли в деревню в поисках хлеба и что они больше ничего не знают. Фашисты решили отложить допрос до следующего утра, а пока заперли ребят в сарай, приставив к ним часовым шестнадцатилетнего мальчишку. В этом гарнизоне вообще все солдаты были не старше 16—17 лет.

В сарае было темно и сыро. Ребята самым тщательным образом ощупали все стены, но они были сложены из толстых бревен — убежать невозможно. А потом оказалось, что бревна лежали не на сплошном фундаменте, а на столбах, между которыми была насыпана земля. Ребята по очереди стали копать землю и, прорыв лаз, вылезли на огород.

Кругом было тихо. Ночь. Весь поселок спит.

— Больше всего мы боялись, чтобы не залаяли собаки, — рассказывал Миша. — Но, к счастью, собаки молчали.

Ребята долго ползли по огороду, потом побежали, низко пригибаясь к грядкам. Так, никем не замеченные, они выбрались из деревни и скрылись в лесу. В отряд они вернулись не сразу, а шли вдоль дороги, стараясь увидеть как можно больше, чтобы не с пустыми руками прийти в отряд.

Вечером они были среди своих. Саша и Миша много раз еще ходили в разведку, приносили ценные сведения, но больше ни разу не попадали в лапы к фашистам.

…Мы идем по направлению к Клетне. Пока еще нет команды разбивать лагерь. Честно говоря, идти трудно — продовольствия мало, почти нет ничего, одежда и обувь далеко не в блестящем состоянии. Но что радует и придает силы — это хорошее моральное состояние отряда. Никто не ноет, не жалуется — все понимают, что это временно. Тем не менее я чувствую, что ребятам трудно и что надо что-то придумать для большего подъема духа. Подумал, посоветовался с Медведевым и доктором, и мы решили… выпускать газету.

Газету!.. Это, конечно, было громко сказано! Вырванный из блокнота двойной лист (бумаги у нас мало) был воспринят всеми

как настоящая газета, и мы назвали ее «За родину». Теперь в газете мы будем отражать всю нашу жизнь, а главное, надо привлечь для участия в ней как можно больше «спецкорреспондентов».

Был введен специальный раздел для сводок Советского Информбюро и серьезных статей общего характера, потом раздел «От партизанского информбюро» и, наконец, «Разное». Участие в газете принимали многие, в отряде объявились и художники и поэты. Газета пользовалась большим успехом, ее читали с интересом, прямо-таки рвали из рук, смеялись, шутили. Особенно много комментариев вызывал отдел «Разное». Сразу взяли «на вооружение» заметку: «Ценное предложение».

> «Боец тов. В. сегодня предложил отстающим во время похода накладывать в штаны крапиву, обильно растущую по дороге».

Понравились и стихи:

> Товарищ Кротов, дорогой,
> Стрелять, закрыв глаза, не надо.
> Смотри вперед перед собой,
> Не то убьешь бойца отряда.

Отдали в газете должное и кипучей деятельности нашего доктора.

> «Сегодня из-за старания нашего врача весь отряд пил раствор марганцовки. Мы согласны с марганцовкой, но не в таком количестве.
>
> Лекарства жалеть надо!!!»

Вообще, как говорится, лиха беда — начало. Первый номер газеты вышел, и теперь у нас есть своя партизанская печать.

Погода изменилась, ночами стало холоднее. Люди ложатся ближе к кострам, и часто во сне у кого-нибудь начинает гореть одежда. Утром подводим итоги, считаем «погорельцев». Начались дожди, нам это на руку — теперь размоет дороги, а русское бездорожье для гитлеровцев — погибель. Да еще и мы тут постараемся устроить фашистам «сервис». Отряд наш растет, к нам все время присоединяются новые и новые люди.

И опять встает вопрос о продовольствии, народу прибавляется много, надо всех обеспечить необходимым. Присоединились к нам старший батальонный комиссар Михаил

Чернов, Саша Боголюбов, Леша Логинов и еще несколько бойцов. Вся группа с боями выходила из окружения и пробивалась к своим. Они рассказали нам о леснике Тимофее Васильевиче Копылове, который живет где-то здесь, неподалеку, и всячески помогает партизанам.

Провести отряд к Копылову вызвался Леша Логинов, ночевавший у него два дня тому назад. Это было правильное решение — пойти к леснику. У него организованное хозяйство — есть огород, корова, куры. Можно будет немного отдохнуть, подобрать подходящее для базы место…

— Красота какая! — удивленно воскликнул Староверов, когда мы вышли на лесную поляну. — Кончится война, приеду сюда, налажу хозяйство, а потом вас в гости ждать буду.

— Метров через двести-триста будет дом Копылова, — предупредил наш вожатый.

Мы ускорили шаг.

— Что это, смотрите! — крикнул кто-то из идущих впереди.

На опушке леса лежал изуродованный труп лошади, запряженной в передок телеги. Самой телеги не было.

— Плохой признак, — тихо сказал Медведев.

Пройдя несколько метров по лесной дороге, мы увидели страшную картину. Дома лесника больше не существовало — на его месте зияло черное пепелище. Все хозяйственные службы, все сараи были сожжены дотла. Только головешки и пепел остались вместо благоустроенного хозяйства.

Мы молча стояли, глядя на пепелище… Вдруг Коля Королев сорвался с места и побежал к земляному погребу.

— Может быть, там кто-нибудь уцелел?

Но нет, ни одной живой души не осталось в этом страшном месте. На полу погреба, широко раскинув руки, лежала девушка, убитая выстрелом в лицо.

Мы отдали ей последний долг… Потом, когда мы встретились с партизанами Клетнянского отряда, они рассказали нам, какая трагедия произошла в лесничестве.

Предатель донес фашистам о том, что Копылов помогает партизанам. Никто не знал имени доносчика, но несколько позже, когда партизаны расстреляли группу предателей — бывших кулаков, — стало известно, что один из них и донес на отважного патриота. Фашисты бросили на истребление семьи Копылова целый карательный отряд из восьмидесяти человек…

Мы уходили с тяжелым сердцем, жгучая ненависть комом подкатывала к горлу, и казалось, попадись сейчас фашистский отряд хоть в триста человек стерли бы его с лица земли.

Все эти мысли были выражены в маленькой заметке в нашей

газете.

«Священная месть

Проходя каждый шаг по земле, где ступал фашистский сапог, мы воочию видим, что несет трудящимся оголтелая гитлеровская банда… Сожженные деревни, убитые люди. Только сейчас мы видели убитую женщину. Кто она, мы не знаем. Но это советская женщина, одна из многих тысяч поруганных и убитых наших жен, матерей, сестер. Над ее могилой поклянемся мстить фашистам, истреблять коричневую сволочь. Кровь за кровь!»

* * *

Мы идем вперед. Мглистые рассветы сменяются багряными закатами. Под ногами шуршат осенние листья. По утрам лужицы затянуты тонким хрустким ледком. Дожди все чаще. Во всем чувствуется приближение осени. Иногда мы выходим из лесу на берег какой-нибудь безымянной речушки, через которую предстоит переправляться, и тогда ненадолго негромкая красота нашей природы сладко и больно сжимает сердце. Сквозь тонкие стволы просвечивает жемчужная гладь воды. В ней отражены низкие серые облака, сиреневые дали лесов. Темные ветви деревьев опущены, словно намокшие крылья. По-змеиному изгибается оранжевая лента глинистого берега. Покой, покой и тишина во всей природе. И странно и страшно думать, что все это так ненадежно, что рядом война, смерть.

Нет, нам некогда любоваться красотами природы! Краем глаза, частицей сознания отмечаешь прелесть опавшей листвы, грибной дух земли, перламутровый оттенок утреннего тумана. Но все мысли, все чувства о том, как лучше бить врага. Бить врага стало нашей повседневной работой.

Да, война не дает забыть о себе. Каждый день мы слышим отдаленные взрывы, выстрелы. А мы уже далеко от линии фронта. Это действуют местные партизаны. Они подрывают мосты, совершают налеты на гитлеровские части, расстреливают предателей. Земля загорается под ногами оккупантов. И наша задача — разжечь еще больший пожар. Мы должны превратить разрозненные выступления в сплошной организованный поток

активных действий.

Глава третья

Опять мы в пути. Я молча иду среди товарищей, иногда перебрасываюсь с кем-нибудь словом и снова молчу и думаю. Вот идет рядом со мной мой бессменный адъютант Саша Красовский, бесшумно шагает своей легкой походкой Староверов, чуть подальше мелькает черноволосая голова казаха Дарбека Абдраимова — нашего отрядного изобретателя, остроумного и находчивого. А там, где Дарбек, безошибочно можно найти Сашу Творогова.

…Бывают на свете такие люди, которые располагают к себе с первого взгляда. Я никогда не забуду нашу первую встречу с Твороговым. Мы только что похоронили замученную фашистами дочь лесника Копылова и собирались идти дальше, как неожиданно из леса вышел невысокого роста человек, одетый в форму старшего лейтенанта. Розовощекий, с едва намечающимся пушком над верхней губой, с большими красивыми глазами, он вполне мог сойти за переодетую девушку, если бы не его мускулистая фигура и короткая мужская стрижка.

Приложив руку к фуражке, он четким строевым шагом подошел к нам и отрапортовал:

— Старший лейтенант Творогов, выхожу из окружения. — И необыкновенно приятная улыбка осветила его лицо. Что-то подкупающее было и в его улыбке и во всей его внешности, и всем сразу стало ясно, что это замечательный парень. Александр Творогов пришел к нам с оружием в руках. Война застала его на западной границе, в одном из подразделений Красной Армии, где он был сотрудником оперативного отдела. Он пришел не один, вместе с ним в отряд влилась большая группа бойцов и офицеров Красной Армии, которые в первые дни войны попали в окружение, но, несмотря на это, продолжали сражаться с фашистами. Они делали все, что могли: жгли автомашины, сеяли панику среди гитлеровцев в занятых врагом деревнях и медленно продвигались к линии фронта.

Все они беспрекословно подчинялись Саше Творогову и стали ценным пополнением в нашем отряде.

Редко встречаются такие скромные, деликатные и в то же время решительные и мужественные люди, как этот молодой, почти мальчишка, командир. Но у каждого человека есть слабости. Саше очень хотелось казаться старше своих, чуть перешедших за двадцать, лет, поэтому он старался быть сдержанным и степенным в движениях и часто морщил лоб. Правда, это ему мало помогало, возраст не прибавлялся, но,

несмотря на молодость, Саша пользовался авторитетом, который порой имел далеко не каждый пятидесятилетний.

Александр Федорович Творогов скоро стал начальником разведки нашего отряда. Вот и сейчас он хмурит брови и внимательно слушает, что говорит ему Абдраимов, а тот, видимо, рассказывает что-то веселое, и Саша не может удержаться от улыбки. Вообще многие «крылатые слова», брошенные Дарбеком, прочно вошли в наш лексикон. Ему, например, принадлежит выразительная команда «Делай белый шиворот», пользующаяся неизменным успехом у партизан. Означала эта команда следующее. Во время ночных переходов, когда выбившиеся из сил люди засыпали на ходу и могли потерять друг друга, Дмитрий Николаевич приказал прикреплять сзади на воротнике носовой платок или любую белую тряпку. Тогда, видя белое пятно на спине идущего впереди товарища, боец шел за ним, и колонна сохраняла строй. Как только темнело, Медведев передавал по колонне: «Повесить на спину носовой платок или белую тряпку». С легкой руки Дарбека эта команда превратилась в лаконичную фразу: «Делай белый шиворот».

Также вошла в историю отряда и стала традиционной «болтушка по-казахски», которую Абдраимов мастерски готовил из любого зерна, она всегда получалась одинаково вкусной.

Вообще наш хозвзвод заслуживает, чтобы о нем рассказали особо…

Командовал этим взводом Петр Егорович Латушкин. Спокойный, рассудительный и выдержанный, он прекрасно справлялся со своими весьма разнообразными обязанностями. Ведь хозвзвод занимался не только тем, что обеспечивал отряд всем необходимым. Это было настоящее боевое подразделение, постоянно участвующее в стычках с врагами и, кроме того, проводившее разведку.

Так называемые «гитлеровские заготовители» часто совершали налеты на деревни, и хозвзводовцы подстерегали их, забирали у них транспорт, отбирали все награбленное. Большую часть раздавали крестьянам, а часть брали в отряд. Все бойцы хозвзвода стали хорошими агитаторами, так как им больше, чем другим партизанам, приходилось вступать в контакты с местным населением и вести с ним политико-воспитательную работу. У каждого бойца хозвзвода есть своя «особая» специальность: Франц Игнатьевич Наркович — шеф-повар, лейтенант Волков — портной, а о парикмахере Филиппе Ивановиче Куринном нельзя не сказать несколько слов.

…Филипп Куринный буквально был влюблен в свою профессию и заслуженно считался мастером своего дела. В

свободное от боев время он раскладывал на пеньке нехитрые «орудия производства» и начинал охотиться за клиентами. Он даже составил расписание и строго следил за тем, чтобы все регулярно стриглись и брились. И горе было тому, кто пытался уклониться от этой процедуры, — непреклонный Куринный гонялся за такими недобросовестными клиентами по всему лагерю, держа в руке сверкающую бритву. Зрелище было достаточно впечатляющее и служило поводом для многих веселых шуток. Я брился ежедневно, а стригся раз в неделю, за это меня Куринный особенно уважал, а на Медведева, который отращивал бороду, сердился и даже обижался. А однажды Филипп устроил настоящий скандал, происшедший по следующему поводу.

В нашей отрядной газете «За Родину» появилось объявление такого содержания:

> «Командование отряда объявляет конкурс на самую большую бороду. Срок конкурса — 1 октября 1941 года. Победителю выдается премия — сапоги с гитлеровского генерала».

Прочитав эту заметку, Куринный даже изменился в лице и долго приставал к членам редколлегии с просьбой назвать имя автора (тот благоразумно решил остаться неизвестным), но редколлегия свято хранила тайну. Филипп потребовал дать в следующем номере опровержение и успокоился только тогда, когда командир заверил его, что это не персональный выпад против него, а безобидная шутка и что все по-прежнему будут обязаны бриться и стричься.

Кстати, надо отметить, что такая острая реакция на заметку в газете, как у Куринного, была не в новинку ни мне, ни Медведеву. Газету в отряде любили, считались с мнением «печати» и с нетерпением ожидали выпуска каждого нового номера. Сначала газета выходила на листках, вырванных из блокнота, потом выросла и стала по своим размерам как боевой листок, какие издавались в частях Красной Армии, только наша «За Родину» писалась от руки и даже стала выходить тиражом в… 2 экземпляра!

* * *

Условия, в которых находился отряд, не позволяли оформлять вступление в партию так, как обычно. Для того чтобы стать кандидатом партии, достаточно было желающему и тому,

кто дает ему рекомендацию, выступить на общем собрании с соответствующим заявлением. Потом, после возвращения в Москву, все эти материалы были оформлены надлежащим образом, утверждены соответствующими партийными инстанциями. Так мы приняли в кандидаты партии больше 25 человек, и все они стали достойными коммунистами.

Как вырос отряд! Сколько новых лиц! Разве можно сравнить эту мощную колонну с небольшим отрядом, вышедшим из «Строителя». Основное наше пополнение — это бойцы и офицеры Красной Армии, попавшие в окружение и пробивающиеся к фронту, а также жители из временно оккупированных врагом местностей.

Запомнился такой курьезный случай. Отряд расположился на ночлег. После трудного перехода все сразу заснули как убитые. Не спали только часовые, да мы с Дмитрием Николаевичем обсуждали план на завтрашний день.

— Товарищ командир, где-то дрова колют! — вдруг раздался громкий шепот, и в шалаш ворвался встревоженный Латушкин. Мы прислушались… Действительно, в ночной тишине было слышно, как кто-то рубил топором.

Надо проверить. Отправили разведку, но никого не нашли, хотя все говорило о том, что совсем недавно рядом были люди. Присоединившиеся к нам накануне четыре человека (среди них — Герой Советского Союза Михаил Иванович Сипович и полковник Сиденко) говорили, что они тоже долго искали наш отряд, прежде чем нашли его. Майор Сипович высказал предположение, что это организованная группа из двенадцати человек, о которой они слышали раньше. И будто бы она тоже ищет наш партизанский отряд.

Необходимо сказать несколько слов о Михаиле Ивановиче Сиповиче.

Звание Героя Советского Союза Михаил Иванович получил в 1940 году за героизм и мужество, проявленные в боях на Карельском перешейке при штурме так называемой линии Маннергейма. Война застала полк Сиповича на западной границе: в первый же день он был отрезан танками противника и попал в окружение. До второй половины июля полк Сиповича вел тяжелые оборонительные бои с противником. Затем пробивался на восток, чтобы перейти линию фронта и соединиться с частями Красной Армии… В нашем отряде Михаил Иванович был назначен командиром группы. В этом немалую роль сыграли его большой военный опыт и ровный, спокойный характер, умение ориентироваться в любой сложной обстановке, а главное, простота и скромность этого человека. Так же легко вошел в наш

коллектив и полковник Сиденко…

Как выяснилось позже, Сипович был прав — эти двенадцать искали нас, но, услышав свист и крики, решили, что это фашисты, и ушли. Так играли мы в кошки-мышки, бегая друг за другом, хорошо, что в конце концов они наткнулись на наших разведчиков и те привели их с собой в отряд. Вот и сейчас эта группа идет с нами в общем строю…

Мы прошли еще несколько километров по лесу и расположились на привал. Быстро поставили шалаши, зажгли костры, развесили мокрые портянки, хозвзводовцы под руководством «шеф-повара» Франца Игнатьевича начали хлопотать у котлов, и мы уже предвкушали заслуженный отдых и горячую «болтушку по-казахски», как вдруг раздались орудийные выстрелы, и один за другим возле лагеря начали падать снаряды.

Медведев срочно вызвал к себе капитана Небылова и лейтенанта Цароева и дал им задание пойти в разведку.

— В случае необходимости примите на себя первый удар, — сказал он, — и доложите обстановку.

Небылов и Цароев с группой ушли. Прошло минут сорок. Наконец, разведчики вернулись и сообщили следующее.

«Вражеской артиллерией» оказались восьми- и десятилетние ребятишки из соседней деревни. Они нашли в лесу поврежденный танк, орудие которого было в полной исправности, и начали стрелять из него. Снарядов было много, и обстрел продолжался целый час, пока его не прекратили наши разведчики. Правда, во избежание неприятностей малолетние канониры отворачивали головки снарядов, поэтому разрывов не было. Вообще, надо сказать, во время нашего продвижения по лесам часто приходилось слышать где-то вдали, а иногда и совсем близко ружейную и пулеметную стрельбу. Иногда это были гитлеровцы или полицейские, но сплошь и рядом стреляли ребята из ружей, пулеметов и винтовок. Ведь в лесах после прошедших боев оставалось много исправной техники, как фашистской, так и нашей. Стояли танкетки, зенитные и простые пулеметы, валялось много патронов. Нам удалось собрать тысяч двенадцать патронов, что значительно пополнило наш арсенал.

Здесь придется сделать небольшое отступление. В чем мы всегда нуждались, это во взрывчатых материалах. Одним из основных источников были минные поля. Мы находили их и с риском для жизни, так как никто из нас почти не знал саперного дела, извлекали взрывчатку из мин.

Однажды мы узнали, что в одном из населенных пунктов находится гитлеровский склад аммонала. Взрывчатку удалось доставить, но, к сожалению, аммонал оказался слежавшимся и

сырым. Сушить его в лесу было негде. И вот пришлось каждый кусочек аммонала — а его привезли около двухсот килограммов — разминать руками, потом раскладывать на плащ-палатках и сушить над кострами. Толком никто не знал, взрывается ли аммонал от огня или нет, поэтому мы страшно рисковали. Аммонал не взрывался, но от него шел такой удушливый запах, что многие отравились, а у тех, кто разрыхлял порошок, распухали руки. Только через несколько суток люди почувствовали себя окончательно здоровыми, но еще долго по желтым, как в перчатках, рукам узнавали «сушильщиков аммонала». Потом, что было особенно приятно, мы взрывали фашистские эшелоны их же собственным аммоналом.

Больше никаких особых происшествий за последние дни не произошло. Латушкин угостил всех лепешками своей выпечки: тонкие, плоские, из ржаной и овсяной муки с отрубями. Все ели и похваливали, а потом долго вынимали из зубов солому. Наш радист Анатолий Шмаринов сидел за рацией, пытаясь связаться с фронтом. Он сосредоточенно хмурил брови, передвигал рычажки, чутко прислушивался. Сквозь шум, писк и другие помехи он старался поймать знакомые позывные. На этот раз ему не удалось, и Анатолий мрачнее тучи отошел от рации.

«21 сентября.

…Присоединилось еще 20 человек. У них есть радиоприемник с динамиком. Хорошие ребята, начали работать самостоятельно… Мы углубились в лес. Произвели реорганизацию отряда (создали два подразделения, комендантскую команду и хозяйственный взвод).

…Присоединилось еще 4 человека. Связались с действующим здесь отрядом старшего политрука Соколова (его отряд состоял из попавших в окружение офицеров и бойцов Красной Армии) и Клетнянским партизанским отрядом, которым командует Глебов и комиссар Семенов… Разведка сообщила хорошие данные, завтра устроим засаду. Другая группа принесла соль, муку, крупу, ведра. Они были в рабочем поселке, полностью уничтоженном, сожженном и разграбленном фашистами, здесь гитлеровцы расстреляли всех мужчин в возрасте от 10 до 90 лет. Будем мстить! От этих зверств кровь закипает!»

Выделили две группы: одна пошла в засаду на дорогу, другая, где были Медведев со своим неизменным адъютантом Королевым и я, пошла к поселку на 10-м или 11-м километре Клетнянской

железной дороги.

Несколько дней назад возле этого поселка мы взорвали воинский эшелон, и много фрицев отдало здесь богу душу. На опушке леса, подходившего к домам, стояла подвода, в которой грудой были навалены будильники, белье, зеркала, платья, сапожные щетки, даже катушки с нитками.

Среди тлеющих остатков домов маячили фигуры фашистов, они часто нагибались и что-то поднимали среди головешек и трупов. По-видимому, искали, нет ли еще уцелевших вещей.

— Королев, обойди поселок с левого фланга, со стороны железной дороги. Товарищ Чернов, вы с группой обойдете правый фланг. Мы с комиссаром в 11.00 атакуем фашистов с фронта; по моему сигналу — взрыв гранаты — наносите удар одновременно с обеих сторон, — приказал Медведев.

Коля Королев и батальонный комиссар Михаил Чернов скрылись в лесу. Мы стали подходить к поселку. Вдруг кто-то из бойцов неожиданно выстрелил — сказалось нервное напряжение, — и мы вынуждены были немного ранее назначенного срока ворваться в горящий поселок.

Дмитрий Николаевич бросил гранату. Послышались автоматные очереди и крики: «Ура!», «За Родину!», с правого и с левого флангов выскочили наши товарищи.

Завязался бой. Ни один из гитлеровцев не ушел живым. Правда, в этом бою Медведев и Чернов были ранены. У Дмитрия Николаевича пуля застряла в ноге, и он не мог идти. С поля боя командира вынес на руках его адъютант Николай Королев. Он нес Дмитрия Николаевича до базы отряда несколько километров. Каждую минуту могли напасть враги, но нам удалось благополучно добраться до своих.

Наш доктор вынул пулю из ноги командира. Операция прошла хорошо. Положение Михаила Чернова оказалось куда более серьезным, чем мы думали. Он был ранен в живот и очень ослаб от потери крови.

— Чернову надо срочно делать переливание, — сказал, подойдя ко мне, Саша Файнштейн. — У него первая группа, к счастью, у меня тоже первая. Разрешите начать?

Чернов был очень бледен, он считал, что его рана смертельная, но держал себя на редкость бодро. Правда, его беспокоила судьба оружия, партбилета и других документов. Он просил их сохранить, а главное, просил всячески поддерживать в отряде бодрое настроение. Он твердо и до конца верил в победу над врагом и завидовал тем, кто доживет до того времени.

…Файнштейн взял у себя 150 кубиков крови и блестяще сделал переливание. По-видимому, кровь нашего доктора была

отличного качества, и Чернов, обманув смерть, стал поправляться.

* * *

«24 сентября.

Сегодня ровно месяц, как мы из Москвы, и уже два месяца и пять дней, как я не видел Риту и Петьку. Самое главное то, что уже месяц я не получаю, по вполне понятным причинам, от них писем, хотя я уверен, что они находятся в хороших условиях. Королев да и вообще все ребята проявляют трогательную заботу о раненом командире. Сделали ему костыли…»

Дмитрий Николаевич, прихрамывая, шагает впереди отряда. С каждым днем ему становится лучше, но ходить все равно еще трудно. Он идет, тяжело опираясь на костыли, и морщится от боли, когда его никто не видит. Молодец! Все невольно подтягиваются, равняясь на него, — вот что значит личный пример!

«3 октября.

Выслали разведку для поисков нового места под базу. Выделили одно отделение для уничтожения самолетов. Тут проходит их трасса, и летают они очень низко. Отделение отправилось на операцию. Присоединились еще 11 человек. Говорят, что здесь уже действует фашистский карательный корпус — на тридцати машинах, но в леса гитлеровцы идут не очень охотно.

Среди пополнения, молодой семнадцатилетний парнишка. Он ушел из дому, достал русскую автоматическую винтовку СВ, присоединился к красноармейцам и заявил, что хочет воевать. Сам он из Могилевской области. Веселый парнишка. Зовут его Иосиф.

Расшифровали телеграмму, полученную вчера. Есть указание о немецком штабе в Клетне и о железной дороге Кричев — Унеча.

Пришли представители действующей здесь группы, переговорили с ними, оставили у нас одного из своих для связи. Появилась новая поговорка: «Чем дальше в лес, тем больше партизан».

С каждым шагом по тылам противника меняется обстановка,

с каждым шагом меняемся и мы сами. Люди становятся сноровистее, находчивее. Неожиданным удовольствием для нас стала охота на самолеты. Сравнительно легко можно было сбить низко летящий «юнкерс», «хейнкель» или «раму», если использовать бронебойные пули. На нашем счету уже несколько стервятников. Мы бьем их из винтовок и пулеметов…

Мы пишем листовки, пишем их от руки на отдельных листочках бумаги. В наших условиях это нелегкий труд. Ведь в отличие от стенгазеты главное для листовок — тираж. Вот и приходится печатать «тираж» с помощью авторучки. Мы придаем большое значение этой работе. Поднять дух населения, вдохнуть веру в силу Красной Армии, в грядущую победу едва ли не важнее, чем разведка и уничтожение отдельных фашистских отрядов. Люди благодарны нам за правду, бережно прячут они наши листовки, написанные разными почерками, и передают их дальше. Греют души простые, доходящие до сердца слова.

Листовки обычно сочиняли мы с командиром, и даже сейчас, когда я гляжу на пожелтевшие от времени страницы, я чувствую силу этих безыскусственных строк.

«П р о ч т и и п е р е д а й т о в а р и щ у!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Превращением в сплошной фронт временно оккупированной территории Советского Союза ускорим разгром фашизма!

Силы Красной Армии растут с каждым днем. Наши резервы неисчислимы. Советский тыл показывает образцы стахановского труда — растут ряды двухсотников, выполняющих не меньше двух норм в день…

Вам, находящимся в фашистском тылу, ясно видно, что у Гитлера не хватает войск, что резервы его полностью исчерпаны. Германия охвачена голодом, но, так как Гитлер бросил всех своих солдат на фронт, сейчас у него нет людей даже для того, чтобы грабить вас. Он это надеется сделать потом. Видя провал «молниеносной» войны, фашистский зверь бросил все свои последние силы на фронт, чтобы добиться каких-либо успехов. Но это стоит ему огромных жертв. За один только день фашисты потеряли в западном направлении 12 тысяч человек, 90 танков, много самолетов, машин, оружия, боеприпасов. В фашистском лагере разлад: Италия и Финляндия отказываются посылать для Германии на Восточный фронт свои войска. В

Черногории партизанские отряды совершенно изгнали фашистов со своей земли.

Братья и сестры, колхозники и единоличники, рабочие и служащие, бойцы, командиры и политработники, находящиеся в тылу фашистских войск!

Превратите в сплошной фронт всю временно оккупированную территорию! Сейчас никто не должен сидеть сложа руки! Объединяйтесь в партизанские отряды и бейте фашистскую гадину где только можно и чем только можно. Наша Родина требует не давать фашистским бандитам покоя ни днем, ни ночью, уничтожать все, что может пойти на усиление коварного врага: жечь хлеб, уничтожать подвижные составы, железные дороги, взрывать мосты и пр. Отнимайте у фашистов оружие и обращайте его против них же. Уничтожайте их обозы, бейте грабителей-фашистов при их первом появлении. Пусть фашистские гады почувствуют силу и сплоченность советского народа. Кровь за кровь, смерть за смерть! Вот наше правило, вот наш закон. Фашистам нет пощады!

Фашистская гадина должна быть раздавлена!

Час расплаты с кровавым фашизмом близок!

Победа будет за нами!

Командир партизанского отряда Медведев,

комиссар партизанского отряда Кулаков».

* * *

Наш лагерь расположился недалеко от Клетни, и клетнянская дорога попала под контроль партизанского отряда. Движение на дороге было очень оживленным — шли обозы, машины, подводы, и партизаны время от времени устраивали засады. Важно было выбрать только удачный момент и наиболее подходящий объект для нападения. Одним из таких интересных объектов был штаб 576-го саперного батальона. Этот батальон работал на важной магистрали, по которой шли гитлеровские войска. Разведчики донесли, что на следующий день утром батальон будет перебираться на новые квартиры и, значит, нам надо устроить фашистам достойную встречу.

Медведев поручил встретить «дорогих гостей» начальнику штаба Дмитрию Староверову. Сборы были недолгими, бесшумными и энергичными. Не в первый раз вспомнив добрым

словом нашу учебу в «Строителе», партизаны притаились в кустах, поджидая врага. Гитлеровцы медленно тащились по широкой дороге. Впереди шел вездеход, за ним на небольшом расстоянии двигались две штабные машины, мотоцикл и две танкетки. Далее тянулись грузовики с солдатами.

Медведевцы залегли по обеим сторонам дороги и затаились.

— Вездеход не трогать! Огонь открыть по штабным машинам и танкеткам, — шепотом скомандовал Староверов. — Сигнал — мой выстрел!

Напряженное ожидание. Враг сам шел в ловушку, и теперь дело было только за партизанами.

— Без моего сигнала не стрелять! — последовало второе распоряжение Староверова.

Совсем близко, чуть не задевая придорожные кусты, прополз вездеход. Староверов осмотрелся, придвинул к себе гранаты.

Первым выстрелом он убил шофера штабной машины и дал сигнал к наступлению. Машина резко остановилась, на нее налетела вторая. Со всех сторон на гитлеровцев посыпались гранаты, раздались залпы, перевернулся подбитый мотоцикл. Среди фашистов началась паника… Танкетки сразу же повернули обратно, за ними на всей скорости понеслись грузовые машины. Фашисты даже не пытались сопротивляться, партизаны стреляли им вдогонку. С грузовиков в ответ открыли беспорядочную стрельбу по кустам, растущим вдоль дороги. Особенно отличился Староверов. Наш снайпер бил без промаха, и уцелевшие фашисты, повернув, бежали с поля боя. Староверов подошел к штабным машинам, взял документы, знамя батальона.

Место недавнего боя превратилось в костер. Горели вражеские мотоциклы и грузовики. Было убито около тридцати фашистских солдат и офицеров, свыше пятидесяти ранено, захвачено много оружия и продовольствия. Смелая операция была проведена без потерь. Не было даже ни одного раненого.

Группа Староверова принесла Медведеву захваченные у противника трофеи, штабные документы, знамя фашистского батальона.

Вечером Толя Шмаринов с гордостью передал командованию Красной Армии сообщение о разгроме штаба 576-го немецкого саперного батальона.

…Мы всегда собирались вечерами, подводили итоги и утверждали план на следующий день. Такие вечерние «посиделки» у костра еще больше сближали людей, помогали лучше узнать друг друга. Если посмотреть на лагерь со стороны, то он являл собой интересную картину. На близком расстоянии стояли шалаши из тонких деревьев, согнутых вершинами друг к

другу. Сверху это сооружение накрывалось ветками и еловыми лапами. Подсохшая хвоя имеет свойство вспыхивать, как порох. Особенно часто мы горели в самом начале нашей деятельности, когда еще не научились достаточно осторожно обращаться с огнем. Начинался пожар обычно так: ночь, в лагере тихо, все, кроме часовых, спят… Вдруг раздается чей-нибудь крик, все выскакивают из шалашей, и мы с Медведевым видим зарево. Горит какое-то подразделение. Сами «погорельцы» и их соседи общими силами тушат огонь. Пламя постепенно утихает, но неожиданно начинается беспорядочная стрельба. Общее недоумение и замешательство. Потом все становится понятным — в шалаше остались патроны, гранаты.

— Всем отойти от огня! — командует Медведев.

Постепенно наш лагерь принимает более обжитой вид; шалаши делают более умело, появляется кое-какое хозяйство: у нас уже четыре лошади и две коровы (всех коров ласково называли энзочками от слова «энзе» — неприкосновенный запас). Даже есть баня — сооружение из еловых щитов, за ними зажигаются костры, греются ведра с водой.

Мы недолго пробыли в этом лагере. Москва дала задание — вывести из строя железную дорогу на участке Кричев — Унеча. Гитлеровцы рвались к столице, и надо было во что бы то ни стало остановить движение поездов с вражеской техникой и войсками. Мы вышли из лагеря ночью и направились к Батаеву. Дождь, в лесу темно, хоть глаз выколи, и в довершение всего мы сбились с дороги. Положение не из приятных, тем более что отряд обязательно должен до утра перейти шоссе. Днем это сделать невозможно — по шоссе беспрерывно движется противник.

— Найдите проводника в ближайшей деревне! — приказал Медведев.

Скоро разведчики вернулись. За ними шла женщина, закрыв от дождя голову и плечи сложенным мешком.

— Мамаева, — представилась она, — пойдемте, проведу.

Женщина шла впереди отряда, уверенно ведя нас за собой. Уже начало светать, когда мы вышли к шоссе — в это время оно было пустынно.

— Здесь можно переходить, по ту сторону шоссе всюду лес. А мне, — тихо сказала Мамаева, — пора возвращаться, дети у меня дома одни…

— А сколько их? — спросил кто-то.

— Трое, — так же тихо ответила она.

— Смирно! Равнение на проводника! — скомандовал Медведев.

Отряд замер в строю.

— Не надо, не надо! Что вы! — замахала руками Мамаева и быстро скрылась в лесу.

Я посмотрел на взволнованные лица товарищей. Слова были излишни.

А сколько было у нас таких встреч!..

Однажды Медведев, Королев, Саша Красовский, я и группа бойцов нашего отряда, возвращаясь с боевой операции, зашли на одинокий хутор, стоявший на опушке леса.

Только мы расположились в хате, как с поста прибежал часовой и доложил, что появилась автомашина с гитлеровцами. Мы выскочили во двор, когда машина уже въезжала в ворота. Гитлеровцев мы застали врасплох. Они совершенно растерялись и подняли суматошную стрельбу. Пули свистели над нашими головами, но никто из нас не был даже ранен. Через некоторое время все было кончено — фашисты навсегда остались лежать на одиноком хуторе.

По документам убитого офицера, возглавлявшего этот отряд, мы узнали, что они ехали в волостной центр проводить совещание старост.

— Смотри, Георгий, — Дмитрий Николаевич повернулся ко мне, — староста ближайшего к нам села до прихода немцев был председателем колхоза, не может быть, чтобы он оказался предателем. Я слышал, и колхозники о нем хорошо отзываются. Надо с ним поговорить.

Дмитрий Николаевич связался с этим человеком. Командир не ошибся: это был настоящий патриот, который впоследствии оказал отряду немало ценных услуг. Медведев лично руководил его «работой», инструктировал, как вести себя с гитлеровцами, какие собирать сведения и т. д. «Ученик» оказался понятливым и так понравился фашистам, что те назначили его волостным старостой. И на этом высоком посту он продолжал поддерживать связь с нашим отрядом и работать по заданиям Дмитрия Николаевича.

Однажды в отряд пришла женщина и принесла партийный билет своего мужа. На него донес бывший кулак. Видимо, хотел свести счеты с бывшим председателем сельсовета, а тем самым и с Советской властью. Фашисты повесили патриота, а мы отомстили предателю. Но таких подлецов было мало. Большинство населения, несмотря на все трудности, верило в победу и лютой ненавистью ненавидело захватчиков. Люди радовались любому живому слову, жадно читали наши листовки, слушали информации. Старались нам помочь.

На следующее утро после того, как отряд разгромил автомашину с гитлеровцами, появилось еще два грузовика. По-

видимому, фашисты приехали за той группой, которую мы уничтожили. Бойцы атаковали врага, разгромили его и принесли нам документы, оружие и обмундирование. Как выяснилось, эти гитлеровцы — «ландвирты» тоже созвали совещания старост по вопросу о борьбе с партизанами и о поставках немецкой армии. Все это было подробно сказано в захваченных документах.

Старосты долго ждали своих хозяев в волости и так, не дождавшись, разошлись. Совещание было сорвано.

Слух об уничтожении ландвиртов разнесся быстро. Весть о том, что движется огромный отряд с танкетками, передавалась из уст в уста, вселяла панику во врага и вызывала радость у местного населения. Как известно, у страха глаза велики — фашисты нашу кухню приняли за танкетку, да еще во множественном числе. Ну что же, это хорошо, когда враг боится каждого куста и каждого камня!

Глава четвертая

«7 октября.

Без особых приключений вышли прямо к мосту, недалеко от деревни Батаево (БССР, восточнее станции Белынковичи). Построили центральную базу. Чудесная землянка с печкой, в шутку ее называют «Дом правительства». Есть у нас и улицы: Штабная, Комендантский переулок, 1-я Партизанская (где размещена 1-я группа), 2-я, 3-я и 4-я Партизанские, Санитарный переулок. Вырыли отличный колодец с хорошей водой, поставили сруб».

Вся база состоит из 18—20 шалашей, как шалаш, так уж и улица. Теперь, когда с жильем и бытом более или менее налажено, надо серьезно поработать над железной дорогой Кричев — Унеча.

С каждым днем мы расширяем связи с местными партизанами. Их довольно много, но они слабо организованы, приходится активизировать их деятельность.

Мы привлекли хотимских, костюковических и климовических партизан к этой операции. Приняли решение вывести из строя железную дорогу Кричев — Унеча. Эта дорога очень важна для врага, и днем и ночью по ней один за другим идут поезда. Участок довольно большой, командир приказал провести диверсию в пяти местах. Разложили карту, просмотрели данные разведки, командиры отрядов выбрали районы действий. Медведев разбил людей на две группы и назначил день проведения диверсии.

Генерал-майор Бакунин, Батя, выходящий из окружения вместе с 32 штабными работниками, действует с нашим отрядом. Он взял себе самое тяжелое задание: выбрал крупный железнодорожный мост, который усиленно охранялся противником. Еще один мост достался нашей группе. Кроме этого, Медведев приказал нам подорвать поезд.

Группа, с которой были я и Михаил Иванович Сипович, действовала на юге. Мы долго искали место диверсии, боялись опоздать, но пришли вовремя. Я очень волновался. Это была моя первая крупная операция на железной дороге. Пока шли к месту действия, я вспомнил наш первый взрывной опыт недалеко от Строителя и как тогда нашему командиру влетело за эту «самодеятельность» от полковника Орлова.

Мы взорвали мост, причем на карте он казался большим, на

самом же деле занимал всего метров восемнадцать. Помимо этого, спустили под откос эшелон и в нескольких местах повредили полотно железной дороги.

Во второй половине дня донесся гул боя. Оказалось, что группа Бати наткнулась на отряд гитлеровцев: рядом с мостом в казарме на станции Белынковичи находилось человек 25 охраны, и партизанам пришлось тут же перебить и охрану и часовых, а потом, подложив тол, взорвать мост. Железная дорога была выведена из строя. Так мы начали «рельсовую войну» с врагом…

Обеспокоенные фашисты сгруппировали в этом районе карательные отряды для борьбы с партизанским движением. Они искали встречи с нами. Но не только они…

Он не сразу пришел к нам. Вначале появились два человека, которых задержала наша разведка. Эти люди сказали, что они искали нас, что они посланы командиром, неким лейтенантом Брянским. Впрочем, о себе они говорили мало. Так, в общих чертах. Дескать, воюем, партизаним, и все тут. Отряд состоит из комсомольцев, местных колхозников и рабочих из города Рославля. Пришедшие больше посматривали по сторонам. Они внимательно оглядели наших партизан, одетых в красноармейскую форму со звездами и петлицами. Они с интересом наблюдали, как моются, стригутся, бреются, шутят наши бойцы, как идет полным ходом наша боевая партизанская жизнь. Казалось, наши гости что-то решили для себя и успокоились. И я понял, что они проверяли нас, испытывали. Действительно ли мы те, кому можно довериться.

О наших делах уже было известно далеко по краю. И многие со своими отрядами искали встречи с нами, приходили к нам в лагерь вместе с бойцами. А затем уже вместе с командиром решали, остаться им или действовать самостоятельно, в зависимости от обстановки и многих других обстоятельств.

Но тот, кто прислал к нам этих двух разведчиков, был, вероятно, очень осторожным, опытным и предусмотрительным командиром. Он не хотел ошибиться, не хотел рисковать ничем. Даже при встрече с друзьями он был сдержан. И разведчиков своих подготовил соответственно. Им долгое время казалось подозрительным, что у нас нет землянок и поляна выглядела необжитой. И только радиостанция Толи Шмаринова, развернутая, работающая, окончательно сломила ледок недоверия.

И они, эти два паренька, поверили нам, напряжение исчезло с их лиц, они облегченно вздохнули. И мы тоже облегченно вздохнули. Всегда очень приятно, когда минуешь полосу недоверия.

Разведка лейтенанта Брянского удалилась.

А на следующее утро оба парня вновь появились в нашем лагере. И не одни.

— Ты посмотри, ты только посмотри! — услышал я чей-то восхищенный голос.

Разведчики привели с собой двух девушек и еще одного маленького человечка. Девушки, одетые в красноармейскую форму, в сапогах, в шинелях, с винтовками, были трогательны и чуть комичны своей напускной суровостью. Но стоило им присмотреться к нашим бойцам, услышать шутки, смех, как серьезность улетучилась, растворилась и перед нами оказались две очень милые веселые девчушки. Они смеялись вместе с нашими партизанами, что-то рассказывали, отбивались от града вопросов, среди которых были и острые, дипломатически завуалированные двусмысленности, и вели себя непринужденно, по-товарищески, словно давно знали всех, верили нам и любили нас. Партизаны, давно не видевшие женщин, да еще таких милых и молодых, разбивались, как говорят, в лепешку, чтобы девушки чувствовали себя как дома. А через некоторое время кто-то уже наигрывал на баяне, девушки пели, партизаны подтягивали, стало как-то очень уютно, словно мы были не на войне, а в самом что ни на есть мирном лесу, куда по субботам и воскресеньям выезжают на массовки отдохнуть, подышать чистым воздухом. Вот этого воздуха у нас было хоть отбавляй, только мы его уже не замечали, и он не казался нам таким уж чистым, потому что для нас в нем всегда оставался запах пороха, дыма пожарищ и крови. Две женщины в красноармейской форме на мгновение вернули нас назад, в бесконечно далекое мирное время, и мы были благодарны им за это мгновение.

И здесь я увидел, что Медведев очень серьезно и дружески разговаривает с маленьким человечком, который пришел с девушками и разведчиками лейтенанта Брянского.

Это был паренек лет двадцати, с русыми волосами, выгоревшими бровями и светло-голубыми глазами.

Когда он пришел, его поведение, как я понял, должно было показать окружающим, какой он простой открытый человек, прямо-таки рубаха парень. Он громко выкрикивал приветствия, пожимал руки, шутил.

Разговаривая с Медведевым, он был серьезен и даже важен. И хотя наш командир высокого роста, мне было не совсем понятно, кто из них в этом разговоре смотрел сверху вниз. Лейтенант Брянский — а это был он — вначале сам говорил мало, больше спрашивал, а Дмитрий Николаевич обстоятельно отвечал. На лице Медведева я увидел скрытую добрую улыбку, которая всегда

появлялась, если ему приходилось иметь дело с хорошими, симпатичными людьми.

Наконец Брянский как будто во всем удостоверился и вытащил из кармана тетрадку. В этой тетрадке круглым школьным почерком были записаны все боевые дела его отряда. Из записей я понял, что они разбили несколько машин, захватили столько-то фрицев в плен, выловили целый отряд полицейских и старост. Там же шли заметки о зачислении бойцов в отряд, о формировании отдельных взводов. Наиболее подробно и обстоятельно излагались задания бойцам. Такая-то группа во главе с таким-то отправляется туда-то, производит такую-то операцию… Все записано очень точно и подробно. Мне понравились эти записи, они хорошо информировали о состоянии дел в отряде.

Медведев, ознакомившись с тетрадью лейтенанта, сказал, что нападение на отдельные гитлеровские машины должного эффекта не дает, хотя такие нападения наводят панику на фашистов, заставляют их посылать целые подразделения, а это, понятно, отрывает гитлеровцев от фронта. Но все-таки, сказал Дмитрий Николаевич, наибольший эффект дает только диверсия на железной дороге. Поэтому он советовал лейтенанту переместиться с отрядом немного южнее, где расположены важные железнодорожные и шоссейные магистрали.

Для того чтобы наладить регулярное и бесперебойное «обслуживание» гитлеровцев, командир рекомендовал лейтенанту подойти к крупной железнодорожной магистрали и там взрывать эшелоны с боеприпасами, техникой, живой силой противника.

Во время разговора лейтенант внезапно посерьезнел и отозвал Медведева в сторону.

— Товарищ командир, я хочу вам кое-что рассказать.

— Я вас слушаю.

Брянский помолчал и испытующе посмотрел на Медведева. Вид у него был жутко конспиративный.

— Только…

— Что только?

— Дайте мне слово коммуниста, что вы никому, абсолютно никому не расскажете.

— Для того чтобы дать такое слово, я должен знать, о чем идет речь.

— Ну хорошо. Я вам скажу и так.

Он помялся, поглядел по сторонам, не подслушивает ли кто.

— Я, товарищ командир, не лейтенант…

Медведев смотрел на него.

— И не Брянский…

Медведев молчал.

— Видите ли, какое дело, товарищ командир. Я младший сержант. С таким званием особого авторитета у бойцов не заработаешь. А народ у меня хороший, но беспечный. Комсомольцы, молодежь, некоторые прямо из школы. Им командир нужен со званием. Вот я и придумал для поддержания дисциплины и авторитета…

— А фамилию зачем?

— А это так просто. Места вокруг какие? Брянские. Ну вот и…

Медведев серьезно склонил голову.

— Я вашу тайну сохраню, товарищ сержант.

Брянский назвал свою настоящую фамилию, но Медведев сохранил тайну и не назвал ее мне.

Получив от нас необходимые инструкции, карты, листовки, часть боеприпасов, они отправились домой, в свой лагерь.

Больше я никогда не видел ни лейтенанта Брянского, ни его боевых товарищей. Вот что мы узнали о судьбе этого отряда.

…Следуя нашим указаниям, Брянский снял свой лагерь и двинулся на юг. Он намеревался пройти километров пятьдесят-шестьдесят и достичь намеченной нами цели — крупной железнодорожной ветки. И этот поход молодой командир хотел превратить в триумфальный партизанский марш.

Так и получилось. Они шли совершенно открыто. Они вышагивали по дорогам и опушкам, пренебрегая правилами элементарной конспирации. И как бы подтверждалось то древнее неумирающее правило, что храброго пуля боится, смелого штык не берет. Им все сходило.

Им сходило, когда они среди бела дня врывались в деревни и, убрав заодно со старостой полицейских, проводили собрания колхозников, на которых звучали «Интернационал» и «Гитлер капут».

Им, казалось, сходило все.

Но так не могло продолжаться до бесконечности.

И такое наступило.

Их предали.

Их предали беззастенчиво, подло и неожиданно. Но предательство всегда таково. Природа предательства не разгадана и таинственна, она тянется из тьмы веков, вечная ненавистная спутница всего, что борется и умирает за утверждение светлых идеалов. Нам только кажется, что предательство понятно именно своей подлостью. Но подлость только одна сторона предательства. В этом страшном и омерзительном процессе, как я убедился, множество разнообразнейших оттенков, начиная от

махровой многолетней ненависти и кончая обывательской мелкой завистью.

…Они находились в крайней избе, часть из них расположилась во дворе этого дома. Фашистов было человек восемьдесят, они шли цепями с двух сторон, и пространство между этими цепями хорошо простреливалось крупнокалиберными пулеметами.

Начался неравный бой.

Партизаны дрались ожесточенно, яростно.

Неравные силы, слишком неравные силы! Этот вечный рефрен партизанской войны. Печальный и мужественный рефрен. Партизан всегда имеет дело с неравными силами. Он с самого начала знает, что ему придется сражаться с противником, превосходящим его числом, вооружением, а порой и умением. Потому что партизан в душе, да и не только в душе, сугубо штатский человек и воином его делает только любовь и ненависть: любовь к Родине, ненависть к врагу.

Было убито семеро.

Семеро было тяжело ранено.

Они могли гордиться, на нашей земле навсегда осталось несколько десятков фашистов.

Но им уже нечем было стрелять…

У нас в отряде был траурный митинг.

Командир говорил о главном чувстве партизана. Чувство Родины, чувство хозяина своей земли. Партизаны из отряда Брянского боролись и погибли, как герои. Но это были беспечные герои, они слишком доверялись обстоятельствам. И поэтому Дмитрий Николаевич предостерегал и объяснял, что никогда не следует забывать о контроле и бдительности. Мы действительно у себя дома, но сегодня наш дом в руках хитрого, коварного врага. Нужно быть храбрым и бдительным. Мы не должны ошибаться. Мы не имеем права на беспечность.

Я слушал и вспоминал по-мальчишески серьезное лицо лейтенанта Брянского. Я вспоминал, как смеялись и пели у наших костров девушки из его отряда.

Тяжелые, горестные воспоминания, тяжелые, черные минуты… Но партизану некогда горевать. Рядом враг. Мы продолжали наши операции.

* * *

Гитлеровцы начали настоящую охоту за партизанами. Прибыл крупный карательный отряд и начал действовать, но нас

он пока не трогал.

Мы присоединили к себе еще одну группу и решили наряду с регулярно проводимыми боевыми операциями обстреливать вражеские самолеты, трасса которых проходила недалеко от лагеря. Стали обстреливать самолеты из пулеметов бронебойными пулями. Медведев выставил зенитчиков-охотников группами по шесть-семь человек, выдвинул их на трассу.

…Однажды я пошел с «зенитчиками». Ждать пришлось недолго: появились два одномоторных «хейнкель-111». Это легкие бомбардировщики, они летают низко, метрах в полутораста-двухстах над полотном железной дороги. Зенитчики открыли огонь, с самолетов ответили. Значит, наши пули попали в цель, так как звук выстрелов не мог быть слышен в самолете, его заглушает шум мотора. Дали еще несколько очередей, и один из самолетов загорелся. Потом минут через пять стало тихо, и вскоре один за другим раздались два взрыва. Мы послали разведку, но разведка ничего не нашла.

На следующий день хотимские партизаны пришли в лагерь и рассказали:

— Мы находились на хуторе. Видим, приземлился один самолет, потом другой. Вытащили раненого пилота и понесли на хутор перевязывать. А мы в это время подскочили и взорвали оба самолета. Вот эти взрывы вы и слышали.

Дмитрий Николаевич любил охотиться на самолеты.

Однажды Медведев, Королев, я и два партизана еще раз отправились на такую «охоту». Вышли на полянку, сели под стог и стали ждать воздушных бандитов. Вдруг откуда ни возьмись появляются два человека в немецком обмундировании. Мы сейчас же поползли наперерез к ним. Перехватить их на дороге не удалось, но мы увидели их следы и с большими предосторожностями отправились по ним. Шли километров пять.

Наконец, подходим к нашей засаде. Оказывается, бойцы из этой засады посылали на связь с партизанами двух человек, которые почему-то три дня к нам не являлись. Получилось, что мы преследовали своих. При этом Королев показал отличные способности следопыта, он обнаружил, что у одного «врага» были подбиты гвоздями подошвы, и он все время искал эти следы…

Весть о том, что где-то недалеко действуют партизаны, которыми командует Медведев, далеко опережала наш отряд. Все это не давало спокойно жить гитлеровцам, и они вынуждены были сообщить о делах на Брянщине в Берлин.

Там недовольны: еще бы, за короткий срок партизаны вывели из строя важный участок дороги, по которой шло снабжение дивизий, действующих на Московском направлении. Мало того,

медведевцы информируют по радио Москву о скоплении фашистских эшелонов, и советская авиация разбивает их в щепы. Много убитых, еще больше раненых, а все уцелевшие находятся в таком состоянии, что трудно сказать, когда они снова вступят в строй. По всему ясно: Медведев — опасный противник, и надо сделать все, чтобы уничтожить его отряд. Берлин предписывает принять срочные меры. И меры стали принимать.

После ожесточенного боя 6 октября 1941 года одна из частей 2-й танковой армии противника заняла Карачев, что находился в сорока километрах к востоку от Брянска. В плену у фашистов оказались некоторые из партизан. Гестаповцы пытались найти с ними «общий язык» — им был нужен, очень нужен человек, который стал бы агентом и проник в отряд к Медведеву.

Но все поиски были тщетны: измученные, голодные, грязные, бесконечно уставшие советские люди были непреклонны — предателя среди них не нашлось… Начальник гестапо свирепствовал: он не мог понять психологии «загадочной русской души» — лучше умереть, чем продать свою Родину. Неотвязная мысль, что же он доложит Берлину, приводила его в бешенство, заставляла с утроенной энергией искать изменника. Поэтому так велика была его радость, когда ему доложили, что его хочет видеть один из военнопленных.

Через несколько минут перед гестаповцем стоял высокий худой субъект в красноармейской форме.

— Разрешите представиться — Николай Корзухин, — на хорошем немецком языке сказал красноармеец. — Могу ли я поговорить с вами? У меня есть важное сообщение.

— Садитесь, — гестаповец показал на массивное кресло перед столом. Корзухин поблагодарил, удобно устроился в кресле и, закурив предложенную сигарету, приступил к делу.

— Должен вам сказать, герр капитан, что я добровольно сдался в плен, так как я всячески приветствую приход доблестной немецкой армии в Россию. Не удивляйтесь, — быстро заверил он, увидев, что гестаповец недоверчиво поднял брови. — Это действительно так, и вы меня поймете, когда выслушаете мою историю. Предупреждаю вас: слушать придется долго — ведь все это началось еще тогда, в октябре 1917 года. Должен вам признаться, что моя настоящая фамилия не Корзухин, а Львов. Стать Корзухиным меня вынудили обстоятельства, о которых вы узнаете несколько позже. Почему именно Корзухин, да просто так, был у нас в России такой очень неплохой художник. Мне всегда нравились его картины…

— Попрошу покороче, — резко одернул его капитан.

— Извольте, — спохватился Львов-Корзухин. — Итак, я

продолжаю. Мой отец Владимир Николаевич Львов был членом Государственной думы третьего и четвертого созывов, член Временного правительства, обер-прокурор синода, крупный самарский помещик.

Если я вам скажу, что нашей семье принадлежали три имения — 10 тысяч десятин в Бугуруслане, 3 тысячи десятин в Тамбовской губернии и 5 тысяч десятин в Подольской — и все эти имения были конфискованы после прихода Советской власти, то вы поймете, как мало у меня причин любить эту власть. Я ее ненавижу и сочту за счастье выполнять любую работу по установлению нового порядка в России!..

Корзухин говорил долго, и перед взором внимательно слушающего его гестаповца одна за другой проносились картины из жизни этого человека, ненавидящего свою Родину.

…Празднично было в тот день, 2 апреля 1901 года, в семье крупного помещика Владимира Николаевича Львова. Еще бы, у него родился долгожданный первенец, названный в честь деда Николаем. Многочисленные родственники, особенно те, кто победнее, хором прочили мальчику блестящую карьеру. И действительно, их предсказаниям, судя по всему, суждено было сбыться; вскоре Владимира Николаевича Львова избирают членом III Государственной думы, а потом оставляют его и на четвертый созыв. Конечно, перед сыном такого влиятельного человека гостеприимно раскрываются все двери. Николай поступает в Самаре в гимназию, но не слишком утруждает себя науками и в результате проваливается на экзаменах. Потом Бугурусланское реальное училище, его он тоже не может закончить, правда, по «уважительной причине» — ему мешает Февральская революция. Затем он уезжает в Петербург к отцу, но и здесь ему не приходится долго задерживаться.

Прозвучал залп Авроры! Он был первым сигналом, по которому из революционного Петрограда начали свое паническое бегство представители бывшего высшего общества. Как стая вспугнутых ворон, разлетелись они в разные стороны, и среди них, не отставая от других, оказался и обер-прокурор синода Львов. Крытая повозка быстро унесла его в Москву. Вместе с ним уехали его супруга и шестнадцатилетний сын Николай. Судьба безжалостно кидала молодого Львова, тем более что его уважаемый отец меньше всего интересовался семьей, занимаясь своими собственными делами. Сначала он активно сотрудничал с генералом Дутовым, потом после бегства последнего перешел к Колчаку и, наконец, один уехал за границу. Перед отъездом из Томска Львов-старший, пригласив сына на свидание в гостиницу, предложил устроить его на работу в штаб к генералу Розанову, но

прапорщик Николай Львов гордо отказался, предпочитая остаться у Колчака.

— Вы — трус и изменник, — бросил Николай в лицо притихшему отцу в ответ на его предложение. — Слово дворянина должно быть незыблемым. Я не изменю присяге и никогда не стану дезертиром.

— Большевики уже близко, они в Омске, — растерянно оправдывался отец, — да к тому же России мы сейчас не нужны. Ты пойми, наконец, что это последняя возможность уехать. Я договорился с Красным Крестом, и мы уедем в Харбин. Я больше не могу и не хочу здесь оставаться…

— России не нужны такие хлюпики, как вы, а мне не нужен такой отец, — перебил его молодой Львов и, не прощаясь, ушел.

Во время этого рассказа капитан, удобно развалившись в кресле, внимательно слушал увлекшегося воспоминаниями собеседника. А когда Львов упомянул, что, по его мнению, существует лишь единственный достойный философ — Ницше — и что именно он является с детства идеалом Львова, на холодном лице гестаповца появилась благосклонная улыбка.

Львов продолжал свой обстоятельный рассказ.

…Дальше события разворачивались в бешеном темпе. Львов-младший неожиданно вышел из строя. Сыпняк подкосил его, и когда он более или менее пришел в себя, то оказалось, что Томск заняла Красная Армия. Как активный контрреволюционер, Львов был арестован и приговорен к тюрьме.

Через три года он вышел на волю и нелегально уехал в Москву. Сразу же с вокзала пошел петлять по кривым московским переулкам и вскоре остановился около небольшого, ничем не приметного дома. Внимательно огляделся по сторонам и постучал.

Хозяин дома Петр Антонович Кливский критически осмотрел стоявшего перед ним худого заросшего человека, его двоюродного брата. В этом неопрятном субъекте трудно было узнать всегда подтянутого, щеголеватого прапорщика. Но, встретившись с твердым и холодным взглядом его глаз, Кливский невольно поежился.

— Устраивайся, Николай, располагайся как дома, — испуганно засуетился он.

Так в доме № 5 в одном из московских тупиков появился новый жилец, который, разумеется, не только не встал ни на какой учет, но вообще старался нигде не показываться. Хозяин дома официально считался снабженцем опытно-экспериментального завода по выработке крахмала из картофеля в Лучкове Владимирской области, но вел он себя довольно

странно. Очень много сидел дома и принимал многочисленных посетителей. Хотя он рекомендовал их брату как работников лучковского завода, пришедшие имели вид абсолютно городской, и, как однажды убедился Львов, темы их бесед были более чем далеки от производственных проблем. Однажды Кливский познакомил Львова с директором завода, и тот принял его на должность коменданта. Как известно, любая должность имеет какие-то свои преимущества, например, комендант лучковского завода мог распоряжаться спиртом. И вот с помощью этой благодатной жидкости Львов стал владельцем нового военного билета, выданного на имя Николая Владимировича Корзухина, и снова стал полноправным гражданином.

Через некоторое время в научное общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока по протекции Кливского был принят новый сотрудник — Н. В. Корзухин.

В его анкете значилось, что он происходит из семьи мелкого служащего, в гражданской войне не участвовал, беспартийный, но активно сочувствует Советской власти.

Непосредственным начальством «активно сочувствующего новой власти Корзухина» был некто Аркадий Леонидович Красновский, бывший крупный деятель в контрреволюционном правительстве Дербера в Восточной Сибири. При Временном правительстве Красновский был назначен ученым секретарем научного общества, и было совершенно ясно, что его деятельность могла бы быть полезной России, будь он патриотом страны, а не агентом японской разведки. Ведь результаты изучения производительных сил огромных территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока весьма интересовали Японию. Поэтому весть о назначении на пост ученого секретаря агента японской разведки Красновского вызвала настоящее ликование в Токио.

Ученый секретарь и его помощник развили кипучую деятельность. Они изъездили тысячи километров по обширным зауральским землям. Все материалы геологических экспедиций, изыскательских партий, материалы различных комиссий, разрабатывающих предложения по развитию экономики восточных районов страны, были к услугам представителей общества: японская разведка получала сведения из первоисточников.

В общем Корзухин старался как мог — составлял все официальные отчеты и доклады так, что их нельзя было использовать на практике, насколько мог, искажал факты, выдвигал на первое место совершенно неактуальные темы и вопросы. Работал он до тех пор, пока не началась паспортизация.

С паспортом у Корзухина произошли некоторые осложнения, и по совету Красновского он уехал в Торжок, где жил, работая преподавателем экономической географии в сельскохозяйственном техникуме. Наконец совсем недавно, этой весной, к нему пришел человек, который передал деньги и инструкции. Он же сообщил, что Красновский арестован.

И вдруг война! Теперь все свои надежды Корзухин связывал с немцами: ему было совершенно ясно, что Советская власть не устоит перед мощью германских армий.

В первые же дни войны Корзухина мобилизовали и отправили на фронт. Он шел с радостью — теперь ему легко будет перейти к немцам. И вот он здесь…

Корзухин замолчал, облегченно вздохнул — его исповедь заняла более двух часов.

— Ну что же, господин Корзухин, — гестаповец встал и начал ходить по комнате. — Все, что вы рассказали, безусловно интересно и заслуживает внимания. Но поспешность, как правило, бывает только вредной. Идите пока и ждите. Когда будет нужно, мы вас вызовем.

Прошло несколько дней томительного ожидания. Наконец вызов. Радушный, гостеприимный человек, встретивший Корзухина у самой двери кабинета, был совсем не похож на того грубого гестаповца, которому он исповедовался первый раз.

— Садитесь, садитесь, герр Корзухин, — он широким жестом указал на кресло у стола и сам сел в кресло напротив. — Как вы себя чувствуете? Надеюсь, вы не в претензии на то, что наше свидание так долго не могло состояться? Но теперь проверка закончена, можно переходить к делу…

— Я готов выполнить любое задание немецкого командования, — поспешно вытянулся Корзухин.

Гестаповец одобрительно кивнул, потом встал и подошел к стене, на которой висела карта.

— Вот здесь, недалеко от Жуковки, через Десну был переброшен отряд под командованием чекиста Дмитрия Медведева. К сожалению, сейчас мы не знаем точно, где он базируется. Это один из самых опасных отрядов партизан. Отступая, большевики оставили в лесах группы людей, руководимых партийными работниками. Эти шайки все время сидели смирно, а сейчас они активизировались: нападают на автомашины, поджигают склады, уничтожают наших людей. Медведев задает тон. Он главное звено… Сейчас все факты говорят о том, что Медведев где-то здесь. И мы не можем быть спокойны, пока он не обезврежен!

Через несколько дней Корзухин приступил к выполнению

задания. Он получил доступ в лагерь для военнопленных и с энтузиазмом принялся за дело. Он понимал, что задание не из легких. Но только здесь, в лагерной комендатуре, он убедился, сколько препятствий стоит на пути плана, разработанного гестапо. Мало было получить от человека согласие стать агентом. Нужна была твердая уверенность, что тот вернется. Корзухин не мог полагаться на утвердительный ответ, продиктованный голодом или малодушием. Он искал более надежные причины, двигающие поступками: алчность, озлобленность, ненависть. Перед ним прошли десятки людей, но подходящего не было.

Он появился только на третий день. Солдат ввел к Корзухину невысокого рыжего парня в грязной шинели. На все вопросы тот отвечал четко, без подобострастия. Назвался военным ветврачом. Сообщил, что был взят в плен и рад этому обстоятельству, так как хочет свести счеты с Советской властью: в тридцать первом году, когда ему было девять лет, отца раскулачили, и он умер в Сибири.

— Найти бы того чекиста, что отца брал, глотку бы перегрыз, — с ненавистью сказал он.

— Что ж, — Корзухин улыбнулся, — мы можем предоставить вам эту возможность. Если вас устроит мое предложение, то вы сможете отомстить за отца и начать жить по-человечески. Ну как, согласны?

— Согласен, — твердо сказал ветврач. — Что я должен делать?

— В общих чертах следующее. Вас забрасывают в район, где, как можно предположить, действует партизанский отряд Медведева. С той минуты вы, офицер одной из частей, попавшей в окружение, разыскиваете партизан, чтобы продолжать борьбу с фашистами. Нам необходимы данные о точном местонахождении отряда, о его численном составе и оснащенности. Получив все эти сведения, вы возвращаетесь обратно. Как видите, задание несложное.

— Я согласен, — повторил завербованный.

Корзухин с облегчением вздохнул, он оправдал доверие гестапо — против Медведева была выпущена первая фигура в этой сложной шахматной партии, где игра шла не на жизнь, а на смерть.

* * *

«10 октября.

…Ночью выпал снег. Хорошо бы развезло дороги!

Выслали разведки на большаки и шоссейные дороги. Два дня сидим без особого «оперативного» дела — очень хочется действовать — скорей бы вернулись разведчики. Сегодня организовали стирку белья и баню.

Вернулась разведка Пивоварова — движение на дороге они не обнаружили, подожгли два больших моста, построенные гитлеровцами. Привезли с гитлеровского сливного пункта 110 литров молока и бидоны. Фашисты собирали, а мы пьем!

Присоединилось еще три человека — два узбека и еще один, который назвался ветеринарным врачом третьего ранга Сучковым. Мы взяли их к себе. Люди нам нужны…»

Можно было намечать ближайший план действий: вернулся из разведки Творогов, он поручил местным комсомольцам разведать Хотимск — правильное задание. Решили отправить несколько разведывательных групп. Одной из них командует начальник штаба отряда Дмитрий Дмитриевич Староверов. Вместе с ним ушли командир взвода капитан Луковенко и комендант штаба Шаура.

Ясное утро. В лесу тихо. Только шуршит под ногами сухая, обындевелая трава…

— Эх, ребята, красота-то какая! — Староверов, улыбаясь, повернулся к друзьям. — Люблю лес!

Они вышли на опушку. Впереди виднелись крыши Батаева. Кое-где над трубами вился дымок. Играли ребятишки. У колодца стояли женщины с ведрами.

Не обнаружив ничего подозрительного, Староверов решил идти в деревню. Шаура уже бывал здесь несколько раз, у местной учительницы: передавал ей листовки, сводки Совинформбюро. Учительница оказалась дома.

— Аня, — она дружески поздоровалась со Староверовым.

— Как насчет фрицев? — поинтересовался Шаура.

— Только вчера уехали на двух машинах, — ответила женщина. — Перед отъездом собрали всех у школы. Какой-то тип объявил, что им известно, где отряд Медведева и что связь с партизанами карается смертной казнью и…

Она замолчала, не окончив фразы, по ее щекам побежали слезы.

— Ну что вы, что вы, успокойтесь, — Староверов ласково обнял женщину за плечи.

Раздался негромкий стук. Аня подошла к двери.

— Фашисты идут, — торопливо прошептал белоголовый мальчонка. Он прибежал, чтобы предупредить, но… уже было

поздно.

Где-то совсем рядом взревели моторы. Мужчины выскочили в коридор. По дороге медленно тащились две машины, битком набитые гитлеровцами в черных шинелях. Они были уже совсем близко.

— Назад! — Аня схватила Староверова за рукав и попыталась втащить в комнату.

Завизжали тормоза. В окно партизаны видели, как из грузовика выскочили фашисты и, собравшись в кучу, стали о чем-то советоваться. Потом один из гитлеровцев, высокий худой человек, подошел к офицеру и стал ему что-то объяснять, выразительно показывая на школу.

Шаура выхватил пистолет, тщательно прицелился.

— Без глупостей, Иван, попробуем уйти. А ну, быстро по одному, — спокойно сказал Староверов.

Он выглянул в окно, выходившее на огород: школьный двор, погреб, сараи. А там роща и лес. К лесу только одна дорога, но она на виду у врага.

— За мной! Укроемся за погребом! — крикнул Староверов.

Погреб закрывал партизан с трех сторон — это была относительно надежная защита.

— Ни одного выстрела впустую, бить только наверняка! — скомандовал Староверов.

Фашисты окружили школу.

— Рус партизан, сдавайся! — раздались их голоса.

Никто не откликался.

Несколько фашистов, держа наготове автоматы, вошли во двор.

— Ну, Иван, — прошептал Староверов, — твой левый, мой правый. Ты, Илья, жди.

Два выстрела. Двумя захватчиками стало меньше. Вблизи появился каратель.

— Мой? — торопливо спросил Луковенко.

— Твой, Илья, твой! — ответил Староверов.

Луковенко выстрелил.

Фашист медленно осел на землю.

Начался жестокий и неравный бой. Трое бойцов с одной винтовкой и тремя пистолетами; против них целый отряд отборных гитлеровцев с автоматами и пулеметами. На каждый выстрел партизан они отвечали залпами, на каждую пулю — десятками пуль. Но партизаны били только наверняка, каратели стреляли вслепую. Они уже больше не предлагали партизанам сдаваться, а беспрерывно строчили из автоматов и пулеметов.

Шаура был дважды ранен разрывными пулями. Его винтовка

перешла к Староверову. Луковенко наспех перевязал раны товарища. О своей ране Староверов молчал, она была не на виду, а чья текла кровь, разобраться трудно — то ли Шауры, то ли Староверова.

Теперь отстреливались двое: Луковенко и Староверов, Шаура потерял сознание.

Староверов получил второе ранение.

— Илья, — Староверов подвинулся ближе к товарищу. — У меня к тебе просьба. В нужный момент ты меня пристрелишь, хорошо, друг?

— Нет, — твердо сказал тот. — Нет, ни за что!

Староверов понял, что никогда не исполнит Луковенко его просьбу.

— Та-а-ак… тогда слушайте боевой приказ, капитан Луковенко. Отходите с бойцом Шаурой через овраг к лесу. Я буду прикрывать ваш отход.

— Товарищ начальник штаба!.. Дмитрий Дмитриевич!.. — взмолился Луковенко.

— Приказ есть приказ. Я не привык повторять его дважды, — жестко сказал Староверов. — Не теряйте времени даром. Силы у меня на исходе.

— Ты ранен, Митя?

— Дважды… Выполняйте приказ, капитан.

Луковенко знал, что спорить со Староверовым бесполезно. Волоча за собой бесчувственного Шауру, он пополз к лесу. Староверов в это время яростно стрелял в гитлеровцев.

Луковенко с Шаурой доползли до леса и скрылись в овраге.

Каратели обстреливали погреб без передышки.

Падали гитлеровцы, подползавшие со всех сторон. Но вслед за ними поднимались новые. Староверов едва успевал отстреливаться.

Дмитрий Дмитриевич выглянул из укрытия. Попытался приложить винтовку к плечу и не смог, окончательно ослабели руки, в глазах двоилось… Тогда он взял пистолет.

Последняя пуля!

Последнюю пулю Дмитрий Староверов сохранил для себя.

Вскоре в Батаеве появились медведевцы. Они нашли раздетого изуродованного фашистами Староверова. Похоронили в лесу под высокими соснами. Положили на могилу зеленые венки из ели. Из трофейного, захваченного у штаба 576-го саперного батальона противника знамени нарезали красные ленты. Перевязали ими венки. Салютовал погибшему бойцу и другу весь партизанский отряд.

На березе у могилы Староверова написали:

«Здесь похоронен начальник штаба партизанского отряда Дмитрий Дмитриевич Староверов, геройски погибший за Родину у деревни Батаево 11 октября 1941 года».

Командир объявил, что винтовка Староверова будет передана лучшему бойцу и получить ее — большая честь не только для партизана, но и для всего отделения или группы.

«…Ах, Митя, Митя! Дорогой товарищ наш боевой! Как же так с тобой получилось! Сколько было у тебя надежд и планов, да помешала их выполнить проклятая война. Мы никогда тебя не забудем, мы отомстим врагам за тебя. Прощай, дорогой наш герой!»

Глава пятая

Вечернее сообщение Советского Информбюро от 12 октября.

> «В течение 12 октября наши войска вели бои с противником на всем фронте, особенно ожесточенные на Вяземском и Брянском направлениях. После упорных многодневных боев наши войска оставили г. Брянск».

Дмитрий Николаевич прочел принесенное Шмариновым сообщение Совинформбюро.

— Фашисты закрепились в Орле. Танковая армия Гудериана рвется к Туле и Москве, — негромко сказал он. — Но я уверен, что Тулу — этот наш арсенал — рабочие и Красная Армия не отдадут. Вот сейчас оставлен мой родной Брянск. Воины Красной Армии проявили упорство и стойкость в боях под Вязьмой. Они дали возможность нашему командованию выиграть драгоценное время для организации обороны столицы. Оккупанты будут стараться перегруппироваться и начать новое наступление на Тулу и Москву.

Наша задача сейчас не дать гитлеровцам возможности собраться с силами, надо бить их везде, особенно ближе к фронту, и тем вносить свой вклад в оборону Москвы.

…Брянск оставлен нашими войсками. Гитлеровцы уходят из района, стягивают силы к фронту. Работы нам пока мало — взорвать железную дорогу и сидеть дней десять-пятнадцать, ждать, пока фашисты ее починят, — скучно. Советовались с командиром и начальником штаба (теперь начальником штаба — Сипович) — необходимо нам переходить ближе к фронту, в Брянские леса. Там, на фронтовых дорогах, больше движение. Разведка донесла, что появляются гитлеровские дезертиры — в фашистской армии началось разложение.

В лесу, недалеко от лагеря, стали появляться какие-то странные люди. Сегодня был такой случай: Медведев, Сипович, Королев, еще два партизана и я пошли осматривать местность около лагеря. Обошли кругом почти шесть километров, чтобы как следует изучать дороги, подходы, пути. Недалеко отсюда шли бои и осталось много исковерканной техники, валялись патроны, бумаги и документы. Единственное, что мы нашли полезного, было мыло и то все размокшее. Забрали с собой — все равно пригодится. Вдруг Королев подал сигнал: «Внимание!» Мы замерли. Среди деревьев появился человек. Это был старик лет шестидесяти пяти, одетый по-крестьянски в коричневую суконную

поддевку, но его выхоленное лицо и тщательно причесанные седые волосы говорили о том, что это городской житель. Он шел и оглядывался по сторонам. Остановится, прислушается и идет дальше.

— А ну, узнайте, в чем дело! — приказал Медведев.

Старик прошел мимо нас, никого не заметив. Партизаны обогнали его и вышли ему навстречу. Окликнули. Старик оглянулся и снова как ни в чем не бывало пошел дальше.

— Ты что, глухой, что ли? Никакого ответа.

— Куда идешь? — не выдержав, закричал Королев.

— Ищу корову, вот и зашел далеко, — спокойно ответил старик.

— Где живешь?

— Километров восемь отсюда.

— Что же, кроме тебя, искать корову больше некому?..

Старик промолчал.

Мы пошли дальше, оставив странного старика в покое. На этом история со стариком не кончилась. Его еще несколько раз видели в лесу наши часовые. Он медленно шел среди деревьев, как и раньше осматриваясь по сторонам. Когда его останавливали, он охотно объяснял, что ищет корову, это он говорил одним, другим не менее охотно рассказывал, что ищет подходящее дерево — хочет дров заготовить на зиму. Не скрывал он и своего местожительства — живет в деревне Батаево, что семь километров от нашего лагеря. Однажды старик разговаривал с бойцом хозвзвода ветврачом Сучковым.

Саша Творогов вызвал к себе Сучкова.

— Что это за старик тут ходит? Откуда вы его знаете? — поинтересовался он.

— Говорит, что из Батаева, корову ищет. Рассказывал, что у нее почти все молоко пропало. Спрашивал меня, что делать надо. Ну, я ему тут кое-что посоветовал.

— Откуда он знает, что вы ветврач. Вы что, раньше были с ним знакомы?

— В первый раз вижу. Наверное, кто-нибудь из ребят ему обо мне сказал…

На этом разговор закончился, а через несколько дней случилось ЧП. Наши разведчики во главе с Твороговым возвращались с боевого задания. Уже начало светать. До лагеря осталось совсем немного — километра два, как вдруг раздалась стрельба. Разведчики бросились на выстрелы. На поляне ничком лежал человек. По рыжеватым волосам Творогов сразу узнал в нем ветврача.

— Бежать хотел, — взволнованно объяснил Творогову один

из бойцов. — Мы с ним в одном шалаше спали. Только рассвело, смотрю, он приподнялся и начал на всех посматривать. Как кто пошевелится, он опять ложится. Потом встал и тихонько вышел. Я за, ним. Он огляделся по сторонам, а потом быстро-быстро в лес. Я растолкал ребят и за ним. Его окликнули, а он бежать. Вот так и получилось…

Боец перевернул ветврача на спину.

— Живой, — удивился он.

Саша Творогов обыскал ветврача и нашел у него документы на другую фамилию. Сначала он не называл своего настоящего имени, ничего не хотел говорить — только всячески ругал Советскую власть. Но потом стал хныкать и просить оставить его в живых. Сообщил, что его подослали гестаповцы, чтобы точно установить численность и месторасположение нашего отряда.

— Я не виноват, я ничего никому не рассказал, — ныл «ветврач», в его наглых серых глазах стояли слезы. — Меня силой заставили, иначе гестаповцы забили бы насмерть. Он обещал, что, как только я сообщу, где отряд, меня отпустят.

— Кто это «он»? — спросил Медведев.

— Тот, кто меня сюда послал. Их главный начальник, — охотно сообщил предатель.

— Как его фамилия, приметы?

— Фамилии не знаю. Но он высокий, худой. Сам русский, но по-немецки говорит как немцы. Иногда повязку с красным крестом на рукаве носит.

Предателя расстреляли.

> *«17 октября.*
>
> *Гитлеровцы объявили мирным жителям, что с 15-го будут бомбить леса и что жители должны сидеть по селам, в лес не ходить. Сегодня уже 17-е, однако о бомбежке нет и слуха. Командир пригласил Сиповича и меня к себе».*

— У меня создалось впечатление, что фашисты нас нащупывают, — начал разговор Медведев. — Правда, до сих пор наши точные координаты им не были известны. Но эта история с ветврачом наводит на определенные выводы. Мне кажется, что кто-то работает против нас. Мы уже стали достаточно популярны, чтобы гитлеровцы решили заняться нами всерьез.

Мы с ним согласились.

— Сидит где-нибудь в Могилеве или в Кричеве гестаповец и работает против нас. Это моя версия, — продолжал Медведев. — Сначала он посылает нам своего агента — ветврача. Тот не дает о себе знать, приходит второй связной — старик с коровой.

Конечно, Сучков успел передать ему необходимые сведения. Теперь гестаповцы, вернее, тот «главный» — высокий и худой, — начинают готовить операцию: нас хотят обложить со всех сторон. Надо сниматься и уходить. Как вы думаете, товарищи?

Мы одобрили решение Медведева.

Однако перед уходом из Батаева решили провести вместе с хотимским партизанским отрядом налет на районный центр Хотимск. Медведев вызвал к себе командира хотимского отряда и предложил ему провести разведку, выяснить, что делается в городе. Для обеспечения более надежной связи Медведев послал в Хотимск нашего партизана Мишу Ерофеева.

Миша выполнил задание. Он походил по улицам города, посмотрел, где расположена немецкая комендатура, и вернулся в лагерь. За ним явился командир хотимского отряда и доложил о том, что узнали его люди:

— Разведка проведена. В Хотимске сейчас гитлеровцев немного, всего несколько человек, есть полицейские, но они ожидают подкрепления — прибытия крупного карательного отряда.

Сначала Медведев решил дождаться прихода карателей, чтобы сразу разделаться с ними, потом решил иначе. Мы разбили оба отряда на несколько групп и каждой группе дали определенную задачу.

Две группы Медведев направил на фланги: одна из них должна была сжечь мост, другая перерезать телефонную связь. Следующие две группы партизан, по двадцать человек каждая, были посланы в полицейское управление и в комендатуру города. Третья группа должна была взять бургомистра и собрать по квартирам полицейских. Группа во главе со мной и доктором Файнштейном направлялась в аптеку за лекарствами и перевязочными материалами, в них отряд особенно нуждался. Сам Медведев, с ним было еще пятнадцать человек, расположился у собора в центре города. Это была группа резерва, в случае надобности она могла прийти на помощь. Кроме того, отсюда Медведеву было сподручней руководить операцией…

С наступлением темноты, часов в девять-десять, мы вошли в город. Проводниками были местные партизаны, которые прекрасно знали Хотимск. Четыре группы вошли в город, а две отрезали его от основной магистрали. Партизаны валили телефонные столбы, разгромили городскую телефонную станцию (здесь мы захватили очень нужные нам батареи для рации), сожгли мост.

Медведев ждал около городского собора часов до четырех-пяти. На западной окраине города он увидел большое зарево и

сразу догадался, горит мост. Уничтожение моста было для нас большой удачей: по этой магистрали противник направлял карательные отряды в леса для борьбы с партизанами.

К командиру стали подходить связные, докладывать, как идут дела. Пока все шло хорошо: поймали нескольких полицейских, бургомистр города успел удрать, взяли хороших лошадей — гитлеровские фуражиры вывозили на них масло и хлеб.

Когда наш отряд собрался у церкви, к нам прибежал местный житель и сообщил, что на складе спрятано масло, которое гитлеровцы собирались вывезти из города. Медведев немедленно направил группу, поручив ей еще раз все тщательно проверить. Эта группа скоро вернулась, захватив масло, несколько тысяч яиц (часть продуктов мы отдали местным жителям), тысяч 12—15 денег из городской управы и… пишущую машинку. Впоследствии на этой машинке мы печатали листовки и даже сверстали один номер стенгазеты, но затем кончилась лента, а новой достать не смогли. Мы зарыли машинку в землю в специально для этого сделанном ящике. На том месте, где она была спрятана, мы сделали надпись: «Здесь похоронен партизан товарищ Машинистов».

Среди документов, взятых в немецкой комендатуре и у бургомистра, было одно заявление: «Прошу принять меня в вашу полицию, так как я имею к этому непреодолимое желание и хочу быть сыщиком». Кроме того, среди всего этого хлама были всевозможные доносы на людей, сочувствующих Советской власти и ожидающих прихода Красной Армии. Мы передали документы хотимским партизанам для того, чтобы они сделали необходимые выводы.

На следующий день после операции из Хотимска и из ближайших сел люди начали идти к партизанам. Хотимский отряд стал расти у нас на глазах. Он совершил потом много смелых боевых операций…

В лагере под Хотимском мы простояли почти четверо суток, и только на пятые появились фашисты. К бывшему мосту подъехало несколько машин с орудиями, но в Хотимск они не поехали, а повернули стволы пушек и часа два расстреливали город…

* * *

Теперь за нами все время идет карательный отряд. Появился он с тех пор, как мы провели диверсию на железной дороге Кричев — Унеча. Одна из групп этого отряда убила Староверова в деревне Батаево. Эти же фашисты подъезжали к Хотимску, а

потом подсылали связника к своему шпиону — ветврачу в лагерь. Каратели шли за нами по пятам, надеясь неожиданно напасть на отряд.

Мы получили приказ идти к линии фронта. Для этого надо было перебраться через реку Ипуть или же переходить большак. Вокруг нас по всем хуторам и деревням расположились каратели, они взяли нас в кольцо, не давая возможности двигаться дальше. Прорываться решили во что бы то ни стало, но прорываться двумя группами. Командиром параллельного отряда — в нем было человек семьдесят — назначили майора Чичканова, начальником штаба капитана Луковенко, а комиссаром — батальонного комиссара Исаева.

Решили: отряду Чичканова необходимо перейти реку Ипуть, связаться с местными партизанами и начать действовать в новом районе. Нашему отряду пока оставаться здесь, выбрать получше место и действовать на правой стороне реки. Позднее мы переберемся в сторону Брянских лесов.

«27 октября.

Вечером приходил ко мне Боголюбов. Люблю я Сашу, хороший он парень. Мне он приглянулся сразу же, когда вместе с Лешей Логиновым и еще несколькими ополченцами присоединился к нашему отряду. Сугубо штатский, Александр Федорович Боголюбов сразу же пошел в народное ополчение. Он воевал под Оршей, где попал в окружение. Вышел из окружения и пришел к нам в отряд, где как-то сразу прижился и стал пользоваться общим уважением и симпатией. Смелый и решительный человек. Всегда просит, чтобы его посылали на наиболее трудные операции. Сегодня мы с ним долго говорили о создавшемся положении, о войне. Вспоминали Москву, мечтали о том, как по окончании войны будем жить, строить и восстанавливать разрушенное. Работы будет много, работы интересной…»

«6 ноября. Четверг.

Завтра праздник. Надо выпустить газету, заодно подумать о лозунгах и листовках.

…Снился мне сегодня Петух — как будто я приехал домой на час, взял его на руки, поцеловал, а он говорит: «Всегда ты, пап, так, не успеешь приехать, как уже уезжаешь».

На праздники наше радио работало исправно.

Вечером мы слушали передачу о торжественном совещании в Москве, а утром 7-го — парад на Красной площади.

Все были взволнованы. Эти вести с Большой земли показывали, что страна живет, борется и верит в свою победу, что мы тоже помогаем приблизить этот знаменательный день, когда враг будет разбит. Ведь представители от нашей бригады — Орлов, Бахметков и другие наши однополчане — сейчас тоже участвуют в параде…

На митинге все говорили о том, как лучше и сильней громить ненавистного врага, не давать ему ни дня покоя. Главный лейтмотив выступлений — мы победим. Иначе и быть не может!

По случаю праздника устроили «пир». У Толи Шмаринова обнаружилась одна плитка шоколада. Разделив ее на микрочасти, съели в честь праздника…

Вскоре мы пришли в район Клетни, в наш старый лагерь, и связались с отрядами Глебова и Семенова. Здесь до нас дошли слухи о том, что под городом Мглином возле небольшой деревни расположена посадочная площадка, на которой гитлеровцы заправляют свои самолеты. Местные жители видели там взлетающие и садящиеся «хейнкели».

Информация об этом аэродроме была явно недостаточной, поэтому группе, выполняющей операцию, пришлось одновременно выступать и в роли разведчиков. Руководству отряда приходилось ломать голову над рядом таких вопросов, которые, к сожалению, могли быть разрешены только на месте.

Каковы пути подхода к аэродрому?

Сколько фашистов в охране?

Есть ли поблизости воинские части противника и как далеко размещены они от посадочной площадки?

От ответа на каждый из этих вопросов зависел исход операции. Конечно, хорошо было бы знать все это заранее, но партизанам нередко приходилось действовать в еще более сложных условиях. Как правило, всегда существовал элемент неожиданности, некоторый фактор X, который мог благоприятствовать, а мог и сорвать операцию. Это придавало партизанским вылазкам тот оттенок риска, за который многие бойцы любили свое дело. Дмитрий Николаевич, напротив, был сторонником тщательно подготовленных, обстоятельных действий. Он охлаждал не в меру горячие головы анализом возможных вариантов неудачи. Как сказал кто-то из наших остряков: риск — дело благородное, но неблагодарное. Рисковать, но с головой. Поэтому в задачу группы входила прежде всего разведка, а затем, в зависимости от ее данных, непосредственно и сама операция.

…Дмитрий Николаевич дал 48 часов на выполнение этого сложного задания. Он выделил группу из пятнадцати человек.

Партизаны выступили из лагеря 11 ноября.

Группе повезло. Километрах в четырех от лагеря они повстречали местного жителя, и тот провел их в район деревни короткими лесными тропками. Впрочем, партизаны все равно измучились: они были слишком голодны и слишком плохо одеты. Они долго стояли на опушке леса и пристально смотрели на избы деревни, расположенной в нескольких километрах от фашистского аэродрома. Окна изб освещались неярким светом коптилок. Там, в домах, было тепло и покойно.

Уставшим, изголодавшимся партизанам перед операцией был необходим хотя бы кратковременный отдых, и Алексей Логинов с двумя партизанами направился на разведку.

В одной избе у них состоялся обстоятельный разговор с мальчуганом лет двенадцати. Любознательный мальчишка засыпал их вопросами. Он пожелал узнать, действительно ли они партизаны, сколько они постреляли фашистов, есть ли у них пушки и т. д. Затем он доверительно сообщил, что сегодня весь день летал самолет. Посадочная площадка гитлеровцев расположена возле самой деревни. Дорога туда одна, идет она через плотину. Мальчик сказал, что хорошо бы уничтожить самолеты, и намекнул, что он и сам не прочь бы принять участие в этой увлекательной операции. Партизаны пообещали взять его в следующий раз, когда он немножко подрастет.

Отдохнув, партизаны выступили.

К деревне подошли среди ночи. Было очень темно, и сразу же обнаружилось, что мальчишка перепутал правую сторону деревни с левой: гитлеровские самолеты оказались в диаметрально противоположном месте.

На поле аэродрома стоял совсем новенький, накрытый брезентом «хейнкель», он словно ждал летчиков. Какая жалость, что никто из партизан не владел этим искусством!.. Раздались одиночные выстрелы. Оказалось, что партизаны, уничтожая второй самолет, неожиданно наткнулись на охрану. Испуганные фашисты забились в землянку, заперев массивную дверь изнутри.

Самолеты подожгли — забросали их бутылками с горючей жидкостью. Над аэродромом поднялись столбы коптящего пламени.

* * *

У нас бывали трудные дни. Таким днем было 13 ноября 1941 года, когда от одного из секретов пришел связной и сообщил, что к лагерю приближается группа гитлеровцев, а за ней колонна

автомобилей с солдатами.

Вскоре наш пост заметил карателей. Их черные шинели четко выделялись на белом фоне зимнего леса.

Меньше всего мы ждали их с этой стороны. Они словно знали наше уязвимое место и шли наверняка. Потом возникла мысль о предательстве, а кое-кто из бойцов поговаривал, будто видел каких-то людей в наших шинелях, идущих впереди фашистов. Но затем возникла другая версия. Группа, уничтожавшая самолеты, возвратилась с операции прямиком через лес, проделав в снегу новую стежку. Возможно, эта стежка и послужила направляющей нитью для врага.

Так или иначе, а гитлеровцы шли на лагерь.

Медведев подал команду:

— Приготовиться к бою, занять оборону! Раненых и обоз отвести в лес, подальше от места боя!

Как только мы открыли огонь, гитлеровцы выпустили красную ракету.

Стреляем вовсю, трофейные немецкие винтовки на морозе отказывают — у них заклинивает затворы. Отказал и наш станковый пулемет, замолк.

Мы передвинулись метров триста от лагеря к большаку. Медведев и Королев залегли у огромного дерева. Рядом расположился Глебов, пришедший из соседнего отряда договориться о совместной операции. Фашисты нащупали нас и стали подходить, выдерживая дистанцию 25 метров одна группа от другой.

Приполз связной и сообщил, что на левом фланге ранен Логинов и убит героически сражавшийся политрук Саша Боголюбов, но его группа пока сдерживает карателей, пытающихся обойти нас с левого фланга.

Известие о смерти Саши потрясло меня. Еще неделю назад, 6 ноября, мы праздновали его день рождения, желали ему многих лет жизни, говорили о том, как будем отмечать эту дату на следующий год, подарили котелок меду… И вот Саши уже нет с нами. До чего же больно!..

Гитлеровцы стреляли на правом фланге, как раз там, где мы поставили третью группу. Значит, не удержали ребята карателей, и теперь нам грозит окружение.

Медведев дает команду отходить. Для этого нам предстоит пересечь лесосеку и занять оборону на другой ее стороне, лесосека шириной метров пятьсот, с двух сторон она хорошо простреливается немецкими крупнокалиберными пулеметами. Ох, и пустая же это лесосека, и снег совсем неглубокий! Человек чувствует себя на ней раздетым, как на пляже. Только солнечные

лучи у нас заменены кинжальным пулеметным огнем…

Дмитрий Николаевич попросил меня отойти к отряду и не пропускать карателей с противоположной стороны на лесосеку. При этом он так на меня взглянул, что я понял — времени терять нельзя.

Гитлеровцы стреляют и кричат. Кричат и стреляют. Наверное, изрядно хлебнули перед атакой. Ну, вот и лесосека!

Ползу по-пластунски. Потом вскакиваю, бегу. Под ногами снежные фонтанчики от пулеметной очереди. По свисту пуль уже могу отличить пулеметную от автоматной. А вот и мины. Какой противный звук!

Ищу командира. Его последним из опасной зоны выводит Королев. Они вдвоем вели огонь из автоматов, прикрывая наш отход. Королев расстрелял уже три диска, удачно бросил две гранаты, а до леса оставалось не менее пятидесяти метров. И в это время Медведева контузило.

— Уходи в лес один, я прикрою, — приказал Дмитрий Николаевич и стал готовиться к последней обороне: он разложил перед собой ППД, маузер, гранаты. Королеву буквально силой пришлось заставить его дойти до ближайшего дерева. Там он взвалил Медведева, одетого в черный полушубок, на плечи и потащил к лесу, откуда уже трещали выстрелы партизан, прикрывавших их отход. Адъютант Николай Королев второй раз спасал жизнь своему командиру…

К этому времени наши ребята обошли карателей с флангов и ударили им в тыл. Гитлеровцы в беспорядке отступили. Бой стал затихать.

Подсчитали потери. Оказалось, убито пять человек, шесть ранено. У карателей потери в несколько раз выше.

Бой показал явное преимущество партизан. Несмотря на потери, которые мы понесли, фашисты получили хороший урок. После этой стычки они надолго потеряли охоту искать с нами встречи и вообще показываться в лесу. Досталось карателям! Но не мы войну начали. Нам ее кончать.

Это понимают все, даже те, в черных шинелях. Поэтому они пьют перед атакой. Поэтому так громко кричат. «Они не партизан пугают, — сказал кто-то из наших, — они себя подбадривают». Да, так и есть. Они подбадривают себя. Им страшно в этом темном, густом, враждебном лесу. Им страшно в лесу их преступлений. Им страшно от того, что они совершают. Поэтому заглушают страх криком, кричат изо всех сил. Пусть кричат.

…Командир принял решение перебазировать лагерь в расположение отряда Чичканова.

* * *

У Чичканова первым делом мы позаботились о наших раненых. Чичкановцы предложили землянку, очень неплохое помещение. Вообще чичкановцы устроились хорошо. Есть командиры, которые умеют за короткий срок так обжить, освоить местность, что кажется, будто они и весь свой век коротали на этой лесной опушке. Чичканов относится к ним. Все, что он делает, всегда добротно, надежно, надолго. Какой-то особый уют есть в этой обстоятельности, домашность, хозяйский уют в самом хорошем смысле этого слова…

Старую базу, где мы раньше стояли, немцы обстреливали на следующий день из минометов и артиллерии. Нам довелось еще раз побывать на месте боя. Мы с Медведевым и новым начальником штаба Сиповичем тщательно осмотрели следы. Как выяснилось, немцы наступали сразу 27 группами, причем в каждой группе было человек по 10—12. Всего их было не менее 250—300 человек. А нас тогда на базе находилось 75 человек, остальные выполняли боевые задания. В целом неплохой успех. Долбанули фрицев.

…Пришла глубокая зима, ударили сильные морозы. Мы спим у костров. Горят наши шинели. Дырка на дырке, и если бы не Волков, наша одежда походила бы на решето. Волков следит за тем, чтобы своевременно ставились заплаты. Так что дыр на нашем одеянии нет, зато заплат прудом пруди. Обувь у нас в моду вошла местная, исконно русская. Лапти носим. Их, впрочем, называют полулапти. Они ведь тоже стираются, обгорают.

На хуторе Петровском нас сильно выручил один старик. Он сплел для нас 40—50 пар лаптей. Первым лапти надел Николай Королев. Его сапоги совсем развалились, а сорок пятый, не то сорок шестой размер не так уж легко раздобыть.

Мы вели разведку и активизировали деятельность мглинских и клетнянских партизан. Мы доказали местным партизанам, что действовать надо активно, активнее надо нападать. Они должны были остаться здесь вместо нас, а мы уходили дальше на восток, в Брянские леса. Для нас открывалась новая территория, ближе к линии фронта, совсем еще не освоенная.

Помню такой случай: Медведев, я, Королев и еще один боец решили пойти в гости к клетнянским партизанам. Это был воскресный день или какой-то праздник, и они просили прийти побеседовать с их бойцами. В лесу, на подходе к отряду, нас встретил самый старый партизан Клетнянского отряда, пятидесятитрехлетний Иван Иванович Котомин. Сам он охотник, по специальности помощник машиниста. Он и в Клетнянском

отряде не расставался со своей двустволкой. Встретив нас, он очень обрадовался.

— Хорошо, что я с вами не разминулся. Дело в том, что мы сидим в обороне и ждем наступления.

На их пост напоролись фашисты, человек десять-пятнадцать. Их обстреляли, и гитлеровцы бежали. Следы шли от Клетнянской железнодорожной ветки. Командир отряда специально послал нам навстречу Ивана Ивановича, чтобы мы не шли к ним, а вернулись обратно и подготовили отряд для того, чтобы оказать им поддержку.

Мы решили вернуться, а через Ивана Ивановича передали, что вышлем разведку и в случае появления гитлеровцев будем их отвлекать. Обещали выслать связных и от отряда Чичканова. Мы были готовы к бою.

Медведев дал необходимые указания, но к вечеру противник не появился. Медведев распорядился поставить на 16-м километре железнодорожной ветки большую мину. Если бы гитлеровцы вздумали прибыть по железной дороге, они наверняка напоролись бы на наш «сюрприз».

На следующий день, часов в десять утра, раздался взрыв большой силы. Состав с карателями взлетел на воздух. Фашистов было около двухсот человек, уцелевшие с перепугу открыли по пустому лесу ураганный огонь. На этом их операция против клетнянских партизан закончилась.

…Наступило время, когда мы решили, что дальше сидеть в лагере нет никакого смысла. Местные партизанские отряды, Клетнянский и Мглинский, начали активные действия против фашистов. Они объединились и разместились в таком глухом лесном массиве, что гитлеровцам туда вовек не добраться. Мы же здесь были фактически не нужны. Нас ждали в другом месте. А может, это просто партизанская наша привычка в нас заговорила? Все время стремиться вперед…

> *«19 ноября.*
>
> *Решили выступать ближе к фронту сегодня, в 21.00. Там работа живее, чем здесь, тут только воевать с карателями!*
>
> *Мы двинулись на Восток, ближе к фронту, туда, где много фашистских войск, где интенсивное движение частей, где ждет нас партизанский труд».*

Нам предстояло перейти Десну. Задача не из легких, так как река еще не совсем стала. Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, гитлеровцы строили на ней большую оборонительную линию на случай прорыва советских войск. Мы знали, что мостов

на Десне нет, существует только паром, усиленно охраняемый немцами. Разведать место переправы было поручено капитану Луковенко с его группой. Он ушел вперед, а мы двигались следом, ориентируясь на «вехи», которыми снабдили дорогу бойцы отряда Луковенко.

Мы вышли в район Десны и были поражены царившим там опустошением. Нас встретили безмолвные, сожженные деревни. Странно и дико торчали трубы развалившихся печей. Ветер мел серый снег, смешанный с пеплом, свистел и завывал в трубах. Удивительно, как долго может сохраняться запах пожарищ. Удивительно, как долго можно помнить этот запах. А может быть, при взгляде на пепел человек вспоминает, как пахнет война? Память властно объединяет цвет и запах в одно понятие…

Над Десной лежали черные трупы деревень, а их уцелевшие обитатели, немногочисленные и потерянные, ютились в хибарках, построенных из обгорелых досок и бревен. Река блестит, как полированный стол. Луковенко нашел отличное место, тихое, незаметное для противника, с прочным, крепким льдом.

Сначала пустили лошадей.

Катастрофа!

Ни одна лошадь не может сдвинуться с места. Они не подкованы, копыта разъезжаются, и лошадь валится. Молодец Луковенко, он и здесь нашел выход. Предложил перетаскивать лошадей на канате.

Ох, нелегкая была работа!..

Мы благополучно преодолели Десну и двинулись дальше. После Жуковки начался наш тяжелый переход.

Идем партизанским строем, затылок в затылок, по следам друг друга. Идем без дороги. Метров на двести вперед выдвинуто передовое охранение, метров на триста сзади отстает от нас тыловая охрана. Обоз невелик, всего две-три подводы для раненых и больных. Всю посуду, все хозяйственные принадлежности несем на себе.

Идти мы должны возможно тише. Мы боремся с шумом. Мы искореняем шум, мы уничтожаем его: обвязываем тряпками металлические предметы, привязываем все, что может столкнуться и вызвать резкий звук, но то и дело где-нибудь в цепи звякнет бидон, цокнет о приклад котелок. Ох, уж эти хозяйственные бидоны, сколько неприятных минут они доставили!

Мы голодны. Зверски голодны! Плюс ко всему у нас кончилась соль. Теперь мы едим конину без соли. Еда не из приятных, но и она кончается. Кто-то из ребят предложил нарезать вареную конину ломтями и выставлять на мороз. Она

затвердевает и кажется соленой. Самообман, конечно, но полезный самообман. Нужный.

На переправе через Десну местные жители дали нам немного хлеба. Увы, он так быстро кончился.

У нас было много сливочного масла, килограмма по три-четыре на бойца. Вначале мы объявили это масло НЗ, но затем пришлось его есть, так как никакой другой еды у нас не оставалось. К сожалению, масло тоже несоленое. Бойцы глотали его кусками.

Вот и первые ласточки нашего «спартанского» образа жизни, цинга. Выпадают зубы, болят десны, кое у кого появились нарывы. Доктор знай поит всех марганцовкой. Но и она дефицитна, нужна для ран.

Последний переход мы сделали за тридцать три часа. Устали смертельно. Когда стемнело, Медведев отдал распоряжение:

— Остановить колонну, привал на двадцать минут.

Нашему начальнику штаба место для отдыха чем-то не понравилось. Он вертел головой, оглядывался. Наконец, вижу, зажег спичку и читает какую-то вывеску. Я заметил надпись: «Ахтунг».

— Эй!

Подхожу к Михаилу Ивановичу Сиповичу. Он спокойно сообщает:

— Мы уселись прямо на минном поле.

Вот это да! Осматриваемся и действительно видим, что находимся на большом поле, огороженном проволокой.

Дмитрий Николаевич скомандовал:

— Внимание! Мы находимся на минном поле. Осторожно вставать, отходить след в след, никуда не сворачивать.

В этот же ночной переход и случилось еще одно памятное событие. Шли мы напряженно, тяжело. Места были открытые, очень удобные для нападения. Фашисты то и дело бросают красные, зеленые, белые ракеты. Настоящая иллюминация, от которой лучше держаться подальше. Внезапно обнаруживаем в полукилометре от себя деревню. Дмитрий Николаевич велел залечь и молчать. Небольшая группа вместе с проводником вышла разыскивать дорогу.

Медведев приподнялся, оглядел залегших партизан и вдруг разъярился. В центре колонны кто-то курил. Курил махорку, из самокрутки сыпались искры. Если в деревне гитлеровцы…

На вызов Медведева явился из хозвзвода парень по имени Алеша. Медведев помолчал, потом спросил:

— Кто разрешил курить?

И вдруг молниеносным движением сбил Алешу с ног.

— Тебя расстрелять за это надо! Жаль, шум нельзя поднимать. Ступай и не попадайся!

Потом, смущенный этой внезапной вспышкой гнева, Дмитрий Николаевич попросил меня провести разъяснительную беседу по всем подразделениям. Конечно, это не метод воспитания в Красной Армии, но в данном случае сказались обстановка и нервное напряжение. Впрочем, бойцы Медведева не порицали, понимали, что виноват Алексей, что из-за него мог погибнуть отряд.

А он, главный виновник происшествия, извлек из ситуации максимальную пользу. После этого случая Алеша бросил курить.

Глава шестая

Волею судьбы или случая порой создаются такие коллективы людей, которые с момента их возникновения следует признать неудачными. Таким коллективом был партизанский отряд капитана Шурухина, присоединившийся к нам после налета на Хотимск. Их командир был милейшим человеком, храбрым воином (позже он удостоился звания дважды Героя Советского Союза и стал генерал-майором), умелым, находчивым, опытным, но справиться с дисциплиной в своем отряде, собранном с бору по сосенке, не мог.

Что-то было не так среди шурухинских бойцов, и до встречи с нами они вели самый произвольный образ жизни. Партизанская деятельность их сводилась к поиску пропитания, а в некоторых случаях и выпивки.

Дмитрий Николаевич выстроил сорок девять этих воинов перед нашим отрядом и провел с ними беседу. Он рассказал о положении на фронте, о том, что нужно нам делать в тылу врага, объяснил ситуацию в районе. Заключил он так:

— У нас имеются сведения, что вы ведете себя не так, как подобает бойцам Красной Армии. Я включаю вас в свой отряд и буду сам следить за вашим поведением.

Отряд Шурухина был присоединен к нам в виде отдельной группы. И конечно, почти сразу же начались нарекания, недовольство, жалобы. Им не нравилась наша несоленая конина, им не нравилась наша крепкая, соленая дисциплина. Им не нравилось все. Вспоминались деньки золотые, когда под самогон беспрепятственно уплетались свинина, и баранина, и другие вкусные вещи. Особенно бесчинствовала группа, которая позже всех присоединилась к Шурухину.

Мы терпели нарушения дисциплины по той причине, что отряд находился на марше. Воспитанием и перевоспитанием шурухинских питомцев решили заняться уже на базе. И не успели.

После перехода Десны человек пять из этой компании отделились от отряда и тайком направились в ближайшую деревню.

Узнав об этом, Медведев приказал:

— Обезоружить и доставить ко мне!

Наши бойцы нашли этих людей на хуторе за бутылкой первача. Их арестовали и доставили в отряд.

Случай был из ряда вон выходящий. По-военному ЧП. Они нарушили приказ не показываться никому на глаза, это могло выдать наш маршрут. Они нарушили приказ не заниматься

«децентрализованными поставками», это могло превратиться в мародерство и грабеж мирного населения. Мы боролись за доверие со стороны населения, а эти гады сводили на нет все наши усилия. Наконец, они показали пример своеволия и недисциплинированности, который нужно было пресечь на корню.

Когда их привели, Медведев построил отряд. Дмитрий Николаевич очень устал, был бледен, но, как всегда, решителен. Голос его звучал как-то печально. Он объяснил отряду проступок этих бойцов, объявил им выговор и приказал разоружить их. Он заявил, что свое оружие они получат, когда оправдают себя в бою. Провинившихся Медведев направил обратно в отряд. Но уже на другой день мы узнали, что эта группа собирается вновь бежать и подбивает на это других.

Нужно было принимать срочные меры, пока разложение не проникло глубоко, пока оно не пустило свои ядовитые корни и не стало нормой жизни, как это было в отряде Шурухина.

Медведев остановил колонну, приказал построить каре и объявил свое решение. Все баламуты и смутьяны шурухинскои группы были распределены по разным отделениям и взводам. Пришлось по три-четыре человека на отделение. Нагрузка получилась изрядная.

Тронулись дальше и трое суток прошли без приключений. Казалось, что внешне, во всяком случае, эти парни взялись за ум. И вдруг стало известно, что одна из групп по-прежнему собирается бежать, причем они намерены убить командира и комиссара отряда.

Это был уже заговор. Бунт против дисциплины, порядка, борьбы с неприятелем. Бунт слепой силы неповиновения. Через некоторое время мы уже знали, кто организатор и кто дал согласие участвовать в бунте. Главарем заговора оказался один очень неприятный тип.

Не доходя километра два до деревни, среди леса, Медведев остановил колонну в третий раз. Снова выстроили каре. Дмитрий Николаевич начал при всех допрос виновных:

— Я располагаю точными данными о том, что вы собираетесь дезертировать. Говорите, правда это или нет?

Молчание.

— Учтите, если не сознаетесь, всем — высшая мера наказания. Если сознаетесь, будем подходить совершенно иначе.

Один из задержанных начинает рассказывать о главаре.

— Товарищ командир, действительно вот он подошел ко мне и говорит: «Давай бежать».

— Он предлагал вам убить командира?

— Да, предлагал.

— С кем он еще говорил?

— Да еще со многими. Они сами скажут…

Постепенно все проясняется. Оказывается, во всем виновен главарь.

Медведев обратился к нему:

— Ну что же, хочешь убить командира? Ну, убивай!

Тот совсем раскис, затрясся, бросился на колени.

— Расстрелять!

Здесь же перед строем его расстреляли. Остальным Медведев сказал:

— Останетесь без оружия, будете в хозяйственном взводе, пока мы не убедимся, что вы не предатели. В боях завоюете оружие и кровью смоете позор предательства!

После этого был проведен митинг. Все выступавшие дружно одобрили решение командира. Так бесславно закончился этот «бунт», доставивший нам много тяжелых, мрачных минут.

Сам Шурухин был назначен комендантом отряда и следил за порядком, ходил на операции и проявил себя только с хорошей стороны, находчивым, смелым и инициативным командиром.

Мы встретились с несколькими партизанскими отрядами, с жуковскими партизанами. Командовал тогда ими Воробьев, комиссаром был Мальцев. Отряд насчитывал человек сорок — сорок пять. Они взрывали мосты на железной дороге, нападали на полицейских, истребляли старост, предателей в деревнях, занимались пропагандой среди населения Жуковского района. Народ боевой и дисциплинированный. Все местные жители, комсомольцы, члены жуковской партийной организации.

С Жуковскими партизанами мы виделись до перехода линии фронта. Отряд был сформирован еще до занятия Жуковки противником, они заранее заложили базу и ходили через линию фронта, совершая дерзкие налеты на вражеские гарнизоны. В то время мы пробыли у них несколько дней, пытаясь с их помощью перейти линию фронта.

Какие удивительные, разные люди, очень непохожие, простые и сложные, воевали рядом со мной! Какие колоритные фигуры, какие характеры! Война, особенно партизанская, выявляет в человеке неожиданное, новое. Она освещает человека странным светом, и только диву даешься, как сильно преображаются привычные черты. Война уродует человека, но она же рождает героев. Великое и малое, трагичное и смешное идут рука об руку, а лучше сказать — след в след, по тесной партизанской тропе.

…Мы двигаемся к линии фронта.

Сосет под ложечкой, пронизывает колючий морозный ветер,

но настроение у нас бодрое, боевое. Мы довольны собой. Слух о нашем сражении с «черными шинелями» разносится, как ветер, по деревням, поселкам, городам. Сами фашисты сообщили, что потеряли в этом бою 40 человек. А они, как правило, преуменьшали свои потери. Значит, раненых у них в два-три раза больше, чем убитых. Итого более двухсот карателей мы вывели из строя, двести фашистов не пойдут на фронт, не будут стрелять в наших. Хорошо!..

Внезапно прибегает связной из передового охранения и докладывает, что обнаружены какие-то люди. Они двигаются навстречу нам, совершая перебежки.

Готовимся к бою. Перестраиваемся. Командир дает команду:

— Приготовиться!

Вдруг кто-то радостно кричит:

— Ребята, да это соколовцы нас встречают!

Напряжение ослабевает. Облегчение и радость. Значит, жив Соколов, воюет, наводит порядок в гитлеровском тылу. Очень приятно. Очень здорово встретить товарищей по оружию.

Соколов вывел на просеку и выстроил своих ребят. Медведев, подойдя к ним, здоровается и говорит коротенькую речь. Он взволнован, обрадован, слова звучат тепло, искренне.

Мы идем мимо строя соколовцев торжественным шагом, они взяли на караул, стоят гордые, серьезные. Рваные шинели, худые небритые лица, но как блестят глаза, как рвутся навстречу нам сдерживаемые улыбки! Великолепная штука фронтовая дружба!

Эта небольшая встреча освежила и взбодрила нас, словно многочасовой сон.

Сам Соколов надолго останется в моей памяти. Он из бывших беспризорных, жизнь имел нелегкую, непростую. В Красной Армии был старшим политруком, попал в окружение, оружия не бросил, организовал свой партизанский отряд.

Внешний вид у него романтически-воинственный. Два пистолета торчат за поясом, из кармана выглядывает рукоятка третьего. На поясе болтается несколько гранат…

Манеры его вызывали тревогу даже у видавших виды вояк. О слабонервных я уже не говорю. В разговоре он то и дело выхватывал пистолет и манипулировал с ним, словно собирался пристрелить не то вас, не то еще кого-то, стоящего за вашей спиной. Стволом пистолета чесал лоб, стволом же поправлял шапку и почесывал темя…

Человек он был отчаянной храбрости.

Однажды вышли они на шоссе в засаду. Вдруг откуда-то из-за поворота вывернула легковая машина. Хорошая, даже шикарная, машина с генералом, крепко спавшим на заднем сиденье. Когда

она поравнялась с Соколовым, он вскочил на подножку и спокойно положил на колени генерала гранату Ф-1. Лимонку. Машина отъехала метров на десять, и раздался взрыв. «Опель» набок…

Отчаянный человек Соколов!

…Богата приключениями партизанская жизнь. Недавно наши ребята рассказали мне интересный случай. Я не был свидетелем этого происшествия, пишу с их слов.

Когда они увидели, что серо-зеленая фигура отделилась от темной избы и быстрыми шагами пересекла широкую деревенскую улицу, кто-то сказал:

— Здесь фрицы! Айда, ребята, пока не заметили.

Но их уже увидели. Раздались выстрелы, над головами засвистели пули. Все это было так некстати…

По приказу Медведева они направлялись в засаду на дорогу, идущую из Брянска. Встреча с гитлеровцами в этой деревне была неожиданной, нелепой и ненужной. Она им очень мешала; кроме того, партизаны не любили, когда фашисты сами навязывали им бой. Но отступать было поздно.

Когда партизаны ворвались в село, они увидели два трупа на снегу, возле дома, и вдали, на дороге, быстро удаляющиеся сани. На них скорчились три гитлеровских солдата. Кажется, один из них был ранен. Партизаны побежали, но, понятно, догнать не могли. Они стреляли вслед, пули сбивали тяжелые снеговые шапки с ветвей. Дорога делала крутой поворот и пропадала в редколесье. Через несколько минут сани с фашистами исчезли за снежными холмами, и партизаны поняли, что упустили врагов и что те приведут за собой карателей.

Один из партизан воскликнул отчаянно и горестно:

— Убегли, гады, убегли!

Это, кажется, был Иванов. Фамилию его знал только командир отделения, но он был убит, да и боец этот погиб в бою, так что фамилии этого человека точно никто не знал. И вот тогда он стал раздеваться. Да, да, самым натуральным образом. Торопливыми движениями сбрасывал он свою хрустящую на морозе шинель и разматывал обмотки. Естественно, все удивились, а кто-то ехидно полюбопытствовал:

— Ты что, дурья голова, делать собрался? В предбаннике, что ли?

— Нет, — ответил боец, — я их догоню. Дорога здесь крюк делает, а я прямиком… Я эти места во как знаю…

Он живехонько освободился от заледенелых лаптей и, схватив автомат, как был босой, побежал напрямик по сугробам, по тонкому насту. Бойцы кричали ему вслед, свистели, чтобы он

выкинул дурь из головы и вернулся, но ничто уже не могло остановить чудака.

Подошел командир группы, ему рассказали, он покачал головой и велел двум бойцам хоть из-под земли раздобыть лошадь и сани, чтобы спасать эту неистовую личность, этого героя, которому предстояло сделать босиком по снегу не меньше шести-восьми километров.

А он бежал. И это, пожалуй, было самым трудным делом в его жизни. Потому что не был он ни стайером, ни спринтером и никогда не тренировался в спортивных залах, на ровных дорожках стадиона, и бегать-то ему вообще приходилось чрезвычайно редко. Потому что был он рядовым колхозником и привык ходить спокойно и уверенно по своей земле.

И он смог.

Он пробежал эти километры, не чуя под собой ног. Потому что только вначале снег жег и резал и прохватывал до самого сердца, а затем холод отпустил его, пришло второе или уже неизвестно какое дыхание, и наступил тот период раскрепощения и свободы, когда он не смог бы удержать свое тело, даже если бы захотел. Он добежал и выскочил на дорогу как раз в том месте, где во весь опор на него неслась подвода с тремя фашистами. Неслась в облаке снежной пыли…

Руки у него тряслись, дыхание прерывалось, потому что это было его последнее дыхание, и очередь, выпущенная им из автомата, получилась неровной, пляшущей. Но все же он убил, или, как мы говорили тогда, уничтожил, трех врагов, которые могли бы привести за собой карателей.

Подъехавшие друзья-партизаны осмотрели место сражения, трупы врагов, подводу с продовольствием и сказали:

— Молодец!

А кто-то задумчиво добавил:

— Бегать ты, братец, здоров, а вот стреляешь не точно. Лошадь-то наповал убил…

И если кто-нибудь думает, что после такого кросса этот боец заболел, то он сильно заблуждается. У нашего Иванова даже насморка не было…

Вот что за люди были в нашем отряде!

* * *

Следствием яростных схваток наших бойцов с гитлеровцами было введение строгого режима в городе Жиздре, куда как будто бы собирались вызвать мощный отряд карателей. Мы проверили

эти слухи, и они оказались правильными.

В Жиздру прибыло более тысячи фашистов. Видно, противник всерьез был обеспокоен деятельностью партизан в этом районе. Каратели использовали детские приемы запугивания населения. Кроме черепов и костей, которые украшали их черные шинели и шлемы, они носили через плечо белую ленту с русским словом «смерть». Фашисты избегали непосредственного контакта с партизанами, но зато вовсю использовали провокаторов и предателей. Полицейские и старосты, их семьи, в том числе женщины, были обязаны ходить по лесам и докладывать гитлеровцам, где что они увидели, что узнали. Особенно ценной среди фашистов считалась информация от предателей-лесников. Но лесники, как правило, были связаны с нами. Они приходили в отряд и докладывали, что их обязали в служебном порядке сообщать немцам все, что им известно о партизанах. Под угрозой репрессий и смертной казни люди не изменили своему долгу перед Родиной. Но не все из них были патриотами.

Однажды наш пост задержал двух лесников. На допросе те сообщили, что были арестованы гестаповцами, доставлены в город Жиздру и там просидели несколько суток. На допросах гестаповцы их сильно избивали, пытали, требовали, чтобы лесники указали, где базируется отряд. Затем их отправили в Брянск, а по дороге они сбежали. Мы поверили лесникам и направили их в комендантский взвод. Но все же Дмитрий Николаевич велел не спускать с них глаз.

Тем временем мы проверяли то, что услышали от этих людей. Наши разведчики отправились по домам лесников. А утром нам сообщили, что ночью один из лесников удрал. Второй уйти не успел. На наше счастье, перед этим выпал снег, и мы ясно видели следы ушедшего предателя. Это было ЧП. Предатель побывал на базе и хорошо запомнил сюда дорогу. Тайна нашего местопребывания могла открыться буквально в несколько часов.

Была организована погоня. Послали две группы. Первая, в которую вошли Творогов, Починикин и Ерофеев, пошла на лыжах по следу. Вторая отправилась в ближайшую деревню, где, по слухам, жили родственники этого человека.

Первая группа долго плутала. Наконец под вечер следы привели их в небольшой хутор. Партизаны вошли в дом и сразу же спросили хозяйку:

— Кто сейчас к вам пришел?

Женщина растерянно моргала глазами и бормотала что-то невнятное. Творогов вывел ее в сени. Там она шепотом, нервно оглядываясь по сторонам, сообщила, что к ней прибежал запыхавшийся лесник и просил его спрятать. Сейчас он на печи,

спрятался в ворохе пакли. Женщина плакала и умоляла Творогова не выдавать ее, не показывать вида, что она рассказала им про лесника.

Творогов вернулся в избу, посидел, поговорил, осмотрел якобы все и громко сказал:

— Здесь никого нет, надо искать в другом месте.

Не посвященные в игру партизаны удивленно уставились на него. В это время Починикин, выглянув в окно, закричал:

— Смотрите, наши идут!

Действительно, к дому подходила вторая группа, посланная на розыски сбежавшего лесника.

— Как вы сюда попали? — удивились пришедшие, увидев Творогова с товарищами.

— Нас следы привели. А вы?

— Так здесь живут родственники лесника. Командир сказал, что его нужно тут искать!

Все складывалось удачно.

— Ну что ж, давайте искать его здесь! — громко сказал Творогов.

Когда, наконец, добрались до печи и стали ворошить паклю, он высунул голову и сказал:

— А вот и я.

И засмеялся, словно шла игра в прятки…

Доставленный в лагерь лесник сознался, что его завербовали гестаповцы, послали искать партизан, дав четыре дня сроку.

Была у нас такая полоса в жизни, когда одного за другим в отряд засылали провокаторов и шпионов. Видимо, гитлеровцы надеялись, что в конце концов кто-нибудь из агентов да останется в отряде, войдет в доверие к командованию и тогда с его помощью они легко покончат с нами. В этот трудный для нас период проявились вся мудрость, жизненный и чекистский опыт Дмитрия Николаевича. Он прекрасно распознавал людей, мог так умело допросить подозреваемого, что тот и не догадывался, что его допрашивают. Медведев задавал по-настоящему тонкие вопросы и плел из них такую умную словесную сеть, что в нее неминуемо попадался очередной провокатор.

Однажды к нам в отряд пришли два человека в рваной красноармейской форме. Они сказали, что бежали из лагеря и хотят кровью смыть позор плена. Медведев направил их в хозвзвод к Латушкину. Вскоре один из них стал настойчиво просить, чтобы мы с Медведевым приняли его наедине. Дмитрий Николаевич распорядился привести его в штабную землянку. Войдя, человек заявил, что был завербован гестаповцами и направлен в наш лагерь с задачей проникнуть в отряд, развалить

его изнутри и выдать его местоположение.

— Я понял, что, только согласившись на это, смогу вырваться из плена. Проверьте меня как хотите, пошлите меня на самое сложное и опасное задание, но прошу вас, верьте мне.

— А ваш товарищ тоже завербован гестапо? — спросил Медведев.

Пришедший замялся.

— Его тоже вызывали, я видел, как он ходил в комендатуру, но вербовали его немцы или нет, я не знаю, он очень скрытный и ничего мне не говорил, да и я, впрочем, не делился с ним тоже. Однако из лагеря мы бежали с ним вместе, когда нас водили на работу.

Затем он помолчал немного и сказал:

— И все же я думаю и даже уверен, что он завербован. Уж очень легко мы бежали… Видимо, и ему устроили немцы побег…

Медведев задал ему еще несколько вопросов и отпустил.

— Серьезный случай, — сказал Дмитрий Николаевич. — За ними обоими необходимо установить самое тщательное наблюдение. Со вторым я поговорю сам.

Прошло два дня.

Второй беглец из лагеря военнопленных долго отрицал факт его вербовки гестаповцами. Однако Дмитрий Николаевич в конце концов нашел путь к его сердцу, и он рассказал нам всю правду. Он был тоже завербован, причем, как оказалось, вербовали его по указанию и в присутствии первого. И тот, первый, сам его «обрабатывал».

Дальнейшее расследование показало, что первый получил задание завоевать наше доверие и для этой цели должен был выдать своего товарища, потом сам его расстрелять и уже затем принять участие в ряде партизанских операций.

Одним словом, он должен был начать подрывную работу внутри отряда, сколотить группу сообщников, поднять бунт, убить командира и комиссара отряда. За голову каждого из нас ему было обещано по 10 тысяч марок.

Наконец полоса диверсий, предательства и смуты миновала. Наш отряд окреп, и, хотя впереди нас ожидало еще множество всяких испытаний, мы знали, что в отряде надежное ядро, которое выдержит любую попытку врага взорвать его изнутри. Мы к этому времени пережили все трудности становления и стали настоящими мастерами партизанской войны. Трудовые партизанские будни продолжались…

Чтобы не подвергать опасности жителей близлежащих деревень, мы решили уйти глубже в леса и расположиться в треугольнике Жиздра — Дятьково — Людиново. Основав новую

базу, мы сразу же установили связь с Дятьковским, Жуковским, Людиновским, Бытошским и другими партизанскими отрядами.

К нам приезжали руководители отрядов, партизаны, просто патриоты, которые хотели бороться с ненавистными захватчиками. Мы инструктировали их, снабжали листовками, объясняли, что надо делать, сообщали последние новости.

Вместе с представителями отрядов мы разрабатывали планы боевых действий. В этих местах нами проводились довольно крупные операции. Иногда, в отдельных случаях, Медведев соединял по два-три отряда под одним командованием, ставил общие задачи, устанавливал единое время действий, и отряды действовали, причем действовали довольно удачно.

Надо сказать, что еще в первые дни войны в каждом районе закладывались базы будущих партизанских отрядов. Местные партийные организации, обкомы и райкомы партии еще до прихода гитлеровцев создали подпольные организации, партизанские отряды и базы. Были намечены люди на посты командиров и комиссаров. В каждом районе предполагались две-три партизанские группы.

Вот здесь, в густых Брянских лесах, и действовали народные мстители. Партизанский край раскинулся почти на триста километров в длину и на пятьдесят километров в ширину, вплотную подойдя к смоленским и великолукским лесам. Здесь, в этом древнем крае, земля буквально горела под ногами захватчиков. Воевали все — и старые и молодые. А если кто-нибудь не мог воевать сам, то помогал партизанам всем, чем мог, — отдавал последний кусок хлеба, лучшую одежду. Каждая деревня, каждый дом были родными для любого партизана и грозили смертью врагу.

Так продолжалось до сентября 1943 года, когда народные мстители соединились с частями Красной Армии.

…В тылу у фашистов были деревни и даже целые районы, где существовала Советская власть. Например, деревня Волынь Калужской области была своеобразным исключением из общего правила. Находясь в глубоком тылу противника, она сохранила наши порядки неизменными. Советская власть оставалась в этой деревне вплоть до 1942 года, когда фашисты, наконец, добрались до нее и сожгли все 11 дворов за связь с партизанами. Особенностью этой небольшой деревушки было ее удобное расположение: деревня находилась в такой глуши, что гитлеровские заготовители, опасаясь встречи с партизанами, в нее и носа не показывали.

Нас прекрасно встретили в деревне Волынь. Колхозники устроили гулянье под гармонь и гитару. Мы пели песни,

танцевали. Похоже было, будто мы возвратились домой. Да так и было, мы пришли в партизанский дом: крыша над головой, чистые постели, баня…

Многие колхозники и колхозницы этой деревни помогали партизанам, служили связными, разведчиками. И сейчас у Василисы Федоровны Юрковой можно прочесть памятную надпись, сделанную Медведевым на своей книге:

> «Замечательной патриотке Родины Василисе Федоровне Юрковой, радушно принимавшей у себя партизан, выхаживавшей больных и раненых товарищей, ходившей в разведку в стан врага, — на память от командира партизанского отряда, штаб которого первым нашел приют в ее домике на хуторе Волынь Людиновского района зимой 1941 года».

* * *

Наша дальнейшая задача состояла в том, чтобы пройти как можно глубже в леса, разыскать там отдельные, разрозненные партизанские группы и оживить, активизировать их работу. Кроме местных партизанских отрядов, мы встречали группы бойцов Красной Армии, попавших в окружение и объединившихся в партизанские отряды, чтобы и в тылу бить ненавистного врага.

Когда мы установили связь со всеми этими отрядами, Дмитрий Николаевич, посоветовавшись со мной и Сиповичем, распределил сектора деятельности каждого отряда. Мы хотели подготовить как можно большее число партизанских групп из местных жителей. Осложнения возникали из-за оружия. И хотя в нашем отряде имелся его небольшой «трофейный запас», оружия до обидного было мало. Желающих вступить в партизанские отряды было значительно больше…

Молва об отряде Медведева намного опережала нас. Стоило нашим разведчикам прибыть в тот или иной район, как они уже со всех сторон слышали о неуловимом Медведеве и его ребятах, причем часто наша слава была сильно преувеличена.

Очень помогала нам радиосвязь с Москвой. Мы передавали другим отрядам задания, которые поступали для них из Москвы, а в Москву сообщали данные, собранные этими отрядами.

* * *

Жиздринский район мы взяли себе потому, что он представлял для нас интерес в стратегическом плане; южнее он примыкал к железной дороге Брянск — Сухиничи. Мы наметили несколько населенных пунктов покрупнее, такие, как Улемль, Старь, Ивот, направили в них «маяки» — группы человек по двенадцать-пятнадцать, — перед которыми поставили задачу организовать небольшие партизанские отряды и группы самообороны из местных жителей. А через несколько дней мы уже получили первые сведения о формировании отрядов — от тридцати до пятидесяти человек каждый. Нашлось и вооружение.

Например, раньше мы сжигали добытые в боях обрезы, которыми были вооружены предатели и полицейские. Медведев вначале принципиально возражал, чтобы наши бойцы вооружались бандитским оружием. Мы вынимали только затворы, которые нужны были нам как запчасти. Теперь нам пришлось «поставить на вооружение» и обрезы, так как винтовок, не говоря уже об автоматах, у нас было недостаточно.

Люди, зачисленные в состав партизанских групп, занимались военным делом, обучались стрельбе, тактике боя под руководством наших опытных партизан, вели разведку. Таким образом, цепь наших партизанских отрядов протянулась далеко-далеко, за многие сотни километров от нас.

…Стоял декабрь. Наши войска, разгромив гитлеровцев под Москвой, перешли в наступление. Враг панически отступал, и мы получили задание перекрывать дороги и по возможности максимально затруднять отход противника.

Отступающие немецкие части распространяли слухи, будто большевики под Москвой сжигают целые фашистские дивизии, направляя на них какой-то огонь, расплавленную массу, от которой буквально нигде нет спасения. По другой версии, будто бы созданы магнитные поля, в которых плавится металл, сжигающий все на своем пути.

Лишь позднее, попав в район действия Красной Армии, мы поняли, что это начали работать наши знаменитые «катюши». У страха глаза велики, поэтому и рассказывали гитлеровцы о «катюшах» всякие небылицы…

Числа 21—22 декабря потрепанный батальон фашистов с танками и артиллерией отступал, пытаясь продвинуться на Брянск. Фашисты поехали было по одной дороге, но завалы заставили их вернуться назад. На другую сунулись — тоже вернулись. Выехали на третью дорогу — напоролись на засаду. Наша группа по пятам преследовала колонну. Догнав ее, мы дали бой, и фашисты, бросив танки, орудия, в панике побежали. Только немногим удалось укрыться за насыпью железной дороги

Брянск — Сухиничи, потом они пешком удрали по шпалам в Брянск.

Разведка донесла, что через станцию Зикеево со стороны Брянска вскоре пойдут новые части: гитлеровцы перебрасывали их на Восточный фронт. Интенсивное движение эшелонов было отмечено также через Киров и станцию Фаянсовую со стороны Смоленска. Медведев выделил специальную группу во главе с Петром Лопатиным, включил в нее несколько человек из Людиновского отряда и предупредил, чтобы они ни в коем случае не заходили в деревни, а только взорвали железнодорожный мост, желательно с эшелоном противника.

Прибыв на место, партизаны установили, что мост никем не охраняется, но время от времени вдоль полотна железной дороги проезжают десять всадников. Наши бойцы дождались того момента, когда конный патруль проехал, забрались под мост и начали выбирать место для мины. В это время патруль вернулся обратно, но партизан он не заметил. Не заметили их и с поездов, которые проходили над ними.

Наконец мина заложена. Лопатин хотел взорвать мост вместе с составом, но теперь, как назло, не было поезда. Партизаны ждали до утра. Начало светать, и мост решено было взорвать, когда по нему поедет патруль. Так и сделали. Со станции Зикеево — она была неподалеку — гитлеровцы открыли огонь, но наши благополучно вышли из-под обстрела и невредимыми вернулись на базу…

Так шли наши партизанские будни — в боях, стычках, под грохот взрывов и трескотню пулеметных очередей.

Глава седьмая

Труд. Тяжкий труд. Труд на грани возможного. Днем, ночью, в непогоду, в мороз, в метель. Это и есть партизанская война. Я отчетливо представлял, какой ужасной может быть эта война. Но все ж где-то в глубине души жила мечта о романтике партизанских будней. О героических вылазках. О подвигах. Об отважных схватках с врагом. И еще о многом таком, что является в снах только мальчишкам. Что ж, все мы, считающие себя взрослыми, всего лишь вчерашние мальчишки. А что можно сказать о моих бойцах, некоторые из которых только вчера окончили школу? Они мечтали о битвах на баррикадах, а им приходилось выполнять трудную работу, бесконечно трудную работу партизана.

Как мы уставали! Мы уставали до глухоты, до слепоты, до отупения. Мы падали возле костров, и наши шинели тлели с одной стороны и покрывались ледяной коркой с другой. И все же через несколько часов черного, как смерть, сна мы вставали и шли. Шли бить врага, уничтожать предателей, нести людям правду о победах нашей армии.

Как поначалу мало мы умели! Порой казалось, что не было многолетних спортивных тренировок, не было специальной подготовки на стрельбище «Динамо». Жизнь предъявляла сложные комплексные требования — партизан одновременно испытывался на морозоустойчивость, смекалку и мужество. Проверялось его умение обращаться с трофейным оружием и способность ориентироваться по звездам. И все это происходило сразу, в течение часов, порой минут.

И мы учились. Мы приобретали невиданную для мирных людей выносливость. Мы вели себя хитро и находчиво. «Осторожность не трусость», — любил говорить командир. И мы учились быть храбрыми и осторожными. Мы учились уничтожать врага, неся минимальные потери. В отряде было всего лишь несколько убитых и раненых, хотя наш актив насчитывал уже несколько десятков удачно проведенных операций.

Время шло. Оно вплотную подвинуло нас к той операции, о которой мы и сейчас вспоминаем с гордостью и удовлетворением. Мы назвали ее «Ночь под рождество». Название пришло потом, а вначале было предчувствие большого боя, решительной серьезной схватки с врагом, проверки наших сил. Люди рвались в бой, они верили в свои силы, они уже умели воевать так, как того требовала эта жестокая беспощадная война.

И было еще одно. Важное, может быть, решающее известие.

Мы узнали, что во второй половине декабря этого года гитлеровцы усиленно подвозят по железным дорогам Рославль — Киров, и Брянск — Сухиничи свежие дивизии и большое количество танков, артиллерии и другой техники. Этим они пытались задержать контрнаступление Красной Армии и стабилизировать положение на фронте.

И действительно, наша разведка подтвердила это сообщение. Наблюдавшие за железной дорогой партизаны сообщали, что эшелоны противника следуют через каждые 15—20 минут. Поток живой силы, техники, боеприпасов несся по направлению к Москве. Мы должны были прервать этот поток. Остановить. Задержать. Хотя бы на несколько дней. Хотя бы на несколько часов. Время победы и поражения порой исчисляется минутами!

Но мы не могли действовать в одиночку. Необходим был контакт с Москвой. Мы надеялись на поддержку нашей авиации. Диверсии и бомбардировки должны шагать нога в ногу. Тогда сила удара умножается в несколько раз…

Мы решили взорвать на железной дороге Рославль — Киров один из воинских эшелонов противника. По нашему замыслу этот взрыв, произведенный в глубокой земляной выемке, должен был надолго приостановить движение поездов. Для этой диверсии было выделено четыре мощные мины.

Одновременно должен был взлететь на воздух железнодорожный мост западнее станции Зикеево…

Намеченный план был радирован в Москву, и мы стали готовиться к рождеству.

— Я хорошо помню, что во время первой мировой войны в рождественские дни объявлялось перемирие, — говорил Медведев. — У нас перемирия не будет, но мы должны устроить гитлеровцам праздничный фейерверк!

На совещании в поселке Волынь командиры и комиссары всех партизанских отрядов получили задания и районы, где им предстояло действовать. Наша операция разворачивалась одновременно в нескольких направлениях. Дмитрий Николаевич предложил следующий план, который предполагал удар по Людинову, Жиздре станции Судимир, по железной дороге Рославль — Киров.

В эту же «ночь» Дмитрий Николаевич с нашим и Людиновским отрядами наметил совершить налет на город Людиново. Отряды готовились к операции. 24 числа утром из деревни, расположенной километрах в восемнадцати от лагеря, вернулась диверсионная группа и доложила, что в селении они потеряли одного из партизан.

— Как вы могли уйти, не зная о судьбе своего товарища? —

возмущался Медведев. — Возвращайтесь немедленно назад и найдите его живым или мертвым. Если мертвым, то отыщите виновника смерти и накажите.

Десять человек снова отправились в деревню.

Прошло некоторое время, отряды были готовы к выступлению, как неожиданно появилась та самая десятка. Партизаны принесли много денег, продуктов, привели несколько пленных полицейских. Командир группы — у него было странное имя: Наполеон Саркисян — доложил, что приказ выполнен.

— Какой приказ? — удивился Медведев.

— Вы приказали найти бойца и, если мы найдем его мертвым, наказать виновника смерти. Мы узнали, что его зарубили топорами полицейские, а сами ушли к Жуковке. Мы погнались за ними. В километре от Жуковки нам встретились двое полицейских, мы их убили и с ходу ворвались в караульное помещение. Забросали гранатами караулку. Влетели в гитлеровскую комендатуру, захватили денежный ящик, документы, несколько пленных, двух фашистов, четырех полицейских и форсированным маршем возвратились в отряд. Один из полицейских оказался тем, кто убил нашего бойца. Таким образом, ваше задание выполнено!

— Победителей не судят, — сказал Медведев. — За то, что выполнили мой приказ и решительными действиями разгромили противника, благодарю. Но вы сорвали нам операцию. У меня в ночь под 25 декабря был план совершить налет на Людиново. Теперь, после вашей операции, идти в Людиново бесполезно. За это я вынужден наложить на вас взыскание.

Наша группа, во главе которой был я и Михаил Иванович Сипович, вышла из лагеря 22 декабря, в течение двух суток находилась в пути, и я ничего не знал о том, как шли дела у других товарищей. Позднее мне стало известно о налетах на Жиздру, Судимир, о подрыве моста возле станции Зикеево.

…Жиздра — городок маленький. Домишки прижаты к земле, засыпаны снегом, безмолвствуют, спят, только на станции перекликаются паровозные гудки, стучат на стыках вагоны, повизгивает маневровый. В этот налет у наших партизан было особое задание: разгромить административный центр.

Около восьми часов вечера, метрах в двухстах от моста, ведущего к Жиздре, остановилось трое саней с партизанами. Починикин, командовавший этой группой, первым выпрыгнул в глубокий снег обочины, за ним хорошо знавший Жиздру, уроженец Улемля, Иван Семенович Егорычев. Основное условие любого налета — внезапность зависит прежде всего от того, насколько умело удастся убрать часовых. Лучше десяток взрывов

в конце операции, чем один выстрел вначале. Таковы логика и тактика партизанского боя.

Снять часовых в караулке было поручено двум партизанам. Однако сани слишком заметны, их использовать нельзя. Как часто бывает, помог случай. Мимо проезжал крестьянин. С молчаливого согласия возницы партизаны взбираются на мешки с картошкой, заботливо укутанные соломой. Свист кнута, лошади прибавляют шагу. И вот уже мост.

Часовые.

Первые выстрелы.

С противоположного конца моста бегут фашисты. Еще двое из них выскакивают из ближайшего караульного помещения. Рывок вперед. Несколько очередей.

Мост наш! Партизаны врываются в караульное помещение. Шинели, валенки, винтовки. Алюминиевый котелок с горячей, еще дымящейся кашей. Кисет с табаком, немецкая зажигалка. Спугнули фрицев. Не ждали. Что ж, партизан таким и должен быть для врага. Нежданным и незваным.

Ну, а теперь дальше. Там ждут городская управа и лесопильный завод. Из полицейского управления, откуда разбежались босиком, раздетые, побросав одежду и оружие, полицейские, Починикин позвонил на станцию Зикеево. Он хотел проверить, успел ли бургомистр, который должен был слышать выстрелы на мосту, вызвать подкрепление.

— Алло, говорит полицейское управление города Жиздры! — вид у Починикина веселый и довольный.

— Да, Зикеево слушает.

— Скажите, вы просьбу бургомистра Матазова выполнили?

— Какую?

— А разве он вам не звонил?

— Нет, а в чем, собственно, просьба?

— Ну, тогда он сам вам позвонит. Как у вас дела?

— Все в порядке. А у вас?

— Ну и у нас все в порядке, — сказал Починикин и оборвал телефон.

К управлению подлетели легкие сани. В них восседали начальственного вида господин и двое полицейских. Раздался окрик: «Что за беспорядок?» Партизаны охотно разъяснили ему, что это не беспорядок, а наведение порядка, настоящего порядка. Господин этот оказался начальником полиции города Жиздры и был расстрелян на месте.

В управлении Починикин обнаружил сейф. Попытки открыть его на месте ни к чему не привели. Тогда сейф вытащили из помещения, взвалили на сани и привезли в отряд.

В отряде немало повозились, пока сейф был взломан. В нем оказалось около миллиона советских рублей, несколько десятков тысяч немецких марок и масса документов: заявлений, просьб, доносов, жалоб. Среди документов был один, который сразу же приковал внимание Медведева.

Это было заявление, написанное четким и уверенным почерком, адресованное коменданту города Жиздры. Начиналось оно так:

«Прошение

Я представляю вам при этом прошении свою автобиографию и прошу разрешить мне до конца войны жить и работать в г. Жиздре при местной городской управе.

Я думаю, что репутация моей семьи и моя прошлая деятельность позволят вам удовлетворить мою просьбу. Однако если германское командование либо гражданские власти моей освобожденной от большевистского ига родины будут считать, что я должен работать в ином месте или на иной работе, я сочту за счастье выполнять любую работу по установлению нового порядка в России. Я думаю, что оправдаю доверие моего народа, работая в духе понимания великой исторической миссии германского народа, предначертанной ему Провидением.

Львов».

К этому документу прилагалась обстоятельная автобиография, где Львов рассказывал о своей контрреволюционной деятельности и где всячески подчеркивал свое «благородное аристократическое происхождение» и расписывал достоинства своей семьи. В частности, Львов с гордостью заявлял, что его отец весьма известный в свое время обер-прокурор святейшего синода — Владимир Львов.

Из других документов было ясно, что Львов, идя по следам нашего отряда, дошел до Жиздры, где остался в качестве следователя. Но, несмотря на такое начало своей блистательной карьеры, господин Львов, видимо, в глубине души не очень-то верил в непобедимость доблестной гитлеровской армии. Он подготовил себе на всякий случай надежное прикрытие: в госпитале, где разместили советских военнопленных, в любой

момент мог появиться незаметный санитар Николай Корзухин, высокий, худой человек с красным крестом на рукаве.

— Ты помнишь, Коля, ветврача Сучкова? — обратился Медведев к Королеву. — Он тогда рассказывал о «главном» с «красным крестом на рукаве». Не Львов ли это?

Николай сразу вспомнил наглые серые глаза липового ветврача и то, как он просил оставить его в отряде, «чтобы заслужить прощение».

По-видимому, командир был прав: вербовал предателей этот Львов. Значит, поверили ему гестаповцы и дали «почетное» задание искать продажные души и готовить из них кадры предателей.

Ну что же, теперь мы знали, с кем имеем дело. Постараемся поближе познакомиться с вами, господин Львов!..

— Боюсь, не спугнули ли мы птичку, — продолжал Дмитрий Николаевич. — Много шума наши ребята наделали. А упускать его нельзя. Надо добыть живым или мертвым.

А шум действительно был большой!

Партизаны уничтожили все гитлеровские объекты, поставлявшие материалы для фортификационных укреплений.

…Такие налеты продолжаются часами, иногда сутками, но времени совсем не замечаешь, картины мелькают, как кадры ускоренной съемки. Действуешь по программе, которая была задумана заранее, но прочувствовать, осмыслить то, что делаешь, не успеваешь. Все это происходит потом, по возвращении в лагерь. Тогда начинаешь переживать досаду за упущенное либо гордость за сделанное…

Пока наши наводили порядок в Жиздре, мы, наконец, добрались до того участка дороги Рославль — Киров, который предстояло нам ликвидировать.

Это был тяжелый переход. Около города Людиново, когда мы перебирались по льду озера, нас обстреляли каратели и полицейские. Их было около 150 человек, хорошо вооруженных, с пулеметами. Однако выйти из своих укрытий они так и не рискнули. Рукопашная схватка с партизанами их явно не устраивала.

Впрочем, нас тоже. Мы торопились. Мы удачно выбрались из-под обстрела, не понеся никаких потерь. Мы шли по колено, а иногда и по пояс в снегу. Там, где кончался лес, мы увидели ровное снежное поле, избы деревень и черные, слившиеся в плотную массу деревья. Очевидно, все это было очень красиво. Ослепительно белый снег на крышах изб, серая лента дороги, ведущая к длинным низким коровникам, иссиня-черная гряда сосен и елей за ними, низкое зимнее небо и где-то далекое

туманное солнце.

Сейчас нам было не до красот зимнего леса. Мы должны были выиграть. Мы должны были выиграть, имея неравные шансы с хорошо вооруженным сытым противником. Наш главный козырь — внезапность.

Редкий небольшой лесок в шести километрах от станции Киров. Говорят, там располагается гитлеровский гарнизон. Наши во главе с Кулумбековым отправились за сеном, хлебом и картофелем в ближайшую деревню.

Проходит час, второй, третий…

Вдруг почти рядом выстрелы. Пулемет. Винтовки.

Ясно. Напоролись на фашистов.

Приводим отряд в боевую готовность, ждем.

Наконец, один из бойцов говорит: «Товарищ комиссар, один идет!»

Как один?.. Неужели остальные погибли? Напряженно всматриваюсь в горизонт, туда, где на сером снегу появилась черная точка. Точка увеличивается, растет, и мы видим Кулумбекова с забинтованной шеей. Ранен? «А где же остальные?» — «Остальные идут с обозом», — докладывает Кулумбеков.

Затем все проясняется. Действительно, перестрелка была между нашей разведкой и фашистской группой. Разведчики отогнали гитлеровцев, сумели отойти и вывести из-под обстрела лошадь с продуктами. Молодцы ребята!

А забинтованная шея? Оказалось, что на ней вместо шарфа полотенце. Как-никак мороз 30 градусов!

25 декабря мы вышли к железнодорожному полотну и весь день потратили на разведку. В 19 часов услышали первый паровозный гудок, шум проходящего поезда. Значит, движение не прервано, поезда ходят! Смешная логика. Ведь если бы они не ходили, значит, кто-то из партизан уже поработал здесь. А получается совсем наоборот: мы радуемся, что нас ждет «работа». Завтра же, после нас, самолеты будут бомбить пробку, которая возникнет на станциях Рославль и Фаянсовая.

…К восьми часам вечера восходит луна. Неясная, слабенькая, едва освещает железнодорожную насыпь. Мы с Михаилом Ивановичем отправляем группы. Первым уходит Кулумбеков. Он должен прикрывать отряд справа. Слева отряд прикрывает Белов.

Я вижу, как на насыпи появляются минеры. Это Кащеев, Рытников, Кононов и Симончик. В бледном рассеянном свете луны они похожи на призраков.

Торопливо стучат кирки: закладка мин началась. Откуда-то справа доносится шум, характерный гул мотодрезины. Мы

прыгаем в стороны, зарываемся в снег. Яркий свет фар, и мотодрезина с вагончиком, наполненным фашистами, проносится мимо.

Мы переводим дыхание.

Это контроль пути.

Нас не заметили.

Я взбираюсь на насыпь, чтобы проверить мины. Первым со своим заданием справился Кащеев. За ним Кононов. Что-то не ладится у Рытникова. Каждая секунда дорога! Мы нервничаем: чтобы взрыв произошел наверняка, к нам от чеки взрывателя протянута проволока длиной 60—80 метров. Четыре мины заложены с таким расчетом, чтобы поднять на воздух весь состав. Одна должна взорваться перед паровозом, вторая и третья в середине и последняя в хвосте эшелона.

Располагаемся между пней и деревьев прямо у полотна. Проволока, идущая к минам, тонет в снегу, совсем пропадает из виду. Все же это мало, 60—80 метров. Мало. Очень мало. Хорошо еще, если это будет эшелон с людьми и техникой. Тогда мы находимся на сравнительно безопасном расстоянии. А если это состав с боеприпасами? Скорей бы появлялся этот проклятый эшелон…

Вот и он!

Тяжело пыхтя, показался состав, он идет к фронту. То, что нам надо. Сейчас…

Как только черный немецкий паровоз, похожий на тяжелый, раскаленный углями утюг, поравнялся с головной миной, Кащеев дернул свою проволоку.

Взрыв, взрыв! Пламя и удар. Снова удар, огонь, грохот, уже неразличимый, великолепный, сокрушительный грохот разваливающегося на отдельные части состава.

Над головой Михаила Сиповича проносится кусок рельса. Вагоны лезут друг на друга, разбиваются в щепы. Паровоз заваливается поперек пути. Он похож на усталого огромного умирающего динозавра.

Слышим крики и стоны. Даем несколько очередей по гитлеровским солдатам. Отходим в лес. Группы Кулумбекова и Белова заложили еще несколько мин по обе стороны от места крушения. Авось нарвутся какие-нибудь вспомогательные составы…

И действительно, примерно через час мы слышим взрыв. Небо в том месте, где был подорван эшелон, освещается заревом. Это взорвалась на нашей мине фашистская дрезина…

Позднее мы узнали, что подорванный нами эшелон вез гитлеровских солдат из Франции на Восточный фронт. При

взрыве погибло несколько сотен фашистов.

В лагере командир поздравил и поблагодарил всех участников операции. Мы услышали ряд новостей.

Оказывается, в тот же день, 25 декабря, на станцию Судимир был совершен налет групп Смертина, Пуклина и Бернта. На станции образовалась «пробка», в нее попали эшелоны с войсками противника; которые не успели проскочить станцию до взрыва железнодорожного моста.

Вся операция сопровождалась ужасным шумом и треском. Создавалось впечатление о наступлении крупного воинского соединения. Ураганный ружейный и пулеметный огонь, треск автоматов, разрывы гранат вызвали дикую панику среди гитлеровцев. Фашисты повыскакивали из вагонов и заняли круговую оборону. Когда наши отошли от Судимира, на станции все еще продолжалась пальба.

Да, «Ночь под рождество» удалась на славу!

Предупрежденные нами советские авиачасти начиная с 27 декабря в течение нескольких дней вели интенсивную бомбардировку «пробок» на станциях Рославль, Фаянсовая, Брянск, Зикеево и других. В результате десятки эшелонов противника, станционные постройки, оборудование, железнодорожная арматура превратились в груды лома. Работа этих двух важных железнодорожных магистралей была приостановлена на длительный срок.

* * *

…Нам надо было во что бы то ни стало найти предателя Львова и доставить его в лагерь. Небольшая группа партизан во главе с Цароевым и Исаевым вторично захватила Жиздру и направилась прямо в госпиталь, где находились наши военнопленные. Госпиталь разместился в двухэтажном здании бывшей школы. Почему эта душегубка называлась госпиталем, никому не известно: на полу вповалку лежали люди, среди них было много тяжелораненых, с оторванными конечностями. Нечего и говорить о каком-либо даже самом примитивном лечении и уходе. Какой может быть уход, когда наглухо забиты все окна и двери, всюду ужасная грязь, воздух такой, что дышать невозможно. Раненые голодали — изредка им давали какое-то подобие пищи. Более или менее жилой вид имела маленькая комнатенка, где жил медперсонал — санитары. Работников более высокой медицинской квалификации в госпитале не было вообще. Партизаны вошли в комнату. На голой железной кровати на

каком-то тряпье, накрывшись с головой шинелью, лежал человек. Он, по-видимому, спал либо притворялся, что спит: из-под шинели доносился храп. Цароев подошел к спящему и взял его за плечо.

— А ну-ка, друг, вставай! Покажи документы! — потребовал он.

Человек продолжал спать.

— Обыскать! — скомандовал Цароев и, достав «вальтер», встал около кровати. Из карманов висящей гимнастерки вынули военный билет на имя Корзухина Николая Владимировича и старую фотографию, на которой были изображены какие-то люди в сюртуках.

— Где-то я это лицо видел, — сказал Исаев, показывая на стриженного под бобрик мужчину в центре карточки.

— Не твой ли это отец будет? — повернулся он к настороженно озиравшемуся человеку.

— Нет, это Керенский, а рядом мой отец Львов, — быстро ответил тот.

Все ясно: Львов, он же Николай Владимирович Корзухин, был одним и тем же лицом. Теперь он в наших руках. Партизаны не сразу ушли из госпиталя. Исаев долго разговаривал с бойцами, рассказал им о разгроме фашистов под Москвой, всячески подбадривал их и обещал, что теперь о раненых будут заботиться.

Он сдержал слово. Тут же были собраны местные жители, в большинстве те, кто жил недалеко от госпиталя. Исаев рассказал им о тяжелом положении раненых и обязал в дальнейшем оказывать больным всяческую помощь: кормить, убирать в помещении и т. д.

…В лагере их ждали с нетерпением. Львова мы одели потеплее и поместили в отдельную землянку.

От Львова Дмитрий Николаевич узнал одну любопытную деталь. Предатель рассказал, что в одном из ближайших городов начальником полиции работает человек, чья фамилия показалась Медведеву знакомой. После Дмитрий Николаевич убедился, что этот начальник когда-то был его соучеником по гимназии. Вел себя этот тип вызывающе по отношению к местному населению и партизанам. Репрессии, пытки, расстрелы мирных жителей создали ему славу палача и убийцы.

Начальник нашей разведки Саша Творогов, находясь в деревне Ивоте, намекнул кому следовало, что командир партизанского отряда Медведев не прочь встретиться и побеседовать с начальником полиции этого города. Он, дескать, помнит того еще с гимназических времен.

Некоторое время не поступало никаких известий, и мы уже

начали обдумывать другие варианты и способы, которые откроют доступ к предателю, как вдруг пришла весть, что этот начальник полиции предлагает Медведеву явиться добровольно в Брянск, сдать оружие и отряд. За это Медведеву были обещаны все блага вплоть до птичьего молока.

Клюнуло!

Дальше события развивались по традиционной, описанной во многих детективных романах схеме. Медведев начал торговаться…

Он выражал свое согласие сдать отряд, но оговаривал некоторые льготные условия. Мотивировал он свою нерешительность якобы боязнью расстрела. Одним словом, переговоры логически приводили к предварительному свиданию, на котором были бы рассмотрены наиболее безопасные условия сдачи отряда. Медведев настаивал на встрече, и этот бывший гимназист пошел на уловку нашего командира.

…Они ехали на трех подводах, двенадцать вооруженных до зубов бандитов. Среди их планов была идея расстрелять Медведева и его окружение в случае неудачных переговоров. Об этом мы узнали гораздо позже, со слов тех, кто не участвовал в этой операции и, естественно, остался в живых.

Наши партизаны во главе с батальонным комиссаром Тяпкиным встретили полицейских в трех километрах от назначенного места. Ни один гад, предавший Родину, не ушел живым. Тяпкин собственноручно расстрелял начальника полиции, провокатора, насильника и убийцу…

…Кроме этого, Львов сообщил нам еще много интересных фактов. Вначале он всячески подчеркивал, что он дворянин, и все удивлялся, как это я, «интеллигентный человек», могу быть комиссаром в партизанском отряде и вообще нахожусь на стороне «мужиков». Но постепенно Львов стал снижать тон. Все реже и реже он упоминал о своем аристократическом происхождении и принимался философствовать на отвлеченные темы. Он, например, утверждал, что в основном согласен с Советской властью, но не разделяет ее политику в отношении религии.

Подобные разговоры он предпочитал вести со мной. Дмитрию Николаевичу он подробно рассказывал о том, как его завербовали. Правда, картина выглядела несколько иначе, чем она была на самом деле.

Со слов Львова получалось, что гестаповцы долго уговаривали его сотрудничать с ними, но он всячески от этого уклонялся.

— Поймите, только чрезвычайные обстоятельства вынудили меня согласиться! — проникновенно говорил он.

Пришлось показать Львову его «Прошение», адресованное господину коменданту города Жиздры. Тут, как говорится, крыть нечем.

Теперь Львов не скупился на подробности, старался, как он говорил, «быть предельно честным». Мы оказались правы: и ветврач Сучков, и старик с коровой, да и еще кое-кто из предателей — все это были его посланцы. Наш отряд «опекал» именно Львов-Корзухин, это было поручено ему, и на него гитлеровцы возлагали большие надежды…

И вот сидит передо мной высокий худой человек с уверенными манерами и какими-то пустыми глазами и, все еще рисуясь, излагает, именно излагает наиболее яркие эпизоды из своей биографии. Слушаю, а на душе становится мерзко…

Москва сообщила, что за Львовым будет прислан специальный самолет.

В городе Жиздре в результате наших налетов — безвластие. Начальство перебито, оставшиеся в живых полицаи и гитлеровцы разбежались. Так и жили несколько суток партизанской республикой. В районе действия наших отрядов это был не первый случай.

Так в городе Дятьково партизаны выгнали всех полицейских, вывесили красные флаги и установили партизанскую власть. Дятьковские партизаны проводили в селах митинги, собрания. На одно из таких собраний наскочили гитлеровцы.

Партизан-докладчик не растерялся и продолжал говорить. «Что за сборище?!» — заорал офицер. «Я рассказываю о победах гитлеровской армии», — последовал ответ. «А, гут, гут», — закивал офицер и уехал.

Поднималась волна священного народного гнева, неуютно становилось фашистам на русской земле, тяжело и опасно было двигаться по заснеженным просторам, где каждое дерево, каждый куст могли выстрелить…

Глава восьмая

«Вечером 4 января.

Я вел беседу с ребятами из второй группы и вдруг услышал шум мотора. Шум этот был особенный, и я и мои слушатели поняли, что самолет, который обещала послать Москва, идет на посадку. Мы быстро запрягли лошадей и помчались к посадочной площадке».

На нашем импровизированном аэродроме уже стоял военно-транспортный Р-5.

Ребята из отряда набросились на летчиков, их радости, казалось, не будет конца. Ребят легко понять, они столько времени не видели своих оттуда, из-за линии фронта, что смотрели на летчиков с детским обожанием. Вначале летчики немного нервничали, так как при посадке самолет зацепился за дерево, но, осмотрев машину, они успокоились и стали рассказывать о Москве, о колоссальном патриотическом подъеме, о делах на фронте. Нам они привезли медикаменты, газеты, батареи для рации.

Время пролетело мгновенно, и вот уже пора улетать. Майор Зонов забирает наши письма, мою статью в «Правду», а партизаны загружают связанного по рукам и ногам Львова. Прощальные слова, приветствия, пожелания. Летчики занимают место в кабине, а мы все наваливаемся на самолет, помогая ему сдвинуться с места. Р-5 выруливает па площадку, разгоняется, бежит, подпрыгивая…

Есть! Взлетел!

Домой мы возвратились радостные, возбужденные и сразу же набросились на газеты. Читали их часов до двух ночи. Это для нас как освежающий душ. Сколько бодрости и уверенности в нашей силе и в нашей победе!

Слух о том, что к нам прилетал из Москвы самолет, быстро распространился среди местных партизан. Наши бойцы долго обсуждали свежие газетные новости. А мы продолжали надеяться на следующий визит самолета, который должен был доставить нам взрывчатку.

«5 января. Понедельник.

Дятьковские партизаны устроили засаду у деревни Старь, куда на пяти машинах приехали 36 гитлеровцев. Фашисты в Стари пьянствовали, издевались над мирными жителями, кричали: «Где же ваши партизаны, сколько

воюем, не видели до сих пор ни одного из них!» Молодые, видно, фрицы были, необстрелянные…

Нашим ребятам недолго пришлось сидеть в засаде — вскоре на дороге появились машины с фашистами. Гитлеровский офицер из автомата убил нашего пулеметчика и ранил еще одного партизана, но тут же был сражен меткой пулей. Неожиданность, быстрота, решительность партизан определили исход боя: тридцать фашистов были убиты. Шесть человек укрылись в доме и стали отстреливаться. Пришлось бросить в окно гранату…

Одеты гитлеровцы плохо. На ногах поверх сапог у некоторых — «эрзац-валенки» на толстой деревянной подошве, непомерно большие и тяжелые, по-видимому, чтобы немецкие солдаты не могли так быстро удирать от Красной Армии!»

Эти записи относятся к началу января, когда волна партизанских выступлений, начатая операцией «Ночь под рождество», продолжала распространяться во все стороны от треугольника Жиздра — Людиново — Дятьково, поднимая на борьбу с фашистами все новые и новые отряды народных мстителей.

Особенно хорошо «обслуживали» гитлеровцев дятьковские партизаны. На их боевом счету десятки отлично проведенных операций. Совсем недавно они перехватили в дороге легковую машину с командным составом. Были убиты три гитлеровских офицера, среди них офицер-гестаповец. Мосты на дорогах в своем районе они уничтожили, на большаках сделали завалы. Фашистские танки и бронетранспортеры тычутся, как слепые котята, пытаются выбраться на дорогу. А там засады.

В эти дни на деятельности нашего отряда отразилось затянувшееся ожидание самолета из Москвы. Существовала договоренность, что самолет прилетит еще раз, однако плохая погода и приближающийся фронт усложняли эту задачу.

Во второй половине декабря 1941 года нами был получен запрос командования, не сможем ли мы из числа бойцов и командиров нашего отряда выделить группу человек в двадцать пять, знающих район Минска, для того чтобы направить их для выполнения специальных заданий.

Желающих оказалось чуть ли не весь отряд. Одни просились в группу потому, что хорошо знали Белоруссию, другие хотели воевать там, третьи, особенно разведчики, просто рвались туда, предвкушая настоящую «работу».

Группа была отобрана, и встал вопрос, кто же пойдет главным. Мне самому хотелось пойти во главе этой группы, аналогичное желание выразил и командир. Я доказывал Медведеву, что такой большой переход будет для него слишком тяжел, так как он не очень молод и достаточно устал, командуя нашим отрядом. У нас с ним на этой почве произошел даже спор, правда, в полушутливой форме.

Подготовка группы, намеченной для посылки в Белоруссию, была начата немедленно, хотя никто из нас толком не знал, какие задачи будут стоять перед ней.

Мы с Медведевым осмотрели бойцов и предложили передать лучшее обмундирование и обувь товарищам, которые уходили в Белоруссию. Затем уже по собственной инициативе бойцы и командиры нашего отряда предлагали тем, кто уходит, все, что было получше, попрочней, из своего небогатого гардероба. В скором времени тех, кто покидал нас, нельзя было узнать. Они были хорошо одеты, вооружены и имели достаточное количество боеприпасов.

На наше сообщение, что группа готова выполнять задание, Москва ответила: ни Медведев, ни я не будем командовать группой, нужен новый командир. Мы назначили командиром группы Петра Лопатина.

В конце марта 1942 года новый отряд благополучно добрался до районов города Борисова и начал там партизанскую войну, превратившись в полуторатысячную армию народных мстителей. Многие из этого отряда получили высокие правительственные награды, а Петру Лопатину было присвоено звание Героя Советского Союза…

10 января над нашим лагерем начались первые воздушные бои. Неожиданно прилетел наш истребитель, за ним три «мессершмитта». До этого в небе мы не видели наших самолетов, еще бы — это был глубокий тыл. Мы очень обрадовались, начали бросать вверх шапки и кричать. А когда появились три фашистских самолета, весь лагерь открыл по ним стрельбу. Не знаю, чем кончился этот бой — в лесу не видно, — но дух у всех был приподнят: наконец-то мы увидели наших «ястребков». Фронт приближался…

> *«11 января. Воскресенье.*
>
> *…Всю ночь дежурили на площадке. Сильно перемерзли. Самолет из Москвы так и не прибыл. Оно и понятно, погода совсем нелетная. Метель, низкая облачность…*
>
> *Вернулись в лагерь.*

В 8 час. 30 мин. утра пришли двое. Начальник штаба Людиновского отряда Алексеев и с ним еще один товарищ. Они сообщили, что 11 января части Красной Армии заняли Людиново. Для нас это большая неожиданность, хотя мы знаем, что фронт приближается. Даже грустно стало — мы окружены Красной Армией!

Выйти по такому снегу в тыл противника мы не успеем, так как можем двигаться только по дорогам, а за Красной Армией нам не угнаться…

Не хочется расставаться с партизанской жизнью!

Полковник Сиденко закончил строить землянки для своей группы. У него всегда так — заканчивает строительство, а мы уходим из лагеря…

…Вчера вечером вернулся Творогов, ездивший на связь. Возле Касичено, где людиновцы устроили завалы, гитлеровцы оставили много орудий, автомашин и другой техники. Подбитый нами, приземлился фашистский самолет, летчики пошли через Дятьково на Брянск. Дятьковские партизаны сожгли самолет, сняли пулеметы и организовали погоню за летчиками».

Наша разведка приносила все новые и новые данные об отступлении противника. Дороги и обочины завалены трупами гитлеровских солдат, разбитыми автомашинами, брошенным оружием. Создавалось впечатление, что фашисты окружены и мечутся взад-вперед, не зная, куда податься. Достоверные сведения, противоречивые слухи и совсем уже сказочные истории буквально одолевали нас со всех сторон. Порой не знали, чему верить. Одно было ясно: Красная Армия наступает, фашисты панически бегут.

Гитлеровцы бегут! Народ ликует, вывешивает флаги, портреты вождей, готовится к торжественной встрече советских войск.

Из Людинова приехал Саша Творогов. Побывал он в штабе нашей дивизии. Встретили его там хорошо. Красноармейцы жаловались, разумеется, в шутку, что очень уж быстро бегут фашисты, наступающие давно не видят врага. Командир и комиссар дивизии предложили перевезти наших раненых в их медсанбат. Но когда товарищам сообщили об этом, они уперлись и ни в какую не захотели уходить из своего отряда.

Дух наш на самом высоком подъеме. А здоровье у многих действительно сильно пошатнулось. Сказываются голодные дни и недели, сон на снегу под открытым небом, долгие и трудные переходы. Ничто не прошло бесследно. Но, несмотря на недуги,

мы готовы начать все сначала!..

Из дивизии с Сашей Твороговым нам прислали кучу разных подарков: махорку, папиросы, спирт, шоколад, чай…

По самым последним сведениям, противника в нашем районе уже нет. Остались только маленькие разрозненные группки, растерянные, ищущие выхода из кольца советских войск. Попадая под огонь партизанских отрядов, они гибнут одна за другой. Нам сообщили, например, что, убегая из Дятькова, фашисты грабили все, что могли, но километрах в десяти от деревни на них напали партизаны, и пришлось фрицам бежать, побросав раненых и убитых, лошадей, повозки, продовольствие, снаряжение и все награбленное.

Медведев дал в Москву радиограмму:

> «Оказались в окружении частей Красной Армии, пытаемся прорваться на Запад».

И тут же получил ответ:

> «Отставить. Прибыть в Москву с основным отрядом для перевооружения и доклада».

Последнюю радиограмму мы получили рано утром 13 января 1942 года. Собрали митинг. «Ура!» — разносилось по лесу. После митинга двинулись в Людиново, занятое нашими войсками.

В дивизии нас приняли как героев. Тут же связались с Москвой и сообщили, что навстречу выслали машины, на которых в замену нам следует отряд под командованием капитана Васина и другие отряды, направляющиеся на выполнение специальных заданий в тыл врага, в частности, отряд под командованием старшего лейтенанта Лазнюка.

Мы встретили отряд Лазнюка уже в пешем строю, в деревне Красное под Сухиничами, передали им наши связи, маршруты. Они пошли к линии фронта, а мы в тыл. Распределили по машинам весь отряд и поехали по маршруту: от деревни Красная через Козельск на Одоев, Крапивну, Тулу.

…Ночью подъехали к реке. Мост был взорван, справа от моста находился объезд с очень крутым спуском, ведущим к построенному прямо на льду временному мосту. Красноармеец-шофер на машине Медведева попался молодой, неопытный, видимо, недавно сел за руль. На хорошей дороге он давал тихий ход, на плохой нажимал на все педали. Машина Медведева первой подъехала к спуску, шофер рванул вперед, свет у него выключился, и машина помчалась. Шофер хотел было нажать на тормоз, но вместо этого попал на газ. Медведев в это время

находился рядом с шофером, в кузове же разместилось человек пятнадцать-двадцать, среди них и Николай Королев.

Машина накренилась и стала валиться набок. Медведев и шофер выскочили на лед. Партизаны уже были внизу, раздавались их голоса.

— Тащи его, тащи!

Как выяснилось, Королев вместе со всеми вывалился из машины и попал в прорубь головой. Теперь его за ноги тащили из проруби. Борода нашего адъютанта обмерзла, обледенела, но сам он ничуть не пострадал…

Наконец прибыли в Щекино. В этом гостеприимном городке нас накормили, дали хлеба, каши, сала. Мы основательно подкрепились. Приехали в Тулу и, поскольку дальше решили ехать поездом, обратились к коменданту.

— Ваши проездные документы?

— ?! — Мы похолодели.

У нас вообще не было никаких документов.

Все наши документы, мандаты, полномочия остались у полковника Максимова, который выезжал нас встречать и нелепо погиб от вражеской бомбы. Медведеву кое-как удалось уговорить коменданта станции, и он выделил нам три дачных вагона, в которых мы и расположились.

Паровоз дал свисток. Мы облегченно вздохнули… как вдруг Дмитрию Николаевичу докладывают, что один из наших ребят задержан на вокзале патрулем. Он был в форме гитлеровского солдата с автоматом, и его приняли за фрица. Кое-как Дмитрий Николаевич освободил бойца, и они вдвоем уже на ходу вскочили в поезд.

* * *

Только разместившись в неказистых вагончиках и услышав дробный стук колес, мы, наконец, впервые за много дней явственно ощутили, что война ушла от нас в неизмеримые дали, теперь мы, наконец, можем перевести дыхание и прочувствовать то, что пережили.

Огромная, долго сдерживаемая усталость сморила моих товарищей. Они заснули.

Поезд тащился медленно. Он долго стоял на полустанках и станциях, возле вагонов ходили железнодорожники, стучали молотками, переговаривались. А я сквозь дрему, сквозь сон вспоминал наши переходы, стычки, бои…

Особенно один образ врезался в память. Это образ Брянского

леса. Удивительно, но в то время он представлялся мне единым живым существом. Этаким могучим и добрым стариканом с… автоматом на плече. У партизан к лесу особое, языческое отношение. Лес для них дом, мастерская, поле боя, клуб, спальня, кухня. Для партизан лес — это все. Он спасает, укрывает, обогревает и даже кормит их. Я засыпал, мне снились могучие заснеженные стволы сосен…

Как долго добирались мы до Москвы! Не было такого захудалого переездика или полустанка, где бы наш поезд не стоял минут десять, а то и час. Но всему приходит конец. И вот мы в Москве, на Курском вокзале.

Встречающие нас ждали-ждали и куда-то исчезли. Они появились лишь в тот момент, когда Дмитрий Николаевич уже выстроил отряд на перроне. Раздались крики «ура». Неужели это нас так встречают, даже не верится!

Вид у нас живописно опереточный. Одеты — кто во что горазд. Оружие, обувь, одежда, действительно всех сортов, мастей и различной степени прочности.

Встречали нас два подполковника. Их сопровождал Лев Викторович Бахметков. Я подружился с ним еще в лагере «Строитель» и сейчас мне особенно приятно было встретить старого друга.

Торжественная встреча состоялась. И не менее торжественно направились мы в… Сандуновские бани. Вот где мы получили истинное, ни с чем не сравнимое удовольствие! Это была царская награда за наши труды. Мы вымылись, попарились, постриглись. Нам выдали новенькое, с иголочки, обмундирование. Настроение наших бойцов подпрыгнуло кверху прямо-таки с головокружительной быстротой.

После «Сандунов» личный состав отряда был отправлен во 2-й полк «ОМСБОН», а командование отряда размещено в гостинице «Москва».

Затем был доклад у командования.

Затем скромный банкет в бригаде полковника Орлова.

Неповторимо приятные, по-настоящему счастливые часы! Мы отдыхали, как могут отдыхать люди, пережившие смертельную опасность, люди, которых потом назовут «людьми с чистой совестью».

* * *

Так как наш отряд из тех, кто побывал в тылу противника, прибыл в Москву первым — мы были, что называется, нарасхват.

Нас приглашали на заводы, в госпитали, в учреждения, непрерывно звонили по телефону и просили рассказать об отряде. Москвичей интересовало все, что творилось в тылу противника. И наши рассказы возымели своеобразное действие среди слушателей. Очень многие настойчиво просили, чтобы их послали в тыл противника. Тут были и бойцы Красной Армии, и рабочие, и служащие. Буквально целыми группами, коллективами и поодиночке люди приходили в бригаду и просили, даже требовали, чтобы их послали партизанить, так как они хотят воевать за Родину. Жаловались на то, что их забронировали и не дают возможности защищать Родину с оружием в руках…

Я помню одну беседу в Моссовете. Пригласили Медведева и предупредили, что состоится ответственное совещание, после которого он должен будет выступить. Дмитрий Николаевич взял с собой Сиповича, Королева, Шмаринова, Творогова и меня, всего человек восемь. Встретили нас очень хорошо. Когда мы рассказали о делах отряда, о положении на временно оккупированной фашистами территории, о патриотическом подъеме, зал взорвался бурными аплодисментами. После выступления нас долго не выпускали из зала и многие задавали один и тот же вопрос: как им попасть в партизанский отряд?

Памятным для всех нас днем стало 17 февраля: в этот день нас вызвали в Кремль для вручения правительственных наград. Я тогда впервые был в Кремле и впервые так близко видел Михаила Ивановича Калинина.

Указом Президиума Верховного Совета от 16 февраля 1942 года были награждены: орденом Ленина — четыре человека, в том числе посмертно Староверов и Боголюбов, орденом Красного Знамени — девять человек, Красной Звезды — двенадцать и медалью «За отвагу» — четыре человека.

Когда для получения ордена Ленина пригласили Медведева, Дмитрию Николаевичу от имени всех партизан было предоставлено слово. Медведев не ожидал, что он будет выступать, он растерялся, и чувствовалось, как он сильно волнуется. Но затем наш командир успокоился, собрался с мыслями и произнес отличную речь.

Закончил он заявлением, что война только начинается и, несмотря ни на какие трудности, ни на какие лишения, мы готовы выполнить любое задание партии и правительства.

После этого был товарищеский ужин, мы делились впечатлениями от посещения Кремля, мечтали, что в ближайшее время снова пойдем в тыл противника продолжать свою партизанскую «карьеру».

В ночь с 23 на 24 февраля полковника Орлова срочно вызвал

к себе командующий фронтом Георгий Константинович Жуков.

Вместе с Орловым поехал и наш командир. Встреча продолжалась почти два часа. Командующий фронтом внимательно выслушал доклад Медведева о действиях наших отрядов, о полученных разведывательных данных.

— Что можно сделать в тылу врага, дабы прервать его коммуникации и приостановить снабжение фашистских войск на Западном фронте? — спросил Жуков. — Сейчас чрезвычайно важно, чтобы гитлеровцы не могли гнать свои эшелоны к фронту.

— Это сделать довольно просто, — ответил Медведев. — Надо создать партизанский корпус из действующих на местах отрядов и как следует вооружить его

— Пока вы будете сколачивать партизанский корпус, пройдет время, — прервал его Жуков, — а нам нужны немедленные действия.

— Тогда необходимо срочно сформировать и направить в тыл противника отряд человек в двести, который будет действовать только по указанию командования и на определенных коммуникациях противника, — уверенно сказал Медведев. — Но для этого нужны оружие, взрывчатка…

Жуков одобрил предложение Медведева.

Вернувшись, Дмитрий Николаевич рассказал Сиповичу и мне о своей встрече с командующим.

8 марта 1942 года Медведев, Сипович, Королев, я и еще другие партизаны были приглашены в Колонный зал Дома союзов на вечер, посвященный Международному женскому дню. Медведева с нами не было, его вторично вызвал командующий фронтом. Уже поздно вечером Дмитрий Николаевич пригласил к себе Сиповича и меня и вкратце информировал нас о разговоре с командующим.

Жуков интересовался, как идет формирование отряда.

— Готовлю отряд к выброске в тыл противника, — отрапортовал Медведев.

Командующий одобрил его действия и еще раз подчеркнул, что первоочередные задачи — это на возможно длительное время прервать коммуникации врага и как можно больше собрать разведывательных данных: где расположены аэродромы противника, особенно те, с которых фашисты летают бомбить Москву, склады, базы, штабы гитлеровских войск. Надо собрать сведения о поездах, сколько проходит их в сутки по одноколейным и двухколейным дорогам и сколько времени необходимо противнику, чтобы восстановить разрушенные коммуникации.

— В дальнейшей беседе, — продолжал Дмитрий

Николаевич, — я заметил, что следует глубже смотреть в тыл противника, так как коммуникации врага идут с запада, и поэтому можно взрывать эшелоны и технику на значительном удалении от линии фронта. По-моему, партизанское движение следует развивать именно в этом направлении. Людские резервы в глубоком тылу противника есть, необходимо послать туда людей для организации движения — командиров, комиссаров, начальников штаба, специалистов-взрывников и главным образом вооружение.

Жуков спросил, сколько нужно автоматов. Я ответил, что не подсчитывал, но примерно тысячи две — две с половиной. Тогда он сказал:

— Разрабатывайте материал. Дам три тысячи автоматов и все, что нужно. Желаю успеха!

* * *

Вскоре после этого разговора в штабе фронта было сформировано несколько партизанских групп и отрядов, которые были срочно переброшены через линию фронта для организации разведки и диверсии на железнодорожных коммуникациях противника. В эти группы и отряды включили по нескольку бойцов и командиров нашего отряда: их опыт, полученный в боях на Брянщине, был нужен, необходим новым формированиям. Один десантный отряд, действовавший на территории Западной Украины, возглавил сам Дмитрий Николаевич Медведев. Подвиги и дела этого отряда описаны в замечательных книгах Медведева: «Это было под Ровно» и «Сильные духом»…

С поставленной задачей эти группы и отряды с честью справились, а их участники были отмечены правительственными наградами. Дмитрию Николаевичу Медведеву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

* * *

«Правда», 13 мая 1967 года.

Брянской области был вручен орден Ленина.

«Брянск, 12 мая (ТАСС). Сегодня на торжественном собрании во Дворце культуры Брянского машиностроительного завода Брянской области был вручен орден Ленина. Этой высокой награды трудящиеся области удостоены за активное

участие в партизанском движении, мужество и стойкость, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, и за успехи, достигнутые в восстановлении и развитии народного хозяйства».

Эту коротенькую заметку из «Правды» я помещаю здесь как естественный заключительный аккорд моего повествования о героях-партизанах Брянского края. Помните о них!

Г. Кулаков

В жизни всегда есть место подвигам!

Дорогой читатель! Продолжая традицию нашей библиотечки — знакомить тебя с живыми героями, — мы пригласил» сегодня в наш «Клуб» Альберта Вениаминовича Цессарского, «партизанского доктора» в отряде Героя Советского Союза Д. Н. Медведева.

Альберт Вениаминович не был участникам первого партизанского похода Д. Н. Медведева, о котором рассказывает в своей документальной повести Г. Кулаков. Он познакомился с Дмитрием Николаевичем Медведевым позднее, в Москве, когда тот готовился к своему новому рейду по тылам противника. (Читатели знают об этом рейде по книгам Д. Н. Медведева «Это было под Ровно» и «Сильные духом».) Повесть Г. Кулакова «Дневник комиссара», таким образом, раскрывает нам предысторию легендарных медведевцев, многие из которые вместе со своим командиром продолжали сражаться в Белоруссии и на Украине.

Естественным послесловием к книге Г. Кулакова «Дневник комиссара» будет рассказ Альберта Вениаминовича о дальнейшей судьбе некоторых из героев повести.

* * *

…Я увидел Медведева весной 1942 года, когда он формировал в Москве свой второй отряд. Будущего командира в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения знали по рассказам его бойцов, только что возвратившихся из тяжелого рейда по вражеским тылам. О мужестве, смелости и находчивости своего командира медведевцы рассказывали легенды. И я невольно оробел перед дверью его служебного кабинета…

Медведев — совсем такой, каким описывает его Георгий Николаевич Кулаков. Стройный, подтянутый, он стремительно обернулся ко мне, буквально пронзил взглядом черных глаз, кивнул, приглашая войти, и продолжал прерванный разговор с высоким военным. Я замер по стойке «смирно», изо всех сил изображая эдакого опытного солдата-строевика. Военный — он был по званию младше Медведева — что-то оживленно рассказывал Дмитрию Николаевичу. Оба смеялись — просто, легко, непринужденно. В комнату вошел человек в морском кителе, и Медведев, улыбаясь, сказал:

— А, Толя! Познакомься, доктор к нам просится…

На меня сразу повеяло теплотой человеческих отношений, полных доверия и уважения, той атмосферы, которая неизменно окружала Медведева и его товарищей. Так я впервые увидел и комиссара его отряда Георгия Николаевича Кулакова и радиста Анатолия Шмаринова. Разговаривая с командиром, они то той то другой фразой напоминали друг другу о событиях недавнего рейда, где-то хмурились, где-то удивлялись, где-то радовались. Я ничего не понимал и завидовал этим людям, которых уже объединило очень большое, очень важное, может быть, самое важное в жизни. Потом, проведя с Медведевым почти два года в глубоком тылу врага, я все-таки немного ревновал его к этому прошлому, к той нежности, с которой он вспоминал свой первый отряд…

Для бывших соратников Дмитрия Николаевича его первый отряд действительно стал жизненной школой. Саша Творогов — автор «Дневника» — посвятил ему много теплых строк — стал командиром первой группы нашего отряда, высадившейся с парашютами в тылу врага. Они должны были подготовить базу, чтобы принять затем остальную часть отряда. Из первых медведевцев вместе с Твороговым был и Филипп Куринный. От него мы узнали о судьбе Саши.

…Летчик по ошибке высадил группу за сто километров от намеченного лесного района, в открытой степи. Мы получили всего лишь одну радиограмму от Творогова, в которой он сообщал, что будет пробиваться на север. На третьи сутки группа подошла к деревне Селянщина. Их приютили в доме председателя колхоза, расстрелянного гитлеровцами. Но староста выследил их и привел карателей. Сто против четырнадцати! Держались весь день, до темноты. Саша, даже раненный, командует боем. Он продолжает стрелять, он теряет последние силы… Мучает жажда. Куринный с товарищем под огнем врага пробираются к заброшенному колодцу, обвязавшись веревкой, спускаются вниз и приносят воду. Но Саша уже мертв, вражеская пуля оборвала его жизнь. Оставшиеся в живых десантники в темноте прорываются из окружения. Гитлеровцы снова бросаются в погоню… Из всей группы в живых остались только двое. Присоединившись к другому партизанскому отряду, они отважно сражались до самого конца войны.

Из первых медведевцев вместе с нами воевали Абдраимов, Наркович, Волков, Цароев. В стычке с гитлеровцами в районе города Ровно был тяжело ранен лейтенант Цароев. Он категорически отказался отправиться в один из лесных партизанских госпиталей на лечение и остался в отряде, «обязуясь» выздороветь, как он шутил, на марше. Любимцем в

нашем отряде был и Дарбек Абдраимов. Помню его во время одной из засад, которую мы организовали на пути большого гитлеровского обоза. Командовал операцией наш новый комиссар Сергей Трофимович Стехов.

…Партизан было всего человек двадцать. В охране обоза, по данным разведки, находилось человек пятьдесят гитлеровцев. Мы чуть запоздали и едва успели залечь в низкорослом ельничке, когда на дороге появилось головное охранение. Не совсем удачно выбранная позиция — и вот у нас уже несколько раненых. Затем в тылу затрещали автоматы — к гитлеровцам подошло подкрепление. В ходе боя я и раненые оказались в стороне от остальных партизан. Быстро стемнело. Совсем рядом послышалась немецкая речь — гитлеровцы подбирали своих убитых. А мы ждали, когда за нами явится комиссар с повозками, чтобы вывезти раненых. И все эти долгие часы рядом находился Дарбек Абдраимов. Наш славный защитник стоял над нами с автоматом в руках, готовый, если придется, защищать нас до последнего патрона. В его фигуре было столько уверенности, спокойствия, силы, что на душе поневоле становилось легче…

У нас в отряде Дарбек был мастером на все руки: и ходил в разведку, и варил овсяную болтушку, и даже ввел в обиход свое знаменитое выражение «давай белый шиворот». А когда в одном из боев командир оказался под огнем противника, Дарбек бросился к нему на помощь и упал, сраженный вражеской очередью…

Франц Игнатьевич Наркович в первом отряде выполнял нелегкую работу отрядного повара. У нас он очень скоро стал командиром специального отряда, сформированного из польских патриотов. Но лучше всего я запомнил Франца Игнатьевича по одному первому бою 23 июня 1942 года, когда только что высадившийся с самолетов отряд был окружен карателями. Почти все бойцы ушли вперед, чтобы встретить наступающих фашистов. Я оставался в палатке санчасти, где оперировал первых раненых. Вдруг слышу — за палаткой редкие, одиночные выстрелы. Взглянул и вижу: по берегу болота, защищающего наш лагерь с тыла, похаживает Франц Игнатьевич и, неторопливо целясь, постреливает. Оказывается, он заметил карателей, прорвавшихся к лагерю через болото, и один в течение двух часов прикрывал нас огнем своего автомата. Об этом он, потом даже и не доложил командованию. К чему? Ведь карателей все равно отогнали!

Так же буднично и просто водил он свой отряд на сложные боевые задания. Он остался на территории Западной Украины, чтобы восстанавливать разрушенное войной. Но вражеская пуля оборвала его жизнь: вскоре после победы Франц Игнатьевич был

предательски убит в своем доме украинским националистом — ярым врагом Советской власти.

Замечательным партизанским командиром стал в нашем отряде лейтенант Гриша Волков. Особенно хорошо проявил он себя в самом тяжелом бою из всех тех, в которых нам доводилось участвовать.

8 ноября 1943 года наш отряд был окружен двумя полицейскими полками под командованием генерала Пиппера, носившего зловещее прозвище «мастера смерти». Бой продолжался с рассвета до глубокой ночи. Гитлеровцам удалось ворваться даже в землянки нашего лагеря. Но рота, которой командовал Волков, не дрогнула, не отступила ни на шаг…

Прекрасные традиции принесли к нам партизаны первого медведевского отряда. Многим из того, что нам удалось сделать под Ровно, мы обязаны этим традициям, родившимся в партизанских схватках на брянской земле.

Анатолий Аристархович Шмаринов возглавил обучение радистов партизанских отрядов. Он обеспечил бесперебойную связь со своими учениками в тылу врага. И возможно, тогда, когда на марше мы забрасывали антенну на вершину сосны и окружали радиста, с волнением прислушиваясь к далеким позывным, рука Шмаринова выстукивала нам привет из Москвы…

Медведевец Лопатин вскоре после своего возвращения на Большую землю снова ушел во вражеский тыл во главе партизанского отряда. Этот прославленный отряд воевал под Борисовом, а его командир — «дядя Коля» — был удостоен звания Героя Советского Союза…

Начальник штаба отряда, сменивший Староверова, Герой Советского Союза Михаил Иванович Сипович сейчас руководит кафедрой в одном из московских вузов…

С бывшим адъютантом Медведева, знаменитым боксером Николаем Федоровичам Королевым, мы часто встречаемся. Недавно мы торжественно отпраздновали его пятидесятилетие. Ведь Королев — это целая эпоха советского бокса. В январе 1942 года он был демобилизован комиссией по сохранению кадров и стал работать заместителем председателя президиума московского добровольного спортивного общества «Спартак». Он тренировал юных спортсменов, учился в Институте иностранных языков, и, несмотря на болезнь, фронтовую контузию, снова вернулся на ринг. После демобилизации Николай Королев пять раз выигрывал звание чемпиона Советского Союза по боксу в тяжелом весе и три раза завоевывал звание абсолютного чемпиона страны. А в 1956 году, в сорокалетнем возрасте, выиграл первенство на Спартакиаде народов РСФСР. В том же

году за спортивные заслуги перед Родиной он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР и звание «Отличник физической культуры СССР». Вся жизнь Николая Королева — это подвиг. Двадцать лет на ринге, с перерывом на войну, — это биография огромного мужества и беззаветной преданности Родине. Это жизненный почерк медведевца…

Мой товарищ по медицинскому институту, врач первого отряда Медведева, Александр Файнштейн пользуется большим уважением среди жителей Волгограда, где он уже много лет живет и работает.

И наконец, об авторе «Дневника комиссара», о самом Георгии Николаевиче Кулакове. О Кулакове его товарищи и сослуживцы говорили мне с глубоким уважением не только как об отличном специалисте, но и как о прекрасном человеке. Я с радостью узнавал в этих отзывах медведевского комиссара — такого, каким его знали партизаны в тылу врага, каким я увидел его впервые в кабинете Медведева в памятном для меня 1942 году. И еще мне кажется, что в манере слушать человека, в умении встать на место собеседника и понять его, следовательно, в уважении к его личности, в доверия к другому человеку, которым отличается Георгий Николаевич, я узнаю самого Медведева

Да, почти на всех людях, прошедших с Медведевым какой-то отрезок жизненного пути, будто сохраняется навсегда отпечаток образа этого замечательного человека, будто в каждом из них Медведев оставлял частичку самого себя.

Сейчас, мысленно окидывая жизненный путь Дмитрия Николаевича, я понимаю, что это свойство Медведева определялось не только силой его личного примера, но и тем, что это было его призванием. Да, я глубоко убежден, что Медведев был по призванию воспитателем. Вот почему после войны он взялся за перо. Вот почему первой его книгой стала книга для детей «Это было под Ровно». И, как настоящий учитель, он постоянно нес на себе ответственность за всех нас. Он радовался нашим успехам и огорчался из-за наших неудач.

Дмитрий Николаевич Медведев прожил большую жизнь революционера, коммуниста. «Дневник комиссара» раскрывает для нас новую страницу этой прекрасной жизни.

Медведевцы свято хранят дружбу, связавшую их в годы общей борьбы за свободу Годины. Мы часто встречаемся в школах, в пионерских лагерях, на заводах, где рассказываем о мужестве наших товарищей, о преданности их делу коммунизма. Ведь и это традиция, заложенная нашим командиром.

20 коп.

Инженер-полковник **Георгий Николаевич Кулаков** родился в 1910 году в Крыму в городе Симферополе. Работал грузчиком, в 1928 году приехал учиться в Москву на рабфак имени Артема, который окончил в 1930 году.

По путевке ЦК ВЛКСМ в 1931 году работал на Щекинской шахте № 5 Подмосковного угольного бассейна. В 1936 году окончил Московский энергетический институт, член КПСС с 1940 года. С первых же месяцев войны Георгий Николаевич вступил в партизанский отряд и был назначен комиссаром отряда Д. Н. Медведева, боевые действия которого описаны в этой книге. За участие в партизанском движении награжден орденом Ленина, медалью «Партизан Отечественной войны I степени» и рядом других медалей...

В периодической печати и газетах начал публиковаться с 1958 года. «Дневник комиссара» — первая книга Г. Н. Кулакова.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ